Община учеников

ДЕСЯТАЯ ТЕТРАДЬ

В начале было Слово...

Новосибирск
2006

От авторов

Дорогой читатель!

Вот и подходит к концу наше путешествие по страницам Библии. Мы стали участниками великой драмы отношений, разыгравшейся между Богом и человеком. Вместе с Адамом мы покинули Эдемский сад доверительного Богообщения, чтобы затем, вместе с Авраамом, Иаковом и Моисеем, вместе с народом Израиля, его Мудрецами и Пророками, искать путей возвращения. Этот Путь Истины и Жизни был указан нам Иисусом Христом, Плотником из Назарета, Сыном Человеческим и Сыном Божиим, Пророком и Учителем всех людей, Распятым и Воскресшим.

Но событие Иисуса отнюдь не завершилось с окончанием Его земной жизни и Вознесением к Отцу. По всему миру распространилась проповедь Апостолов о том, что Единый Бог прославил Распятого Иисуса из Назарета, «соделал Его Христом и Господом» (Деян 2, 30-36). Принять Его верою – значит получить вечное Спасение. Община исповедующих Иисуса своим Господом и Спасителем – это и есть Церковь.

Такая община начала складываться ещё при земной жизни Христа. Её прообразом было Святое Семейство из Назарета, включавшее Марию, Иосифа и их Божественного Сына. Затем, с началом публичной деятельности Иисуса, эта община стала куда более многочисленной. Толпы людей приходили к Нему, чтобы послушать проповедь о Царстве и исцелиться. Везде, где Он появлялся, оставались Его приверженцы,

возникали кружки последователей и сочувствующих. Некоторые ученики оставили свои дома и имущество, чтобы сопровождать Учителя во всех Его странствиях.

И всё-таки, исходя из одного только земного служения Иисуса, невозможно понять, что такое Церковь, для чего она существует, чем она призвана стать. Охватившая все племена и народы, все социальные классы и сословия Церковь есть Плод Христовой Пасхи, Его Распятия и Воскресения. В этой связи Святые Отцы часто использовали яркую метафору: Церковь – Новая Ева – была рождена из пробитого на Кресте ребра Иисуса – Нового Адама, – из которого истекли Кровь и Вода – символы двух главных церковных Таинств – Крещения и Евхаристии (ср. Ин 19, 33-34).

На страницах последней тетради нашего курса мы как раз попытаемся выяснить, что же есть Церковь и каково наше место в ней? Самый первый, самый общий ответ на этот вопрос уже был сформулирован нами в конце предыдущей, девятой тетради. Церковь – это община Нового Адама, это совокупность новых, проникнутых духом любви и служения отношений людей с Богом и людей между собой. А потому, прежде чем приступить к разговору о Церкви, мы несколько конкретизируем образ Нового Адама, того нового, возрождённого во Христе человека на примере ближайших друзей и сподвижников Христа: членов Его земной семьи (Марии и Иосифа) и Его Апостолов.

Они преподают нам урок жизни вблизи Бога со всеми её радостями, но также и трудностями, опасностями, искушениями. Это они первыми облеклись в Нового Адама, сотворённого по образу Христа, а не по образу мира сего. Это они являются ныне нашими небесными заступниками, сопровождающими нас своей молитвой и сочувствием на всех этапах нашего собственного жизненного пути.

Мы начнём с обращения к самым близким Иисусу людям – Марии и Иосифу – к тем, кто, по всеобщему убеждению Церкви, лучше других понимал Господа, полнее других воплотил завещанный Им образ нового творения.

Раздел I

Мария

Мать Иисуса Мария упомянута лишь в нескольких евангельских эпизодах, однако, и из этих немногих отрывков можно почерпнуть немало важного. Внимательное, вдумчивое чтение позволяет составить определённое суждение о характере Марии, об особенностях Её личного призвания. Матерь Иисуса появляется на сцене в трёх ключевых моментах Истории Спасения: при зачатии Сына Божия в Его человеческом естестве, в самом начале Его публичного мессианского служения и у подножия Креста. И в каждом из этих случаев личность Марии раскрывается по-новому. По-новому раскрывается и Её роль по отношению к ученикам. Мы последовательно рассмотрим соответствующие библейские фрагменты.

«Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему»

Вы наверняка слышали слово ***Благовещение***. Так называется великий церковный праздник, который отмечают каждый год 25 марта. То же название носят некоторые иконы и живописные полотна эпохи Возрождения. И праздник литургического года, и иконы, и творения художников посвящены одному событию: архангел Гавриил возвещает Деве Марии из Назарета о чудесном зачатии Ею Младенца: «Дух Святый найдёт на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречётся Сыном Божиим» (Лк 1, 35).

Сюжет, лёгший в основу церковного праздника, вдохновивший иконописцев и художников, известен нам из Евангелия от Луки. Между тем, евангелист описывает в первой главе своего повествования не одно, а целых два благовещения. Рассказ о явлении Гавриила Марии предварён рассказом о явлении Ангела Господня священнику Захарии в Иерусалимском храме. В этом случае Ангел возвещает рождение

Иоанна Крестителя от престарелой и прежде неплодной жены Захарии Елизаветы. Ангел, обратившийся к Захарии, не назван по имени, однако можно предположить, что он – всё тот же Гавриил, спустя шесть месяцев явившийся в Назарете юной Марии[1]. Итак, оба эпизода связаны ещё и единством одного из главных действующих лиц.

В композиционном отношении оба благовещения построены в соответствии со схемой, принятой в благочестивой иудейской традиции[2], включающей (в той или иной комбинации) следующие моменты. Некая супружеская пара не может иметь детей по естественным причинам. Но когда всякая надежда на зачатие ребёнка, казалось бы, потеряна, супругам или кому-то одному из них является ангел и предсказывает зачатие младенца.

Адресат выражает законное сомнение и, в качестве гарантии истинности слов ангела, получает некий знак, некое удостоверение. В конце концов, на свет приходит дитя, которому суждено великое будущее: он получает особую миссию, через него реализуются спасительные замыслы Бога, касающиеся всего народа.

Но почему же Лука не ограничился повествованием о чудесном зачатии Иисуса, а предпослал ему эпизод о зачатии Крестителя? Тому были важные причины. Евангелист стремился продемонстрировать предначертанный свыше характер событий Священной Истории. Роль Иоанна, как Предтечи, Предшественника Иисуса, отнюдь не была случайной. Взаимосвязь Крестителя и Христа была предусмотрена изначально, ещё прежде их зачатия, и обозначена с первых же дней их земного существования (ср. также Лк 1, 40-45).

---

[1] В Книге Даниила (Дан 8, 16; 9, 20-22) и позднейшей иудейской традиции ангел, носящий имя *Гавриил*, имеет особую миссию: возвещать Господним избранникам тайны Божьи, открывать им сокровенные Божественные замыслы, касающиеся славного завершения Священной Истории и спасения народа Израиля.

[2] Подобным образом описано рождение сына Исаака у престарелых Авраама и Сарры (Быт 18, 1-15; 21, 1-7), рождение Моисея в иудейских апокрифах, рождение Самсона (Суд 13), рождение Самуила (1 Цар 1).

Но была и ещё одна причина сопоставления двух похожих фрагментов. Евангелист показывает читателю Марию, являет пленительные черты Её личности, подчёркивает величие Её призвания.

Чтобы лучше понять мысль святого Луки, нам необходимо обратиться к его тексту, не упуская ни одной, даже самой незначительной на первый взгляд детали.

✷Лк 1, 5-38

Если священнику Захарии ангел является в Храме во время богослужения, то сцена явления того же ангела юной деве подчёркнуто проста и лишена всякой внешней торжественности. Всё происходит в Назарете, захудалом провинциальном селении, которое многие набожные евреи считали почти языческим: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин 1, 46). Ныне началось строительство храмов в человеческих сердцах, и Божье присутствие переносится из каменного святилища в душу ничем не примечательной, обычной девушки из Галилеи.

В первом случае ангел обращается не к женщине, которой предстоит родить, но к её мужу – священнику, а во втором – прямо общается с Марией, а не с Её женихом Иосифом. Спасение начинается с того, кто выглядит негодным, недостойным в глазах людей. Что же в патриархальном иудейском обществе могла значить женщина, а тем более юная девушка, почти ребёнок? Но Бог не связан человеческими представлениями о Нём, в Его глазах свято, достойно и избрано то, что наполнено Им.

Кто такие Захария и Елизавета? «Оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно». Эта супружеская чета олицетворяет безупречную верность Закону, они являются наиболее благочестивыми и достойными представителями избранного народа.

А кто такая Мария? Девушка, наполненная Божьей благодатью, т.е. любовью, милостью, исключительной благосклонностью Господа. Если в родителях Иоанна Крестителя закон Моисея обретает свою полноту, то Мария – это плод абсолютного Божия избрания.

И Захария, и Мария слышат предсказание ангела. В обоих случаях оно начинается словами «не бойся», но в дальнейшем его содержание существенно отличается. Захарии возвещается о том, что его молитва услышана. Рождение Иоанна является ответом на человеческие ожидания, надежды, просьбы.

Марии же сказано: «Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнёшь во чреве, и родишь Сына, и наречёшь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречётся Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его». В тексте Евангелия нет ни слова о том, что Мария мечтала стать матерью Мессии, молила об этом Бога. Скорее можно предполагать, что Она просто жила Своей жизнью, очень любила Бога и окружающих людей; естественным образом, по велению сердца, творила добро и избегала зла, размышляла о происходящих

событиях и, как и многие искренне религиозные иудеи, «чаяла утешения Израилева» (ср. Лк 2, 25).

До того момента, как Ей явился ангел, Она и не подозревала о Своём исключительном призвании, о том, что на Ней почивает Святой Дух. А теперь, услышав слово Благой Вести, Она не стала прятаться за нарочитым признанием собственного недостоинства, не прибегла к предписанному традицией показному самоуничижению, а просто и, вместе с тем, безоговорочно приняла открывшуюся Ей волю Божию.

Как же различны реакции этих двух адресатов ангельского Благовестия! Захария сомневается: «по чему [на основании чего] я узнаю это?» Иерусалимский священник требует гарантий, доказательств подлинности обещанного. Его вопрос указывает на недоверие, ибо ему трудно принять такой сюрприз от Бога.

А что творится в душе Марии? «Как будет это?» – звучит Её вопрос. Ей не нужны удостоверения и зн*а*мения. Она вопрошает о тайне, но лишь для того, чтобы получить рекомендации, как Ей поступать? Чтобы выяснить, каким путём Ей надлежит следовать для исполнения Божьего замысла? Свою готовность во всём положиться на Бога Мария выражает в словах, которыми завершается весь эпизод: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему».

Она не задаёт многих, вполне оправданных в данной ситуации вопросов. Например, как объяснить жениху факт своей неожиданной беременности? Или, как отнесутся к происходящему соседи, земляки, блюстители Закона в синагоге? Она знает, что действительно исходящее от Бога призвание непременно будет реализовано, несмотря на препятствия, громоздящиеся на его пути.

Все предвиденные и непредвиденные трудности обязательно разрешатся, ведь за дело берётся Сам Господь! Мария совершенно свободна от себя самой, своего эгоистического «я», своих, обусловленных недоверием и нелюбовью к Богу опасений. Потому-то Она с такой доверчивостью, с таким безусловным упованием отдаёт Свою жизнь в руки Небесного Отца.

Мария не просит о знамении, но всё же получает его. Таким знамением должна стать беременность престарелой Елизаветы, Её дальней родственницы и жены священника Захарии. И Мария с поспешностью идёт в дом Захарии (Лк 1, 39-40) – не для того, чтобы получить доказательства истинности Благовещения, а для того, чтобы поделиться с Елизаветой поразительной новостью: лишь ей единственной Она могла рассказать о происшедшей в Её жизни чудесной перемене. А ещё для того, чтобы оказать родственнице необходимую ей на последнем сроке беременности помощь (ср. Лк 1, 56).

Здесь, в доме Елизаветы, из сердца Марии спонтанно, на одном дыхании, вырвался благодарственный гимн Господу, чем-то напоминающий благодарственный гимн Анны по случаю рождения ею пророка Самуила (1 Цар 2, 1-10), но куда более величественный и возвышенный.

Логическим завершением обоих эпизодов благовещения является сообщение евангелиста о рождении младенцев (Лк 1, 57 и 2, 7). В отношении Елизаветы использован греческий глагол *геннао*, буквально «родить», а в отношении Марии – другой глагол, *тикто*, т.е. «производить», «приносить плод». Евангелист очень тщательно подбирает слова.

Младенец, рождённый Марией, не есть плод плоти и крови, обыкновенного физического соития. Он – плод свободной инициативы Бога. «Дух Святый найдёт на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя», – так было сказано Марии. А в Книге Исход мы читаем: «И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию» (Исх 40, 34-35).

Мария и является новой Скинией, Домом, Святилищем, Пребыванием Бога – прежде всего, Воплощённого Слова Иисуса (ср. Ин 1, 1. 14), физически развившегося в Её лоне, а также нераздельных с Сыном Отца и Святого Духа. Та, которая удостоилась стать Матерью Бога-Сына, есть вместе с тем возлюбленная Дочь Отца и Невеста Святого Духа. Если мать всех живущих Ева (Быт 3, 20), соблазнённая змием, родила в мир грешных людей, то Мария принесла совсем иной Плод – Нового Адама, Совершенного Человека. Вот почему Отцы Церкви назвали Её впоследствии Новой Евой.

Происшедшее в Марии стало новым актом творения, новым началом. Если в рождении Иоанна Крестителя исполняются обетования древнего Синайского Завета, то появление Марии предвозвещает начало Нового Завета – Завета безоговорочной, безусловной и абсолютно бескорыстной любви Бога к Своему творению. Притом, чтобы этот Завет стал реальностью в земном мире, потребовалось и свободное согласие юной девушки на изумительные, во многом непостижимые для Неё самой Божии замыслы: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему».

«Что скажет Он вам, то сделайте»

Тридцать лет минуло с той поры, когда безвестная девочка из Назарета дала Своё согласие на исполнение Божия замысла Спасения. И вот теперь мы видим Её, теперь уже зрелую женщину, на свадебном пире в галилейском городке Кана.

«На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его

на брак. И как недоставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? ещё не пришёл час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, – а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, – тогда распорядитель зовёт жениха и говорит ему: всякий человек подаёт сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберёг доселе. Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» (Ин 2, 1-11).

Между прочим, на брак в Кане Галилейской была приглашена именно Мария, а Иисус присутствовал там как Её Сын. Мария ничем не выделяется за праздничным столом, Она не делает ничего особенного, просто наблюдает, и, едва заметив проблемы хозяев, тут же обращает на них внимание Иисуса: «Вина нет у них». Она очень переживает за устроителей свадебного торжества и деликатно просит Сына помочь им.

Но разве не так поступает Мария по отношению к каждому из нас? К каждому христианину? Она находится рядом с нами, как Мать, но Её присутствие незаметно и ненавязчиво. Она следит Своим заботливым взором за всем, что происходит в нашей жизни, а в случае опасности или нужды протягивает руку помощи. Так и должна вести себя истинно любящая мать: не пытаться управлять своим дитятей с помощью грозных окриков, не контролировать любой его шаг. Предоставляя своему чаду свободу, она, тем не менее, всегда с ним рядом.

Но как помогает Мария? Так, как Она сделала это в Кане Галилейской, представив человеческие нужды Иисусу, указав нуждающимся на Сына. Приводить к Нему – в этом и заключается Её неповторимая роль. Мария ни в коем случае не конкурирует с Сыном, не стремится заменить Его. Напротив, Она лишь указывает на Него: «Что скажет Он вам, то сделайте».

Ненавязчивое, заботливое присутствие – вот как можно охарактеризовать Марию. Таким образом Она сопровождала Иисуса во время Его земной жизни, таким же образом Она сопровождает и нас на нашем жизненном пути. Это – тот образ Марии, который открыт нам в Евангелии. Это – тот образ личности и образ действий, который должен усвоить себе всякий христианин. Жить в духе Марии, поступать в духе Марии – это и значит жить в духе Иисуса, в Святом Духе.

Но как понять ответ Иисуса, данный Матери? «Что Мне и Тебе, Жено? ещё не пришёл час Мой». Почему Он называет Её не «мамой», а только «женщиной»? А что означают таинственные слова: «что Мне и тебе…»? Может быть, «что общего между Мной и тобой»? Может быть, Он упрекает

Её в непонимании того обстоятельства, что час Его славы, как Чудотворца, ещё не наступил? Заметим, и евангелист Лука не скрывает того обстоятельства, что Мария и Иосиф не всегда понимали своего Божественного Сына (Лк 2, 48-50). Что ж, отношение Сына и Матери строятся не на показных эмоциях. Любовь Иисуса требовательна, её проявления не всегда отвечают нашим ожиданиям.

А что же Мария? Она нисколько не обижается на Иисуса, но безоговорочно доверяет Ему. Она доверяет Сыну, даже когда не понимает, что Он делает и зачем. И Сын по просьбе Матери всё же совершает чудо, которого, вероятно, первоначально не собирался совершать.

«Что скажет Он вам, то сделайте». Так Мария просит каждого из нас полностью довериться Её Сыну. Так Она определяет Свою роль в истории нашего Спасения. Мария принимает множество наших просьб, а к нам обращается с одной единственной: «Что скажет Он вам, то сделайте». Выполнить Её просьбу, прислушаться к Её совету – это и значит быть христианином.

«Се, Матерь твоя!»

> *«При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Её к себе»* (Ин 19, 25-27).

Мы уже знаем, что ученики оставили Иисуса в момент Его ареста и бежали. Лишь один из них (любимый ученик – апостол Иоанн) рискнул приблизиться к подножию Креста. А вот женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, сопровождали Его на Голгофу. Среди них была и Мать Иисуса Мария.

Иисус, покидая этот мир, проявляет заботу о судьбе Матери. «Се, Матерь твоя!», – говорит Он любимому ученику и, тем самым, вверяет ему Марию. В не меньшей мере Он проявляет

заботу и об ученике, обращаясь к Марии со словами: «Се, сын Твой». У Иисуса и у Его любимого ученика отныне одна и та же Матерь! Но разве все мы – христиане – не можем быть названы любимыми учениками Иисуса? Разве слова «Се, Матерь твоя!» не есть завещание Иисуса, Его последняя воля, Его дар всем Своим последователям? Покидая землю, Иисус поручает Своей Матери заботиться о всех тех, кто пока остаётся на земле.

«И с этого времени ученик сей взял Её к себе». Не это ли самое Иисус предлагает сделать и нам? *Принять Марию к себе*, это значит довериться Ей, полюбить Её, позволить Ей заботиться о нас, как о Своих родных детях.

Иисус подарил нам Свою Матерь, подарил Её последним жестом самоотречения, предельного самообнажения и обнищания. Есть ли, может ли быть у земного человека что-то

более ценное, чем его мама? Для каждого ребёнка мама – это его *всё*. А для Иисуса Его Мама оставалась тем последним, что ещё принадлежало Ему в этом мире.

Она одна никогда не предавала Его, не сомневалась в Нём, не отказывала Ему в любви. Она одна никогда не строила планов обустройства своей собственной жизни – отдельно от планов Сына или вопреки Ему. Теперь же Сын, уходя, оставляет Её Своим ученикам, Своей общине, Своей Церкви. Сразу вслед за этим Он произносит: «Жажду!». Отдав Марию, Иисус не оставляет Себе ровным счётом ничего – кроме Небесного Отца, к Которому идёт.

«И явилось на небе великое знамение: жена, облечённая в солнце»

После Смерти и Воскресения Иисуса мы встречаем Марию вместе с апостолами и другими учениками в Иерусалиме в ожидании схождения Святого Духа в день Пятидесятницы (Деян 1, 12-14). И это – последнее прямое упоминание о Ней на страницах Нового Завета.

Многие из нас наверняка задавали себе резонный вопрос: почему в Священных Книгах христианства о Марии говорится так мало? Как совместить этот факт с тем Её безусловным почитанием, которое впоследствии распространилось в Церкви? Может быть, ответ заключается в том, что иное умолчание способно выразить несравненно больше, чем потоки самых красивых слов?

Церковь прославляет Марию, называя Её святейшей и достойнейшей, чем всё множество прочих людей и даже небесных существ – ангелов. Не значит ли это, что святейшими и достойнейшими у Бога могут порой оказаться те, кто прожил свою земную жизнь в полной безвестности, кто не вкусил даже глотка земного триумфа, земного признания? Такой «глоток», несомненно, был у Иисуса, в конечном счёте, отвергнутого собственным народом, не понятого многими

близкими людьми и современниками. Ведь Его до поры до времени окружали толпы восхищённых слушателей и зрителей, Он торжественно вошёл в Иерусалим под приветственные возгласы паломников. Однако Мария, пока жила на земле, была лишена и этих, преходящих и несовершенных знаков внимания к собственной персоне.

В Церкви, наряду с Рождеством Иисуса, торжественным образом отмечается и Рождество Марии (8 сентября). Но могло ли быть упомянуто в Евангелии событие практически никак не отмеченное в памяти современников, событие, не сопровождавшееся чудесными небесными знамениями, событие

рождения иудейской девочки в глухой провинции, внешне ничем не отличающееся от рождения тысяч других девочек?[1]

А что можно было сообщить о годах жизни Святого Семейства в Назарете? Сам Иисус в это время внешне не выделялся из множества Своих современников, людей одного с Ним достатка и образа жизни. Чем же тогда занималась Мария? Очевидно тем же, что и любая другая иудейская женщина: пряла пряжу и шила, готовила еду мужу и сыну, чинила им одежду и прибирала в доме, обсуждала с домочадцами бытовые проблемы. Что же касается Её духовной жизни, молитвенного общения с Богом, то это, как и в случае Иисуса, оставалось сокрытым от прочих людей.

Но вот период безвестности для Иисуса кончился, и Он приступил к Своему публичному служению. Была ли Мария в числе Его спутников, например, среди группы галилейских женщин (ср. Лк 8, 1-3), сопровождавших Его повсюду? Ни в одном из Евангелий не упоминается об этом. Скорее всего, Мария оставалась в Своём доме в Назарете. Почему? Потому что не хотела быть рядом с Сыном? Едва ли…

Вероятно, Сам Иисус, по известным Ему причинам, попросил Свою Маму о жертве – жертве неучастия в Его служении странствующего Пророка и Учителя. И Мария, оставшись в Своём глухом селении, страдала от расставания с единственным Сыном, мучилась в безвестности о Его судьбе, довольствуясь лишь доходившими до Неё нерегулярными слухами. Её сердце разрывалось от беспокойства, когда стала очевидной грозившая Иисусу смертельная опасность. Наконец, после долгой разлуки, Она вновь увидела Сына – избитого, израненного, оплёванного, на Кресте…

---

[1] В апокрифическом *Протоевангелии Иакова* Рождество Марии описано согласно благочестивой схеме пришествия в мир избранницы Божией: престарелые и бесплодные супруги, уже отчаявшиеся иметь собственных детей, получают откровение свыше и т.д. Затем описываются невероятные чудеса, которыми была отмечена жизнь юной Марии. Однако данные, приводимые в этом достаточно позднем (не ранее конца II века) тексте, не могут считаться исторически достоверными.

А затем Иисус воскрес, явился ученикам, вознёсся к Отцу, был исповедан в среде Своих последователей Господом и Спасителем. Казалось бы, вот он, час торжества Марии, вполне достойной купаться в лучах славы Своего Божественного Сына! Но так ли было на самом деле?

В Книге Деяний, посвящённой историческим событиям начала христианской эры, есть лишь одно сообщение о Матери Господа – то, о котором мы вспоминали в начале этой главы. В этой Книге описаны многие чудеса, творившиеся в ранней Церкви, рассказано о великих подвигах апостолов и других свидетелей Христа. Вот только имя Марии ни разу не названо среди имён известных в то время миссионеров и пророков, учителей и наставников первохристианской общины.

Мы догадываемся, что Мария жила в доме апостола Иоанна, очень часто видела других апостолов, встречалась со многи-

ми учениками, посещавшими тот же дом. Чем же занималась Матерь Господа, что Она делала? Уж, не то же ли самое, что и в доме Иосифа в Назарете? Она не творила чудес и не выступала с публичными проповедями. Она готовила пищу, прибирала в доме, чинила одежду, чтобы таким образом обеспечить быт Своих новых детей, с утра до ночи трудящихся на ниве Господней. И Её собственный, такой обыденный и неблагодарный труд тоже был трудом во славу Господа, на Его ниве. Тем более что Он сопровождался неустанной молитвой к Сыну за Его новорождённую Церковь.

Мария покинула этот мир так же тихо и незаметно, как и пришла в него: мы не знаем ни времени, ни места, ни обстоятельств Её расставания с земной жизнью[1]. Прошли годы, прежде чем ученики Христа, лично знавшие Его Матерь или только слышавшие о Ней, осознали подлинное величие Той, через Которую Слово стало плотью. Первое такое свидетельство мы находим в Книге Откровения святого Иоанна Богослова. В 12-ой главе автор описывает своё видение:

> *«И явилось на небе великое знамение: жена, облечённая в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звёзд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения… И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя её к Богу и престолу Его»* (Откр 12, 1-2. 5).

Рождённый женою Младенец мужеского пола, Пастырь народов – это никто иной, как Иисус Христос, вступивший в смертельную схватку с «драконом, змием древним» (Откр 12, 3-4. 9), и по Своём Воскресении вознёсшийся к престолу Небесного Отца.

Тогда в Жене нетрудно узнать Марию. Это в Ней исполнилось пророчество, произнесённое Самим Богом сразу же после

[1] Как это часто случается, пробелы в исторических знаниях пытались восполнить апокрифы, посвящённые *Успению Богородицы*, Её *Восхищению в Небесную славу*. Однако у нас нет достаточных оснований доверять содержащимся в них сведениям.

грехопадения Адама и Евы: «И сказал Господь Бог змею: … и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем её; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт 3, 14-15).

Однако из дальнейшего контекста становится ясно, что облечённая в солнце Жена – это также и Церковь, община Христовых учеников. Она терпит гонения от враждебных Богу сил, представленных в образе дракона. Она бежит в пустыню общественного неприятия, изгнания из родных мест, вынужденного подполья и сокровенной молитвы. Она непрестанно рождает всё новых детей от своего семени, сохраняющих заповеди Божии и имеющих свидетельство Иисуса Христа (Откр 12, 13-17).

Автор словно бы подталкивает читателя к выводу: Жена-Мария есть символ Церкви, её душа, её живое олицетворение. В творениях Отцов Церкви, в позднейших церковных молитвах эта истина была возвещена прямо, со всей отчётливостью. Церковь приняла подсказку Иоанна Богослова, она узнала себя в скромной и смиренной Рабе Господней, так и не вкусившей земной славы, пребывавшей в безвестности, служившей Своему Богу простым и неблагодарным трудом, горячей молитвой, а самое главное – безмерной, переполнявшей всё Её существо любовью.

Отныне все эпитеты, титулы, наименования, по праву принадлежащие Марии, принадлежат и Церкви. Но не земной, обуреваемой многими проблемами и нестроениями, подтачиваемой грехами своих членов общине, а Церкви идеальной, существующей в замысле своего Небесного Основателя. В этой Церкви (и в Марии!) земная община учеников Христа видит свою цель, своё призвание, которому она, с большим или меньшим успехом, следует. Призвание, которое отнюдь нельзя считать неисполнимым, несмотря на всю его возвышенность. Ведь, по крайней мере, один член Церкви до конца осуществил, выразил в своей жизни это призвание. Речь идёт о Марии, почти незамеченной на земле, зато «облёкшейся в солнце» у Бога.

Быть живым воплощением, олицетворением, душой Церкви… Не правда ли – грандиозная задача, задача, как кажется, превосходящая человеческие силы? Между тем, Церковь являет себя не только в пламенных проповедях великих миссионеров, крови мучеников за веру, духовных прозрениях мистиков и утончённых прозрениях богословов. Её душа – и в незаметных, неблагодарных, обыденных трудах простых тружеников, освящённых их верностью Богу, долгу и близким им людям. Такой вот урок преподаёт нам Мария. О том же свидетельствует нам и Её земной супруг Иосиф.

Иосиф

Если о Марии в Новом Завете говорится совсем немного, то об Иосифе – и того меньше. Все упоминания о нём (главным образом в Евангелии от Матфея) относятся к детским годам Иисуса. Отсюда можно сделать вывод, что к началу Его публичного служения Иосифа уже не было в живых. Простой галилейский плотник так и не увидел (в этой жизни) славных дел своего приёмного Сына.

Однако Дух Святой, наставляющий общину учеников на всякую истину (ср. Ин 16, 13), приоткрыл и подлинную роль Иосифа, помог разглядеть его по-своему удивительную, незаурядную личность. К Иосифу в полной мере относятся записанные евангелистами слова: «Вот верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над домашними своими» (ср. Лк 12, 42).

Кто же эти *домашние*? Конечно же, Иисус и Мария. Такое вот сокровище доверил Бог на земле Своему верному и благоразумному рабу. Мы по праву называем Иосифа главой Святого Семейства. Он происходил из рода славного царя Давида, хотя его собственное семейство давным-давно обеднело, и было вынуждено зарабатывать на хлеб физическим трудом.

Иосиф принял в свой дом беременную Марию и признал рождённого Ею Иисуса своим сыном. Таким образом, ис-

полнилось древнее пророчество о Мессии из племени Иуды и рода Давида, начало которого восходит ещё к патриархам Ветхого Завета – Аврааму, Исааку и Иакову (ср. Мф 1, 1. 16). Иосифа по праву можно назвать Патриархом Завета Нового.

Как проходила жизнь этого провинциального труженика? До поры до времени совершенно обычно. Он – простой человек, не искушённый в фарисейских тонкостях толкования Закона, зато искренне верующий в Бога, усвоивший с молоком матери основные нравственные правила, сознание долга мужчины, будущего отца семейства. Он – глубоко порядочный и добрый человек. Узнав о неожиданной беременности своей невесты Марии, он не мог толковать происшедшего иначе как измену. Тем не менее, Иосиф не предал случившегося огласке, не захотел поступить с Марией по закону Моисея, требовавшего побить согрешившую девушку камнями. Он вознамерился

тихо расторгнуть помолвку, однако переменил своё решение, получив откровение от ангела во сне (Мф 1, 20).

Господь и в дальнейшем будет наставлять Своего избранника во сне (Мф 2, 13. 19. 22). Опыт, в том числе и научный, доказывает, что многие важные прозрения и решения приходят к людям именно во сне. В состоянии сна мы более чувствительны к внушениям Святого Духа, в этом состоянии мы более чувствительны и к велениям собственной совести, своего сокровенного «я», погребённого в дневной жизни под толстым слоем привычных суждений и стереотипов.

Так или иначе, Иосиф принял в свой дом Марию, вступил с Ней в законный брак и признал своим рождённого Ею Сына. Значит ли это, что тайна Марии была вполне открыта ему? В первом откровении во сне он узнал только, что «родившееся в Ней есть от Духа Святого». Данный оборот греческого оригинала можно переводить и как «по воле Духа», «по намерению Духа». Вполне вероятно, что тайна Марии так и осталась для Иосифа тайной. Куда важнее другое. Так и не проникнув в тайну Девственного Зачатия, он увидел в происшедшем волю Бога, и полностью принял своё личное призвание – стать опекуном рождённого Младенца и Его Матери.

Иосиф наверняка очень любил свою молодую невесту. Любовь помогла ему пережить и крутой поворот в их судьбах. Но сколько же проблем вдруг появилось! Иосиф выслушивает странное пророчество старца Симеона о страждущем Спасителе (Лк 2, 25-35). Затем поспешно увозит свою семью в Египет, спасая жизнь новорождённого от царя Ирода (Мф 2, 13-15); несёт нелёгкое бремя эмигранта, принимаясь, вероятно, за самую тяжёлую и низкооплачиваемую работу; по возвращении из Египта вновь бежит от наследника Ирода Архелая (Мф 2, 19-23)…

Очевидно, подобные перемещения не способствовали приумножению материального достатка, поэтому, и, поселившись в Назарете, семья испытывала немалые трудности. О размеренной, благополучной жизни, на которую прежде рассчитывал Иосиф, пришлось забыть. Однако этот Свя-

той Плотник всегда отличался исключительной преданностью долгу, однажды взятым на себя обязательствам. Таким образом, он доказывал и собственную верность Богу. Ради послушания Его воле он умел пожертвовать собственными планами и соображениями.

Наша жизнь также имеет смысл лишь при условии неуклонной верности долгу, обязательствам, диктуемым естественным законом, Божьими заповедями, голосом собственной совести, или принятыми на себя добровольно. Верность долгу при любых обстоятельствах – это и есть верность Богу. Именно от верности зависит наше счастье, как и счастье окружающих.

В жизни Иосифа случалось разное, причём далеко не всегда ситуация складывалась благоприятно с человеческой точки зрения. Однако Патриарх был твёрд как скала, и неизменно искал

помощи у Бога. Ничто не могло сбить его с пути. Он оправдал доверие Господа, поручившего ему Свою земную Семью.

Вся его жизнь без остатка была посвящена исполнению миссии, к которой он был призван. Обручник Девы Марии, юридический отец Иисуса Христа всё своё внимание сосредоточил исключительно на Них и на служении Им. В каком-то смысле он не принадлежал самому себе, перестал заниматься собой с той минуты, когда был впервые наставлен ангелом во сне. Господь доверил ему Домашних Своих, а Иосиф не обманул доверия. Он жил для тех, кто был вверен его попечению.

Духовные размышления Церкви в последующие века позволили увидеть в святом Иосифе не только опекуна малого Святого Семейства, но и опекуна Большой Семьи Божией – Церковной Общины. *Домашние* Бога – это также и все мы, христиане, видящие в Иосифе своего покровителя и заступника. Кроме того, правомерным остаётся то утверждение, которое мы уже высказали в отношении Марии. Жить «в духе Иосифа» значит жить в духе Иисуса Христа, в Святом Духе.

Подобные святому Иосифу простые труженики во все времена обеспечивали Церкви её материальное благосостояние, возможность осуществлять её духовную миссию. В их семьях формировались будущие святые, пастыри Церкви, выдающиеся миссионеры. Их попечению Господь вверил *домашних Своих* – тех, кто имеет в Церкви призвание к особому служению.

Господь очень рассчитывал на святого Иосифа, таким же образом Он рассчитывает и на нас. А Иосиф преподаёт нам урок верности и упования на Бога. Говоря о верности, необходимо помнить, что верен, прежде всего, Сам Бог. Верность Бога выражается в Его помощи нам в любых обстоятельствах: в труде и отдыхе, в здоровье и болезни, в размеренном течении жизни и крутых поворотах судьбы…

Всегда и везде Господь помогает нам исполнить нашу миссию на земле. Нам следует почаще размышлять о том, что Бог никогда нас не оставит: будь то в ситуации, когда оставаться верными Ему совсем нетрудно, как и в той,

когда измена однажды принятым на себя обязательствам кажется нам единственным выходом.

Ученики

«Мы нашли Мессию»

Мы уже не раз отмечали, что Иисус Сам призывал учеников в Свою общину (ср., например, Мк 3, 13). Этим Он отличался от современных Ему иудейских раввинов, в школы которых поступали по собственному почину и выбору. Вместе с тем, призвание, данное Богом возлюбленному Им человеку, не могло уподобляться камню, вдруг свалившемуся с небес и разрушившему всю прежнюю жизнь избранника.

Бог глубоко уважает человеческий разум и свободу, особенности конкретной человеческой личности, особенности личного поиска истины. А потому, сколько людей, столько и призваний. Каждое призвание индивидуально, оно имеет некоторые общие черты с другими призваниями, но обладает и свойственной ему одному спецификой. Во всём этом мы убеждаемся, обращаясь к рассказу апостола Иоанна о призвании Иисусом Его первых учеников (Ин 1, 36-51). В этом отрывке автор демонстрирует сразу несколько типов личных призваний. Может быть, в каком-то из них мы обнаружим черты, свойственные нашему личному призванию?

> Иоанн Креститель, *«увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, – что значит: учитель, – где живёшь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живёт; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа.*
>
> *Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он*

первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привёл его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречёшься Кифа, что значит: камень (Пётр).

На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром.

Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нём: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

Взыскующие Господа Андрей и Иоанн

Андрей и Иоанн, будущий апостол, любимый ученик Господа и автор четвёртого Евангелия, сами ищут встречи с Иисусом. Для этого у них есть серьёзная причина: они слышали свидетельство о Нём от очень авторитетного для них человека – Иоанна Крестителя, которого они до сей поры считали своим учителем.

Двое юношей уже жили глубокой духовной жизнью и постоянно искали истину. Поиск религиозной истины, более полного и глубокого Откровения Бога, заставил их оставить родное селение в Галилее, прийти на берега Иордана и при-

соединиться к общине Крестителя. А глава этой общины настаивал на том, что откровение Истины ещё впереди, как и явление будущего учителя, Учителя с большой буквы.

В умах и сердцах галилейских рыбаков наверняка уже сформировался некий идеал такого Учителя. Они мечтали, наконец, встретить его, и вот, момент встречи теперь наступил. Андрей и Иоанн отныне идут не за мечтой, не за идеей, а за конкретным Человеком, предложившим им личные отношения.

Их прежние поиски, размышления, мечты привели к Встрече, сделали её возможной. Они первыми вступили в общение с Иисусом: «Где живёшь? … пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живёт; и пробыли у Него день тот». На самом деле они пробыли с Ним не только один день. Они остались с Ним навсегда, а тот день стал лишь прологом совместной с Ним жизни, у которой уже нет и не будет конца.

Апостол Иоанн писал своё Евангелие, будучи убелённым сединами старцем. С момента *той встречи* минуло более шестидесяти лет. Но в его памяти всё ещё жили все подробности происшедшего, все его детали. Престарелый Апостол точно указывает время, когда Встреча состоялась: было около десятого часа.

«Мы нашли Мессию», – радостно восклицают Андрей и Иоанн, и спешат поделиться своим открытием с самыми близкими людьми, родственниками и друзьями. Они обратились к Иисусу, прислушавшись к свидетельству Крестителя. Теперь они сами выступают в роли свидетелей, и Андрей приводит к новому Знакомцу своего старшего брата Симона, также взыскующего Истину и Бога, также пришедшего на пустынные берега Иордана.

«Ты наречешься Кифа, что значит: камень (Пётр)»

Иисус пристально смотрит на человека по имени Симон, Он окликает его по имени: «Ты – Симон, сын Ионин». И тут же нарекает ему новое имя: «Кифа, что значит камень».

Иудеи I века говорили на арамейском языке, а по-арамейски слово «кифа» означает «камень», «скала», «основание». Напомним, что в библейской традиции присвоить кому-то имя – значит поставить его себе на служение. Так вёл себя Адам, поставленный Богом господином всей твари: он нарекал имена животным. Так вёл Себя и Сам Бог, поменявший имена Авраму, Саре, Иакову, чтобы выразить их особую роль в Его замысле Спасения. Позднее, когда христианство выйдет за пределы Иудеи и распространится по всему эллинскому миру, человек по имени Симон станет известен как Пётр. «Петрос» – это греческий эквивалент арамейского «кифа», т.е. «камень», «основание».

Заметим, что слова «кифа» или «петрос» до той поры никогда не использовались в качестве имён собственных, но именно в таком смысле использовал их Иисус. Имя Пётр предвосхищает призвание этого апостола, приоткрывает тайну его будущей преображённой личности, о которой он сам пока не имеет ни малейшего понятия. Больше света на эту тайну прольётся спустя три года, в окрестностях городка Кесарии Филипповой.

Иисус говорит апостолам: *«а вы за кого почитаете Меня? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её»* (Мф 16, 15-18).

На прямой вопрос Учителя апостол Симон от лица прочих апостолов даёт прямой ответ. По сути, это торжественное исповедание: Ты есть Христос, Сын Бога Живого. Оно навеяно не плотью и кровью, а сущим на небесах Отцом. Иначе говоря, это исповедание не является результатом человече-

ских предположений, мнений или логических выводов, оно – непосредственный дар от Бога свыше.

И теперь, когда апостол Симон высказался об Иисусе, Иисус высказывается о Симоне. Его изречение звучит весьма торжественно: Ты есть Пётр. Его тоже можно назвать исповеданием – исповеданием особой личной роли апостола в замыслах Божиих, проповеди Евангелия и жизни Церкви. В Евангелиях его часто именуют *Симон Пётр*. В этом случае слово «Пётр» выражает миссию человека по имени Симон, то церковное служение, которое будет ему доверено.

«Пётр» – скорее титул, присвоенный апостолу Симону, но спустя какое-то время титул превратится во второе имя (точно так же, как титул *Христос* превратился во второе имя Иисуса из Назарета), а затем станет и первым именем, так что собственное

имя галилейского рыбака «Симон» будет почти забыто. На человеке, получившем имя Пётр, Господь воздвигнет свою Церковь. Как же понимать это поразительное обетование?

Иногда можно услышать мнение, что, поскольку данное обетование прозвучало в прямой связи с исповеданной верой, слово Пётр (камень) относится не столько к личности апостола, сколько к его мессианскому исповеданию: «Ты – Христос…». Но разве вера сводится к безличным истинам? Разве она – не глубоко личный акт, не свидетельство личного отношения? Не может быть веры без того, *кто верит*.

Христос строит свою Церковь не на абстрактных вероучительных положениях, а на конкретных людях, *живых камнях*, вступающих с Ним в личные отношения веры. Об этом прекрасно сказал сам апостол Пётр в своём Первом Послании: «Приступая к Нему [Иисусу], камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Петр 2, 4-5).

Христианское откровение всегда личностно, оно всегда основано на персональном опыте, поэтому исповедание Петра в Кесарии Филипповой тесно связано с личностью апостола. Всё последующее исповедание Церкви, в конечном счёте, восходит к личному опыту человека по имени Симон Пётр.

Произнося слова «ты – Пётр», Иисус имел в виду его самого, а не абстрактную веру в Христа. Так и свидетельство послепасхальной Церкви утвердится в мире пламенными проповедями Петра, его непоколебимой верностью, его мученической смертью, наконец. То же свидетельство разделят с ним другие живые камни, о которых этот апостол упомянет в своём Послании.

Путь Петра – от эгоистических планов и намерений, от непонимания Учителя, от тяжкого падения к беззаветной преданности и бесстрашному свидетельству – это путь и многих других христиан, многих из нас. В Католической Церкви продолжающееся служение Петра связывается с личностью

Римского епископа (Папы). По убеждению одного из Отцов Церкви, святого Киприана Карфагенского, служение Петра разделяют пастыри, возглавляющие христианские общины, где бы они ни находились.

Продолжая ту же мысль, мы можем утверждать, что служение Петра – свидетеля веры в своём окружении – это и наше служение, это личное призвание каждого из нас. Таким образом, мы и созидаем Церковь, утверждаем её на земле, сами превращаясь в *живые камни* у её основания.

«Филипп, иди за Мною»

Андрей и Иоанн долго искали своего Учителя и, найдя, первыми обратились к Нему. Симон Пётр пришёл к Иисусу, привлечённый энтузиазмом своего брата Андрея. А вот Филипп, казалось бы, ничего не искал. Это Иисус нашёл его и предложил последовать за собой. Точно то же произойдёт позднее и с мытарем Левием Матфеем (Мк 2, 13-14).

Почему же Филипп сразу, почти без раздумий, присоединился к Учителю? Может быть, потому, что увидел в Нём исполнение собственных, смутных, во многом неосознанных надежд, ожиданий, стремлений? Тот, Кого предвосхищало, на Кого указывало усвоенное им с детства религиозное предание, Сам вышел ему навстречу и пригласил присоединиться к Своей общине.

«Мы нашли Мессию», – по праву могут сказать Андрей и Иоанн, а вместе с ними – и многие современные искатели истины. «Мессия нашёл меня», – по праву может сказать Филипп, а вместе с ним – многие другие наши современники. Те обратившиеся после *случайного* посещения церкви, после прочтения случайно попавшейся в руки книжки, после случайной встречи со «вторым Христом» нашего времени.

В дальнейшем Филипп ведёт себя точно так же, как Андрей и Иоанн. «Находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета».

«Нафанаил…, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя»

Набожный, сведущий в религиозных иудейских традициях Нафанаил отнюдь не спешит разделить восторг своего земляка. Он не верит, будто Мессия может прийти из захудалой, полуязыческой провинции: «Из Назарета может ли быть что доброе?» Он соглашается встретиться с Иисусом, скорее, из любопытства. Но после первого же разговора у него больше не остаётся сомнений: ведь Иисус сказал ему нечто такое,

о чём, кроме самого Нафанаила и Бога, никто знать не мог. «Почему Ты знаешь меня?» – искренне недоумевает Нафанаил. «Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя». Нафанаил пришёл к Иисусу, чтобы «посмотреть», а оказалось, что «посмотрели» на него.

Что делал, о чём размышлял Нафанаил под смоковницей, прежде чем Филипп привёл его к Иисусу? Евангелист ничего не сообщает нам об этом. Однако следует предполагать, что там происходило нечто очень интимное и священное. Одно только упоминание Иисуса об этом обратило скепсис Нафанаила в веру.

В этой связи вспоминается история, рассказанная одному из авторов курса его знакомым, теперь – священником. Двадцать лет назад это был практически неверующий молодой человек. В городе, где он жил, был священник, которого прихожане считали святым и приписывали ему дар проницательности, дар чтения в человеческих сердцах. Привлечённый этими разговорами юноша решил сам всё проверить, проэкзаменовать таинственного пастыря. С этой целью он отправился к нему на исповедь. Но прежде, чем он успел вымолвить хотя бы слово, сидевший в исповедальне старичок произнёс: «Ты пришёл проверить меня? Прекрасно. А теперь позволь Иисусу проверить тебя». Незадачливый экзаменатор пережил настоящее потрясение. Этот случай стал началом его глубокого обращения к Богу.

Заметим, что в традиции иудаизма под смоковницей происходило молитвенное углубление в слово Божие. Смоковница – символ проникновения в смысл Закона и Пророков, ведь её лист имеет пять лепестков, подобно Торе, которая состоит из пяти книг. Нафанаил читал Писание, а Иисус тем временем читал в его сердце.

Оказывается этот молодой человек из Назарета и есть Господь его совести, Господь его души, проникающий в самые сокровенные её глубины! Сердцеведец из Назарета дал Свою оценку Нафанаилу: «Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства». Нафанаил – один из тех чистых сердцем, чьё

блаженство будет позднее провозглашено в Нагорной проповеди. Такие сердца легко открываются проницательному взгляду Иисуса.

Чистые сердцем могут до поры до времени не знать Иисуса, лишь смутно ощущать свою тоску по Нему. Но и для них наступает момент истины. Тот, о Ком они тайно вздыхали, находится рядом и приглашает к дружескому общению. Чтобы встретиться со Христом, нужно одновременно и искать Его, и позволить Ему найти себя; пойти посмотреть и отдаться Его проникающему взгляду.

«Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни»

Чем дольше продолжается земное служение Христа, тем многочисленнее становится собирающаяся вокруг Него группа последователей. К ней принадлежат Двенадцать особо избранных учеников – апостолов, которым поручено непосредственно участвовать в служении Мессии, самостоятельно проповедовать Царство Божие и покаяние, творить чудеса исцелений и изгнания бесов (Мф 10, 1-8).

К ней принадлежат семьдесят миссионеров, имеющих сходные задания (Лк 10, 1-2). К ней принадлежат женщины из Галилеи, служащие Иисусу и Его апостолам в их насущных потребностях (Лк 8, 1-3)[1]. К ней принадлежат и многие слушающие слово Божие и исполняющие его, которых Иисус

[1] Лк 8, 1-3: «После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему имением своим».

Из этого текста следует, что многие женщины были полноправными членами сложившейся вокруг Иисуса общины. В то время это было абсолютным новшеством. Женщины не участвовали ни в одном из известных нам религиозных движений иудаизма (фарисеев, ессеев, последователей Иоанна Крестителя). Иудейские правила благочестия предписывали, как

назовёт Своими братьями и сёстрами (Лк 8, 21). Некоторые из них повсюду следуют за Иисусом в Его странствиях, а другие оказывают радушный приём Ему и Его апостолам в своих домах. За Иисусом идут не отдельные, никак не связанные друг с другом люди. Вокруг Него формируется ткань межчеловеческих отношений – Община.

Призыв Иисуса последовать лично за Ним равносилен призыву вступить в Его общину. Чтобы изложить учение Иисуса, достаточно было просто издать сборник Его речей. Однако Евангелия – это не собрание проповедей Учителя. Это документ, представляющий Его в постоянном общении с учениками, дающий многообразное, многоплановое свидетельство о таком общении.

Та первая община Иисуса была весьма разнородной. В ней сошлись люди, которые при других обстоятельствах просто не могли бы быть вместе. С одной стороны, сборщик налогов и пособник римских оккупантов Матфей, а с другой – Симон

можно меньше общаться с женщинами, даже с собственными жёнами. Иисус же и в этом отношении пошёл наперекор сложившейся традиции. Не случайно, что именно женщинам Он явился первым после Своего Воскресения. Евангелист Лука старательно подчёркивает равноправие женщин в том, что касается Божьих замыслов Спасения. В ключевых эпизодах он выводит на сцену и мужчину, и женщину (женщин). Вот только несколько примеров таких пар: Захария и Дева Мария (Лк 1, 5-38), Симеон и Анна (Лк 2, 22-38), мать умершего сына и отец умершей дочери (Лк 7, 11-16 и 8, 40-56), фарисей и прощёная грешница (Лк 7, 36-50), законоучитель и сёстры Марфа и Мария (Лк 10, 25-42), настойчивый друг и настойчивая вдова (Лк 11, 5-8 и 18, 1-8).

После Пасхальных событий, когда Церковь распространилась по всему миру, в неё на равных основаниях принимались и мужчины, и женщины. Апостол Павел провозгласил, что отныне «во Христе… нет ни мужеского пола, ни женского» (Гал 3, 28), иначе говоря, мужчины и женщины имеют одинаковый статус детей Божиих во Христе. В Книге Деяний упомянуты имена нескольких женщин (и среди них, замужней Прискиллы в Деян 18, 1-3. 18-21.26 и незамужней Лидии в Деян 16, 11-15), ставших верными сподвижницами апостола язычников в его миссионерских трудах, сделавших немало для становления новорождённых христианских общин. Сам апостол Павел, приветствуя адресатов своих Посланий, называет в их числе и имена многих женщин, отдавая тем самым должное их роли и значению в жизни первохристианской Церкви.

Кананит (или Зилот), яростный патриот и ревнитель Закона. Но и этих, столь разных людей объединила личность Христа.

Окружающие уже тогда не отделяли Иисуса от Его последователей. Книжники и фарисеи, поражённые странным поведением Иисуса, обращаются к ученикам: «Как это Он ест и пьёт с мытарями и грешниками?» А Иисус отвечает от их имени (Мк 2, 16-17). Чаще, правда, происходит обратное: Иисусу приходится вступаться за Своих братьев (Мк 2, 18-20. 23-28; 7, 1-8). Близость к Иисусу избавляет от необходимости оправдываться, Он Сам оправдывает Своих.

Община следует за Иисусом всегда и везде. Вот только на Голгофу Он отправится один. Зато после Своего Воскресения Он вновь возглавит общину, и поведет её в Галилею (Мф 28, 16), в Иерусалим, Иудею, Самарию и «даже до края земли» (Деян 1, 8).

Ученики не только принимают дары от Иисуса, но и служат Ему

и Его делу, предоставляют Ему посильную помощь, отдают в Его распоряжение всё, что имеют. Иисус поручает им различные задания. Некоторые из них выглядят прямо неисполнимыми. Например, накормить толпу в пять тысяч человек пятью хлебами (Мк 6, 35-44). Тем не менее, апостолы принимают из рук Учителя хлеб и насыщают всё множество людей. Именем Иисуса они служат миру и творят в нём чудеса.

Но даже двенадцать апостолов, находящихся в особых отношениях с Иисусом, часто не понимают Его, засыпают Его вопросами. А Иисус, хотя и сетует порой на их непонятливость, всё же терпеливо разъясняет, наставляет, подсказывает… Он не оставляет без ответа ни одного из вопросов. Ведь вопросы задают свободные люди. Дети постоянно расспрашивают своих родителей, это рабы не смеют расспрашивать господ. Иисус видит в Своих последователях возлюбленных детей, братьев и сестёр, а потому относится к ним с глубочайшим уважением, признает их право на сомнение, недоумение, самостоятельный поиск…

С другой стороны, Он Сам буквально засыпает учеников вопросами, которые, иногда, кажутся почти назойливыми. Однако эти вопросы имеют всё ту же цель: научить ближайших сподвижников, помочь им расстаться с ложными, привитыми воспитанием и жизненным опытом представлениями о Боге, Мессии и Его Царстве.

«Дорогою Он спрашивал учеников Своих: за кого почитают Меня люди? Они отвечали: за Иоанна Крестителя; другие же – за Илию; а иные – за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? (Мк 8, 27-30).

«А вы за кого почитаете Меня?» – вот главный вопрос, который Иисус задаёт Своим ученикам, задаёт всем нам… За кого мы почитаем Христа? За уникального человека, наделённого необыкновенными способностями? За основоположника новой этической системы? За пророка и мечтателя, по выражению некоторых политических деятелей, первого коммуниста на земле? Может быть, мы полагаем, что ответ

на вопрос «Кто Он?» не имеет решающего значения, а главное – Его принципы, идеи, цели?

Между тем именно этот вопрос Сам Иисус ставит во главу угла. Он стремится привить ученикам ясное понимание того, за Кем они следуют, Кому служат. Он стремится помочь им сделать осознанный выбор в Его пользу – в пользу не только некого учения, но, прежде всего, Его личности. Иисуса не удовлетворят ученики, которые примут Его лишь частично, с оговорками. Ведь они призваны свидетельствовать о Нём всему миру, а для этого должны отождествиться с Ним, с Его отношением к Богу, миру и человеку.

За кого сегодня люди почитают Иисуса? Какие мнения о Нём вам доводилось слышать? А Кто Иисус для меня? Почему столь многие не принимают Христа в качестве своего Господа и Спасителя? Почему мне порой так трудно это сделать? В чём именно заключается ожесточение наших сердец? В чём оно проявляется? В духовной апатии, в увлечении более насущными, с нашей точки зрения, делами по упрочению своего положения в мире сем? В разочаровании своей прежней увлечённостью религией? В недовольстве собственной общиной? Познавая причины собственного отдаления от Иисуса, мы представим их Ему в молитве, попросим Его смягчить ожесточившиеся сердца.

Тогда, у Кесарии Филипповой, Пётр дал Иисусу уже известный нам ответ: «Ты Христос». А Иисус *«запретил им, чтобы никому не говорили о Нём. И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть»* (Мк 8, 31).

Исповедание Петра создаёт в корне новую ситуацию. Теперь все карты открыты, Иисус обращается к ученикам, как признанный ими Мессия, и раскрывает им цель, к которой идёт, даёт возможность прикоснуться к подлинной природе Своего мессианского служения. Ученики пока ещё очень мало знают об истинном характере посланного Богом Мессии, имеют превратные пред-

ставления о Его миссии, а потому им до поры до времени запрещено свидетельствовать. Иисусу не нужны ложные свидетельства о Себе Самом. Лишь пройдя школу Креста и приняв Святого Духа, апостолы смогут стать настоящими свидетелями, такими, какими их желают видеть Отец и Сын.

Согласно Евангелиям, Иисус призывает каждого из учеников трижды. Каждое такое призвание приурочено к конкретному событию и вводит последователей Христа во всё более глубокое общение с Ним. Сначала Иисус окликает человека по имени и предлагает ему следовать за Собой, вступить с Собой в общение. Затем, после исповедания «Ты – Мессия (Христос)», приглашает разделить с Собой путь на Голгофу: *«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»* (Мк 8, 34).

Апостолы охотно приняли первое приглашение, но явно не готовы ко второму. Пётр прекословит Иисусу (Мк 8, 32), а прочие ученики просто не понимают, о чём идёт речь. Они упрямо отказываются отождествлять некого Сына Человеческого, Которому придётся так много страдать, со своим Учителем, Пророком и Чудотворцем Иисусом, в лучах мессианской славы Которого им бы хотелось погреться (ср. Лк 18, 31-34). Нет ничего удивительного в том, что они оставят Его страдать в одиночку, разбегутся, едва лишь на горизонте покажется тень Креста. Одних только теоретических знаний о том, Кто есть Иисус (Мессия, Сын Божий), оказалось явно недостаточно!

И тогда Воскресший Господь призовёт Своих учеников в третий раз. Он пошлёт за ними тех, кто до конца был верен Ему – женщин, пришедших с Ним из Галилеи (Мф 28, 8-10). И вновь, как когда-то, Он предварит Своих друзей (Мф 28, 7), а те послушно последуют за Ним.

Заметим, что Иисус не ищет Себе новых учеников, взамен допустивших отступничество и предательство. Он призывает тех, кто не выдержал испытаний, бежал от крестной ноши. Эти люди уже не смеют сами приблизиться к Нему, это Он предлагает им ещё одну Встречу.

«Что хотите, чтобы Я сделал вам?»

Но почему же тогда земные христианские общины столь мало напоминают Божие Царство, о котором учил Иисус, и которому мы посвятили одну из наших тетрадей? Почему христианский мир расколот на различные исповедания (конфессии), отношения между которыми иногда складываются почти враждебно? Ответ на подобные вопросы нетрудно обнаружить в Евангелиях:

> Иисус *«учил Своих учеников и говорил им, что Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, и, по убиении, в третий день воскреснет. Но они не разумели сих слов, а спросить Его боялись. Пришёл в Капернаум; и когда был в доме, спросил их: о чём дорогою*

вы рассуждали между собою? Они молчали; потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше» (Мк 9, 31-34).

Ученики, связавшие свою жизнь с Иисусом и составившие Его общину, всё ещё мыслят земными категориями соперничества и превосходства. Иисус ждёт от них понимания, раскрывает им тайны замысла Божия, но они не очень-то расположены слушать. «Они не разумели сих слов, а спросить Его боялись». Но почему же боялись? Неужели их кроткий Наставник был так страшен? Может быть, потому, что им просто не хотелось услышать правду? Иисус приоткрывает им истину о страданиях Мессии, намекает, что и Его учеников не минует чаша сия, а они по-настоящему озабочены только одним: кто из них больше?

Как это по-человечески, сравнивать себя с другими, стремиться стать выше, лучше, значительней! Все мы соревнуемся друг с другом. Своим соперничеством мы как будто стремимся заслужить любовь окружающих. Порой нам кажется, что если мы докажем своё превосходство над ближними, это принесёт нам радость и покой. Если мои труды на работе имеют большую ценность, чем труды моего коллеги, если я выгляжу более успешным человеком, чем мои соседи, если меня сильнее любят, чем моего друга, если, если, если… – всё это многочисленные ловушки, которые мы сами себе расставляем. А Иисус спрашивает каждого из нас: «О чём это ты рассуждал дорогою?» От Него не сокрыто ничего, даже если эти рассуждения велись не вслух, даже если мы не решались делиться ими с окружающими. Что же нам ответить? Не придётся ли сконфуженно замолчать, как когда-то апостолам?

Если мы всё ещё озабочены человеческим мнением, если мы ожесточённо сражаемся за своё первенство и превосходство, за свою значимость, за любовь окружающих, значит мы ещё как следует не удостоверились в безграничной любви Бога к нам.

А вот ещё один знаменательный эпизод:

«Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о

чём попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано. И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна. Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом.

Ибо и Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк 10, 35-45).

Только что Иисус в третий раз предсказал Свои грядущие страдания (Мк 10, 33-34), а ученики – Иаков и Иоанн Зеведеевы – откликнулись на это предсказание по-своему. Они просят Христа о почётных местах в Его славе – по правую и по левую сторону. Очень скоро эти места займут два разбойника, распятые справа и слева от Иисуса. Авторы и читатели Евангелия знают продолжение истории, а потому могут по достоинству оценить всю нелепость прошения братьев.

«Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чём попросим» (Мк 10, 35). Третий раз Иисус говорит о Своих страданиях и третий раз ученики не хотят этого слышать. Многочисленные поучения Наставника так и не смогли освободить их от сложившихся на протяжении прошлой жизни представлений о Мессии. Лишь пережитый апостолами Пасхальный опыт привёл к подлинному перелому в их мировоззрении.

Вероятно Иаков и Иоанн были очень честолюбивы. Иисус выделял их, наряду с Петром, из среды прочих учеников, а они поняли это предпочтение как привилегию, и захотели ещё больших. Они прибегли к уловке, чтобы добиться министерских портфелей в наступающем Царстве.

Как же вознегодовали на братьев другие апостолы! И снова разгорелся старый спор: кто больше? И Иисус вновь принялся терпеливо объяснять друзьям, что в Его Царстве мерилом величия является служение, и ничто другое. Евангелисты не утаивают от читателей слабости ближайших учеников, ведь они были обыкновенными людьми, как и все мы.

Разве не слышим мы в просьбе сыновей Заведеевых свой собственный голос? Разве слово Евангелия, церковной проповеди, горы прочитанной нами духовной литературы не оказываются и в нашем случае столь же неэффективными, как и тогда, две тысячи лет назад? Поучения лишь скользят по поверхности нашего сознания, мы же продолжаем стро-

ить свои отношения с Богом, братьями и сёстрами по вере, прочими людьми, согласно привитым с детства стереотипам, согласно принятым в мире правилам игры. Иисус предлагает нам взять свой крест и следовать за Ним, а мы желаем, чтобы Он сделал нам то, о чём попросим.

И тогда Иисус обращает к нам те же слова, что и к сыновьям Зеведеевым: «Что хотите, чтобы Я сделал вам?» Так чего же мы хотим? О чём мы Его просим? «Не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?» – продолжает Свою речь Иисус.

По древнему обычаю царь на пирах подавал гостям чаши соответствующего достоинства. Чаша указывала на положение подданного, она являлась символом, в котором суммировались жизненный опыт, общественное положение и заслуги. В том же значении метафора чаши использовалась и в Ветхом Завете (ср., например, Пс 23 (22), 5). Отец Небесный предложил Своему Сыну горькую чашу Страстей (ср. Мк 14, 36). Только таким образом Сын мог прийти к будущему триумфу Воскресения. Так могут ли ученики желать для себя иной чаши, иного крещения[1]?

Только там, где есть искреннее желание пить чашу Иисуса, становится возможной любовь, которую Христос завещал Своей общине: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13, 35). Не материальные атрибуты (храмы определённой конструкции, кресты, иконы и т.д.) должны стать опознавательным знаком Общины Христа, а отношения любви, связывающие её членов и имеющие принципиально открытый характер, потенциально готовые вместить весь мир. Несёт ли та община, к которой я принадлежу, этот опознавательный знак? Отмечена ли этим знаком моя собственная жизнь, моя личность?

Мы уже не раз отмечали, что любовь, завещанная Христом Своей общине (ср. Ин 13, 34; 15, 12. 17), не сводится к одним

[1] Слово «крещение» («омовение», «погружение») означает здесь общность судьбы Учителя и ученика.

только эмоциям. Она выражается во множестве конкретных дел, поступков, всегда имеющих ввиду конкретного адресата. Эта любовь есть дар Божий, предмет нашей настойчивой молитвы. Но и молитва о даровании любви должна быть конкретной: нам следует просить о помощи в совершении конкретных дел, через которые являет себя и становится осязаемой наша любовь. И не случайно в Евангелии от Марка сразу же после случая с сыновьями Зеведеевыми описана другая поучительная история.

> *«Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он ещё более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовёт тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришёл к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошёл за Иисусом по дороге»* (Мк 10, 46-50).

Как мы видим, слепой человек оказывается необычайно зрячим в том, что касается дел духовных. Евангелист явно противопоставляет его проницательность слепоте учеников. Вартимей демонстрирует подлинную настойчивость и веру в Иисуса. Ничто не могло заставить его замолчать, он кричал во весь голос. Он вознамерился во что бы то ни стало добиться встречи с Иисусом, чтобы представить Ему свои проблемы. Вартимеем владело не смутное, сентиментальное, а прямо-таки отчаянное желание видеть Иисуса. Именно такое желание поощряет Иисус. Он тут же призвал слепца к Себе. А тот сбросил с себя верхнюю одежду, чтобы ему было сподручнее приблизиться к Господу.

Евангелист мог бы и проигнорировать подобную мелочь, однако он намеренно упоминает о ней в своём повествовании, чтобы подчеркнуть решимость Вартимея. Зов Иисуса слышат очень многие, но далеко не все спешат Ему навстречу, тем более сбросив с себя верхнюю одежду привычного мировосприятия, житейских соображений, собственных амбиций. Вартимей же ни секунды не колеблется, оправляясь в путь за Иисусом. «И он тотчас прозрел и пошёл за Иисусом по дороге», не возвращаясь притом за оставленной верхней одеждой.

Иисус исполнил вполне конкретное желание слепца – видеть. Он ждёт конкретности и от каждого из нас. Обращаясь к стоматологу, мы идём к нему не с зубной болью вообще. Мы ждём излечения конкретного больного зуба. Так и Иисус спрашивает каждого из Своих пациентов: «Чего же именно ты хочешь от Меня?», и ожидает чёткого ответа на поставленный вопрос.

Подобный ответ, в свою очередь, требует самоанализа, испытания совести и предельной правдивости, т.е. вещей, которых на практике часто избегают. Но лишь при этом условии могут быть исцелены наши личные духовные язвы, как и язвы нашей общинной жизни.

Трапеза

Никакое человеческое сообщество не может долго существовать, основываясь лишь на эмоциях, на чувствах взаимной симпатии, связывающей его членов. Для становления настоящей общины необходимы общие цели, общее дело, а также постоянные, твёрдо установленные формы внешнего выражения имеющегося духовного единства. Иначе говоря, всякая община неизбежно должна обзавестись собственными обрядами и ритуалами.

Безусловно, у общины, складывающейся вокруг Иисуса, были общие цели и общее дело – возвещение пришедшего в мир Царствия Божия. Сам Иисус подсказал ей и форму выражения своего единства – братскую трапезу за общим столом.

Надо сказать, что подобное явление не было абсолютным новшеством в иудаизме I столетия. Религиозные братства иудаизма (фарисеи, ессеи) и прежде практиковали общую трапезу (евр. *шабурот*), куда допускались лишь члены этих движений. Такие трапезы обычно совершались при наступлении субботнего дня (фактически – в пятницу вечером) и имели постоянный ритуал, включавший преломление хлеба и благословение чаши вина. Они считались пиршеством перед лицом Бога Израиля, проходили в приподнятой атмосфере и включали элементы, свойственные священной трапезе: углубляли связь с Богом и узы братства, были проникнуты ожиданием мессианского спасения («трапезы Царства», ср. Лк 14, 15), предвосхищали и символизировали его.

Новшеством, привнесённым Иисусом, можно считать частоту устраиваемых в Его общине трапез: не только по иудей-

ским праздникам и в субботу, но практически ежедневно. Тем самым подчёркивалось, что время исполнения древних обетований уже наступило, Царство Божие уже открылось, а Помазанник Божий уже пришёл на землю (ср. Мк 2, 19). Ещё более шокирующим выглядело другое обстоятельство: трапезы Иисуса имели радикально открытый характер, к ним допускались те, кого благочестивые евреи решительно избегали. Отсюда и упрёк фарисеев: «Как это Он ест и пьёт с мытарями и грешниками?» (Мк 2, 16).

Евангелия последовательно изображают Иисуса человеком трапезы, упоминают о многих трапезах с Его участием, но, по сути, лишь одна из таких трапез (кроме Тайной Вечери) описана более или менее подробно. Речь идёт о застолье, сопровождавшемся явным чудом, – умножением пяти хлебов, с помощью которого удалось насытить несколько тысяч человек. Все четыре евангелиста приводят этот эпизод:

> *«Иисус, выйдя, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря; и начал учить их много. И как времени прошло много, ученики Его, приступив к Нему, говорят: место здесь пустынное, а времени уже много, – отпусти их, чтобы они пошли в окрестные деревни и селения и купили себе хлеба, ибо им нечего есть. Он сказал им в ответ: вы дайте им есть. И сказали Ему: разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть? Но Он спросил их: сколько у вас хлебов? пойдите, посмотрите. Они, узнав, сказали: пять хлебов и две рыбы. Тогда повелел им рассадить всех отделениями на зелёной траве. И сели рядами, по сто и по пятидесяти. Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и две рыбы разделил на всех. И ели все, и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов. Было же евших хлебы около пяти тысяч мужей»* (Мк 6, 34-44).

Сам Иисус впоследствии напомнил ученикам об этом событии, предложил им вникнуть в суть происшедшего, в смысл

показанного знамения (Мк 8, 17-21). Чудо умножения хлебов предваряет основополагающий вопрос, заданный ученикам: «За кого почитают Меня люди?... а вы за кого почитаете Меня?». Отсюда следует, что описанная чудесная трапеза является существенной частью откровения об Иисусе.

Господь увидел перед Собой толпу потерянных, заблудших, голодных людей – стадо без пастыря. Людей, которых пока ещё ничего не объединяет: ведь каждый из них пришёл к Нему независимо от других, ведомый своими проблемами, вопросами, своим одиночеством. И Иисус оказывает пришедшим первую помощь – учит их. А затем предлагает им общую трапезу в атмосфере мира и братского доброжелательства и, тем самым, творит из них общину доверия и любви.

Он Сам выступает как Хозяин трапезы: читает благодарственную молитву и, через апостолов, подаёт хлеб сотрапезникам.

Никто не был обделён, никто не испытал недостатка. Все чувствуют себя абсолютно свободно в присутствии Господа. Все пребывают в радостном общении с братьями. Главное здесь – не возможность насытиться, а совместное пребывание в любви и спокойствии, в радости общения друг с другом.

Нечто подобное не может быть плодом человеческих усилий. Это – чистый дар, благодать свыше. Господь пока не избавляет нас от трудов и будничных забот о добывании насущного хлеба, но происшедшее однажды на пустынном берегу Галилейского озера приоткрывает Его истинную волю, обозначает цель, к которой Он всех нас ведёт. Сколько же чудес уже совершил Иисус, сколько их Он ещё совершит! Многие из тех чудес служили во благо конкретным личностям, а чудо умножения хлебов – это чудо для Общины по преимуществу. Оно в действительности созидает столь желанное Богом межчеловеческое единство.

Евангелисты Матфей и Лука, рассказывая о том же чуде, в основном следуют Марку, а вот Иоанн вносит в повествование иные нюансы (ср. Ин 6, 1-14). Рассказ насыщен библейской символикой, а хлеб и несколько рыбок Иисусу приносит мальчик (Ин 6, 8-9). То, что отдаётся Господу с детской искренностью, в простоте сердца, позволяет Тому накормить огромную толпу.

Разве Иисус не мог бы камни сделать хлебами (ср. Мф 4, 3)? Однако Он не гнушается тем немногим, что мы в состоянии предоставить в Его распоряжение. Он использует те крохи, которые Ему отдают люди (ср. также рассказ о чуде в Кане Галилейской). Евангелист сознательно сближает происходящее на берегу озера с практикой таинства Евхаристии, совершавшейся в первохристианских общинах: «Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим» (Ин 6, 11). Выражение «воздать благодарение» (греч. *евхаристеин*) обусловило само название Таинства – Евхаристия. Сразу вслед за описанием чуда умножения хлебов, в Евангелии от Иоанна помещена проповедь Иисуса о евхаристическом Хлебе Жизни (Ин 6, 22-40).

В христианской общине предстоятель, действующий от имени Иисуса, от Его лица (епископ, пресвитер), произносит над хлебом и вином молитву благодарения, а затем самостоятельно и через помощников (других пресвитеров, дьяконов) раздаёт их народу. Тогда Иисус дал людям хлеб, кто сколько хотел. То же самое происходит и при совершении Евхаристии: Христос отдаёт всего Себя без меры, а каждый участник Таинства получает по желанию. Апостолы собирают куски от пяти хлебов, чтобы ничего не пропало, и наполняют ими двенадцать корзин (Ин 6, 12-13) – по числу двенадцати колен Израилевых. В будущем им предстоит таким же образом собрать воедино Новый Израиль – Церковь, состоящую из людей всех рас и народов.

Тайная Вечеря

Чудо умножения хлебов символически предвосхитило Таинство Евхаристии, а на Тайной Вечери Иисуса с учениками оно было в действительности установлено. Эта последняя перед арестом Христа трапеза стала подлинным увенчанием многих братских трапез, совершавшихся на протяжении всего Его земного служения.

Описание действий Иисуса в тот ночной час содержится в первых трёх Евангелиях (Мф 26, 26-29; Мк 14, 22-25; Лк 22, 19-24), в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор 11, 23-26) и, под иным углом зрения, в Евангелии от Иоанна (Ин 13 – 17).

Употреблявшиеся во время иудейской пасхальной трапезы хлеб и вино Иисус отождествил с Собственными Телом и Кровью, предаваемыми ради Спасения мира, ради Спасения всех людей: «Сие есть Тело Моё… Сие есть Кровь Моя, за многих изливаемая[1]».

---

[1] В семитских языках, включая еврейский и арамейский, слово *многие* часто использовалось в значении *все*. Кровь Иисуса в действительности изливается не *за некоторых*, но *за всех*.

Чтобы понять замысел Иисуса, необходимо принять во внимание и ветхозаветную традицию, в которой был воспитан как Он Сам, так и Его ученики. В древнем Израиле деление хлебом было первоначально жестом гостеприимства и дружелюбия. Желая оказать уважение гостю, ему подавали свежевыпеченный хлеб (1 Цар 28, 24; Быт 19, 3).

Хлеб также был зн*а*мением примирения с Богом (Исх 24, 11), он воспринимался как основа человеческой жизни, причём не только в смысле утоления голода, но и в смысле деления с другими. Совместное вкушение хлеба было свидетельством искреннего общения, актом примирения, союза-завета. Различные иудейские праздники предполагали ритуальное вкушение хлеба.

Следует также вспомнить хлебы предложения (12 штук, сложенные по 6), находящиеся на золотом столе в помещении Храма и каждую субботу заменяемые священниками.

Дословно они назывались *хлебом лица*, что означало *хлеб, на который взирает Сам Бог* (ср. Иер 7, 18; 44, 19). Подробнее о них можно прочесть в Книге Левит (глава 24, 5-9). Эти хлебы считались жертвой Господу и являлись символом памятования Синайского Завета, символом его постоянства.

Кроме того, в Ветхом Завете хлеб был зн*а*мением спасения и благословения (Пс 37, 25; 132, 15; Притч 12, 11). Израилю было известно и чудо умножения хлебов, совершённое Богом через пророка Елисея (4 Цар 4, 42-44). Оно указывало на щедрость Бога, на изобилие Его даров. Хлеб воспринимался как символ радости (Ис 30, 23; Иер 31, 12) и как символ Закона Божия – истинной пищи для человека, его подлинной жизни (Ам 8, 1; Втор 8, 3; 32, 47).

И вот, теперь Иисус приносит людям слова жизни вечной (Ин 6, 63; 1 Ин 1, 1), Он приносит им Хлеб с Небес, т.е. Своё Слово и Своё добровольно отданное на мученическую смерть Тело (Ин 6, 33. 48-51). Этот Хлеб напомнит о Нём («сие творите в Моё воспоминание»), станет спасительным «хлебом насущным на каждый день», в отличие от ветхозаветных хлебов предложения, которые можно было съесть только во время голода. Тем самым Иисус исполняет символику хлеба. Он Сам есть то, чем является в своей идее хлеб. Тайная Вечеря – это событие, в котором Ветхий Завет открывается навстречу новой реальности.

Вино в Библии также обладает богатейшей символикой. Оно было символом радости и изобилия, а также символом будущих мессианских времён (Иер 31, 12). Кроме того, оно часто ассоциировалось с кровью. Иисус воспользовался этой известной из традиции ассоциацией: «Сие есть Кровь Моя нового завета».

Древний обычай требовал скрепления договора (союза) между людьми собственной кровью или кровью жертвенных животных. Таким же образом Завет (Союз, Договор) между Богом и Израилем на Синае был скреплён кровью жертвоприношений: «И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих» (Исх 24, 8). Но тот Завет не мог быть окончательным, он

не до конца являл замыслы Бога, Его безграничную любовь. Это было понятно уже пророку Иеремии, возвестившему грядущее заключение Нового Завета

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не воспомяну более» (Иер 31, 31-34).

И момент исполнения этого пророчества наступил! Через Иисуса Христа Бог заключил со всеми людьми Новый Завет, упраздняющий прежний, Синайский завет, заключённый через Моисея. Этот Завет скреплён уже не кровью волов и козлов, а Кровью истинного Агнца Божия Иисуса, Его добровольной Жертвой. Именно такое толкование мы имеем в Послании к Евреям. Автор приводит уже известную нам цитату из пророка Иеремии и делает вывод: «Говоря "новый", показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению» (Евр 8, 7-13).

Провозглашая Хлеб и Вино священной трапезы Своими Телом и Кровью, Иисус завещал ученикам повторять то же священнодействие в дальнейшем, после Своего ухода к Отцу: «Сие творите в Моё воспоминание». Едва ли апостолы поняли в тот момент смысл этого повеления. Однако Пасхальные события, как и наставление Святого Духа, откроют им глаза, и Таинство Евхаристии, установленное на Тайной Вечере, станет силой, созидающей Церковь.

Именно этот аспект происшедшего около двух тысяч лет назад в Иерусалимской горнице оказался в центре внима-

ния апостола Иоанна. В своём повествовании он опускает детали, уже известные из других Евангелий, не приводит даже слов установления («сие есть Тело Моё…, сия есть Кровь Моя…»), зато показывает, чем именно должна стать Евхаристическая трапеза в жизни Общины.

Прежде, чем сесть за стол, Иисус омывает ноги Своим ученикам (Ин 13, 1-20), демонстрируя, что Евхаристия есть выражение взаимного служения членов общины, неотделима от него. А в завершении Трапезы Он произносит Свою удивительную молитву о единстве (Ин 17, 6-26), кульминацией которой является фраза: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17, 20).

Сокровенным, т*а*инственным образом это единство исповедников Христа осуществляется всякий раз, когда совершается Евхаристия – в любое время, в любой точке земного шара. Но

сможет ли оно стать не только сокрытой от взоров тайной, но явным знаком, осязаемой реальностью, убедительным свидетельством неверующему миру? Это во многом зависит и от каждого из нас.

Пётр, Иоанн, Мария Магдалина…

У пустого гроба

«В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было ещё темно, и видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его. Тотчас вышел Пётр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра, и пришёл ко гробу первый. И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошёл во гроб. Вслед за ним приходит Симон Пётр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. Тогда вошёл и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал. Ибо они ещё не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мёртвых. Итак ученики опять возвратились к себе» (Ин 20, 1-10).

Закончилась суббота, следовавшая за Страстной Пятницей. В субботу «Бог почил от дел Своих» (Быт 2, 1), потому она стала днём священного отдыха, и Сын Божий, почивавший в гробнице, исполнил заповедь субботнего покоя как никто другой. Наступил первый день недели, но солнце ещё не взошло, вся земля по-прежнему охвачена мраком. Беспросветным мраком охвачены и души учеников: они ещё не знают, что их Господь воскрес, что Его гробница пуста.

И вот, Мария Магдалина спешит ко гробу. Она идёт «рано, когда было ещё темно». Она ищет Того, Кого любила, Кто

научил любить её, с Кем были связаны все её надежды и планы, Того, Кто умер. Она торопится исполнить последний долг любви: воздать почести бездыханному телу любимого Учителя, помазать его благовониями.

Но, придя ко гробу, она не обнаружила мёртвых останков. От Господа не осталось ровным счётом ничего, как ничего не осталось от надежды Марии. И она бежит к Петру, чтобы сообщить ему ещё одну ужасную новость: «Унесли Господа из гроба и не знаем, где положили Его».

И всё-таки Мария Магдалина продолжает называть убитого, не оправдавшего мессианских надежд учеников Иисуса Господом. Она ведёт себя подобно невесте из ветхозаветной Песни Песней: «На ложе моём ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же

я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: не видали ли вы того, которого любит душа моя?» (Песн 3, 1-3).

«И тотчас вышел Пётр…». Сообщение Марии словно бы вывело его из оцепенения, из духовного паралича, вызванного крушением надежд и собственным позорным предательством. Петру, как и другим апостолам, тоже предстоит воскреснуть, но пока он ещё только на пути к воскресению: он бежит к пустому гробу. Но бежит не один, а с другим учеником, любимым учеником Господа. Великую субботу апостолы провели вместе. Но, находясь рядом, они были безмерно далеки друг от друга: каждый был погружён в собственные мрачные мысли, каждый замкнулся в своём одиночестве. А теперь Пётр и Иоанн бегут оба вместе. Они снова составляют общину!

Что же произошло у гроба? Что увидели посетители? Евангелист Иоанн использует три различных глагола, переводимые на русский язык одним и тем же словом «видеть». Таким образом он выражает тонкие нюансы происшедшего. Мария просто «увидела» (греч. *блепо*), Иоанн сначала – тоже, Пётр же внимательно рассматривает и замечает (греч. *тхеориос*) аккуратно сложенные погребальные пелены и лежащий отдельно головной плат. Наконец, Иоанн проникает в тайну, он видит сокровенное (греч. *эйден*), духовным взором постигает суть – «и увидел, и уверовал».

Лучик надежды озаряет сердца учеников, до того погружённые в бездонную бездну отчаяния. И они возвращаются к себе, унося слабенький огонёк едва затеплившейся радости. Станет ли он великим пламенем, или погаснет, как гаснет колеблющееся пламя тоненькой свечки? Ученики верят и надеются, но и боятся снова разочароваться в своих надеждах.

> *«А Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.*

Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! – что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идёт и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей» (Ин 20, 11-18).

Мария Магдалина остаётся у гроба. «Остаться у гроба» – значит находиться в полном отчаянии, сидеть на развалинах собственной жизни, видеть крушение тех оснований, на ко-

торых доселе всё строилось. Внезапно явившиеся ей ангелы спрашивают: «Жена! что ты плачешь?» Тот же вопрос задаст ей и внезапно явившийся Иисус, добавив притом: «Кого ищешь?» Она не узнаёт Его и принимает за садовника.

Иисус является Своей любимой ученице в образе Садовника Нового Сада, куда лучшего, чем Эдемский, насаждённый Богом для первого Адама. Новый Адам будет возделывать и хранить этот Сад, Он не утратит его, подобно древнему прародителю человечества. Но Мария пока не понимает происходящего. Парадоксальным образом она просит Иисуса вернуть ей Иисуса! Однако и эта просьба имеет свой смысл: ведь именно Воскресший унёс Того, Кого она любила – земного Плотника и Учителя из Назарета, унёс Того, кого она отчаянно хочет «взять».

Иисус ласково окликает её: «Мария!» Она, услышав Его зов, переживает настоящее обращение. Подобно воскресшему Лазарю, которого Иисус вызвал из могилы по имени[1], она выходит из гробовой тьмы навстречу свету новой жизни. Она вновь обращается к Иисусу «Раввуни», как к Учителю и Пастырю:

«Наступает время, и настало уже, когда мёртвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Ин 5, 25). «А входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовёт своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идёт перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его» (Ин 10, 2-4).

«Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему». Мария хочет удержать Его прежнего, земного, и Он не упрекает её за это. Иисус по достоинству оценивает её любовь и её печаль, Он помогает ей принять Себя «нового». Нельзя просто вернуться к прежним отношениям с Плотником из Назарета. Теперь наступают времена иных отношений с Воскресшим и Прославленным Господом.

Теперь Марии будет поручена важнейшая миссия: «Иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу ва-

---

[1] Ин 11, 43.

шему, и к Богу Моему и Богу вашему». Теперь все верующие в Сына, принимающие свидетельство Марии Магдалины, – это братья Воскресшего, участники Его Божественного Сыновства. И Мария отправляется в путь, как повелел ей Иисус: «Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватилась за него, и не отпустила его» (Песнь Песней 3, 4).

На берегу Тивериадского озера

«Иду ловить рыбу…»

«После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском. Явился же так: были вместе Симон Пётр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Пётр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идём и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего. А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Пётр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, – ибо он был наг, – и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке, – ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, – таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нём лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали. Симон Пётр пошёл и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им: придите, обедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: кто Ты?, зная, что это

Господь. Иисус приходит, берёт хлеб и даёт им, также и рыбу. Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своём из мёртвых» (Ин 21, 1-14).

Евангелист Иоанн рассказывает об одном из явлений Воскресшего Своим ученикам, о явлении, имевшем место в Галилее, на берегу Тивериадского (Галилейского) озера[1]. Однако четвёртое Евангелие не напрасно называют духовным. Его автор не просто передаёт факты, но и стремится приобщить читателя к скрытой реальности Божественных замыслов, к глубине Божественного Откровения. В этом Евангелии нет случай-

1 Большое озеро на севере Палестины, в Галилее, кормившее обитателей прибрежных посёлков и среди них – профессиональных рыбаков Петра, Андрея, сыновей Зеведеевых и других учеников Христа, выступает в Новом Завете под разными названиями: *Галилейское*, *Геннисаретское*, *Тивериадское озеро*. Кроме того, его часто именуют *морем*.

ных подробностей и деталей, все они имеют символический смысл, все они приоткрывают нечто, что стоит за ними, на первый взгляд неочевидное, но имеющее огромную важность.

Вот и этот рассказ евангелиста – не только описание фактов, но и свидетельство исполнившегося обетования. «Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков», – сказал Иисус Своим апостолам (Мк 1, 17). Теперь они приступают к ловле рыбы в мутных водах мира. Содержимое закинутой апостолами сети, их улов – это и есть Церковь, и Иоанн демонстрирует, какой она, по замыслу своего Основателя, должна быть.

Церковь – **Апостольская**, ибо зиждется на апостольском основании. Это апостолам и их преемникам (избранным и поставленным на служение Самим Господом священникам, миссионерам) поручен поиск человеческих душ. Но и профессиональные ловцы не могут надеяться лишь на свои способности и умения. В тот раз, протрудившись всю ночь, они не поймали ничего. Лишь приход Иисуса изменил ситуацию: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин 15, 5). Это Иисус устраивает для спасённых Евхаристическую Трапезу Хлеба и Вина – Своих Тела и Крови[1].

Церковь – **Вселенская** (**Кафолическая**)[2], ибо охватывает все времена, все континенты, все народы, все социальные слои, все человеческие ситуации. Она включает в себя и живых, и умерших, остаётся сама собой в смене поколений верующих. «153» (пойманных рыбы) – это число известных в то время народов. Кроме того, евангелист, вероятно, обыгрывает здесь символику священных библейских чисел: «153» – это

---

[1] В описанной сцене, как и в сцене умножения хлебов, не упоминается вино, зато упоминается рыба (Ин 21, 13). Рыба была очень известным символом в первохристианской Церкви. Сам Иисус сравнивал уверовавших с рыбами (ср. Мф 13, 47-50). Ещё более важным представляется следующее обстоятельство. По-гречески рыба – «ихтиос». В принятой тогда записи – ИХТС – оно представляет собой аббревиатуру выражения «Иисус Христос – Бог (греч. *Теос*) и Спаситель (греч. *Сотер*)».

[2] Греческое слово *катхоликос* имеет смысл «всецелый», «всеобщий», «всеобъемлющий». Противоположное понятие – *партикулярный*, т.е. «частный», «ограниченный», «отделённый».

сумма чисел от 1 до 17, знамение полноты, охватывающей пространство и время, земное и небесное.

Церковь – **Единая**, ибо такова есть воля Господа, выраженная в Его прощальной молитве (Ин 17, 6-26), как и в таких Его словах: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин 16, 10). Сеть, закинутая Петром, не прорывается, несмотря на обилие пойманных рыб.

Церковь – **Святая**, ибо свят её Глава и Господь. Что же касается учеников, то их святость равнозначна прощению, дарованному им от Господа. Церковь есть народ прощённых, в этом и заключается её святость. Апостолы получили от Воскресшего Христа дар прощения грехов (Ин 20, 21-23), но прежде они сами были прощены.

Олицетворяющий Церковь Пётр пережил всю глубину падения, а затем – безмерную радость возрождающего прощения. Бросаясь в воду навстречу Христу, он препоясывается, подобно Адаму, познавшему свой грех (ср. Быт 3, 7). Но между этими персонажами есть и важное различие: Пётр не боится Господа, не прячется от Него, а устремляется к Нему. Пётр – истинный сын ветхого Адама, следовательно – грешник, но грешник искупленный, а потому любящий. Эту сторону его личности выделяет евангелист, продолжая свой рассказ о явлении при море Тивериадском.

«Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?»

«Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Пётр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Ещё говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Пётр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в

третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Пётр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты всё знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих» (Ин 21, 15-17).

Почему же Господь требует от Петра трижды исповедать свою любовь? Не потому ли, что тот прежде отрёкся от Него трижды?

В своё время этот апостол заверял Учителя в своей безграничной верности, выражал готовность умереть за Него. На чём он тогда основывался? На собственных представлениях о себе самом, на собственных эмоциях… Последовавшее тройное отречение продемонстрировало Петру его подлинную сущность, развеяло все иллюзии на собственный счёт.

И вот, Иисус спрашивает у него: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?». Эти слова обращены к человеку, провинившемуся перед Христом больше, чем кто-либо другой. Да, другие ученики оставили Учителя, но ведь никто из них не отрекался от Него, как это сделал Пётр. Но, может быть, именно тот, кто в большей мере познал собственную слабость, обнаружил границы собственных возможностей, способен и на большую любовь?

Иисус спрашивает, а Пётр отвечает с кротостью и смирением. Он уже прошёл сквозь покаяние (*метанойю*), он уже никогда не будет рассчитывать на собственные силы. Его исповедание основано на верности Иисуса, а не на своей сомнительной верности.

На Тайной Вечере Иисус не принял уверений Петра в верности до гроба, а теперь принимает его свидетельство: «Ты знаешь, что я люблю Тебя». Что же изменилось? Изменился сам Пётр. Он осознал, что не Иисус нуждается в его, Петра, смерти, а он, Пётр, нуждается в искупительной смерти Иисуса. Он осознал, Кто такой Иисус, а кто такой он сам. Грех предательства стал для него лучшей школой доверия Учителю. Он твёрдо усвоил, что сможет отдать Господу только то, что от Него получил.

Ныне Иисус обращается с тем же вопросом к каждому из нас: «Ольга, Иван, Александр! любишь ли ты Меня?» Что

мы Ему ответим? Иисус нуждается в нашей любви, даже слабой и несовершенной. Он нуждается в ней, ищет её даже после наших предательств и отречений. Он вновь и вновь вопрошает нас о любви. Он умер ради того, чтобы каждый из нас смог повторить вслед за Петром: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя».

«Паси овец Моих»

Лишь после того, как Пётр исповедал любовь к Иисусу, Тот поручил ему ответственейшую миссию: «Паси овец Моих». Ударение здесь следует делать на слове «Моих». Все мы – Его овцы, за которых Он отдал Свою жизнь. Только тот, кто любит Христа, имеет право руководить Его домашними, теми, кто принадлежит одному Ему.

Иисус вполне мог сформулировать вопрос по-другому: «Симон Ионин! любишь ли ты людей, которых Я тебе поручаю?» А Пётр бы ответил: «Так, Господи! Ты знаешь, что я их люблю». «Так паси же их», – сказал бы ему Иисус. В действительности, однако, дело обстояло иначе. По точному замечанию святого Августина, если бы Пётр трижды не исповедал Господу свою любовь к Нему, Тот не доверил бы ему пасти нас.

«Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам» (Ин 10, 1-2). Дверь, открывающая доступ в овчарню, только одна – Сам Христос. Тот, кто настаивает на своей любви к ближним, уверяет в своей готовности служить им, но притом не чувствует себя любимым Иисусом, не любит Его, неминуемо превращается в вора и разбойника.

Вор не обязательно крадёт материальные ценности, он может незаконно присвоить себе Божью славу, как и по праву принадлежащие одному Богу человеческие чувства. Пастырь, служащий людям без любви к Богу, попытается привязать их к себе, а не к Нему, привести к себе, а не к Нему. Такой пастырь со временем станет идолом для своей паствы. Пытаясь стать для неё всем, он не даст ей главного – любви. Никто, кроме Христа и тех, кто во Христе, не может подарить абсолютной любви, той любви, которая не иссякает и перед лицом неприятия, презрения, отрицания, той любви, которая проверяется и подтверждается на Кресте.

Иисус трижды вопрошает Петра о любви. Он требует от него всё большей и большей любви, как всё большим и большим становилось его прежнее отречение. Господь не собирается делать вид, будто ничего не произошло, будто предательства не было. Подлинные отношения любви нуждаются в предельной правдивости. Вопрос о любви, заданный Иисусом, стал для Петра и испытанием, и призванием, и даром. Дар и призвание облеклись в форму тройного повеления: «Паси овец Моих».

Но на этом диалог Иисуса с Петром не заканчивается:

> *«Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда соста-*

ришься, то прострёшь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведёт, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какою смертью Пётр прославит Бога. И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною» (Ин 17, 18-19).

И вновь, как тогда, в самом начале Своего земного служения, Иисус призывает Петра: «Иди за Мною». Он и раньше предупреждал апостола, что тот подлинно сможет следовать за Ним, только пережив опыт Пасхальной Тайны, опыт Распятия и Воскресения: «Куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдёшь за Мною» (Ин 13, 36). И Пётр пройдёт свой жизненный путь – путь неустрашимого свидетеля веры, миссионера, пастыря Церкви, чтобы завершить его по примеру Учителя, – на Кресте. Он с радостью примет страдания за Христа, ибо прежде познал и принял Его любовь.

А рядом стоит другой ученик – любимый ученик Господа, апостол Иоанн:

«Пётр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Пётр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братиями, что ученик тот не умрёт. Но Иисус не сказал ему, что не умрёт, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?» (Ин 21, 20-23).

Суть христианства заключается в том, чтобы следовать за Христом. Но *следовать* можно по-разному. Другой ученик следует, пребывая, – как ветвь на виноградной лозе (ср. Ин 15, 1-5). Далеко не всем христианам доводится претерпевать те же тяжкие испытания, что и апостолам I века, или мученикам последующих веков. Важнее всего – любовь, которая проявляется как в сутолоке повседневности, так и в свидетельстве мучеников. Кто живёт в любви к Иисусу, тот воистину пребывает.

Благодаря Евангелиям мы имеем удивительную возможность перемещения во времени и пространстве. Мы можем

перенестись на далёкие берега Тивериадского озера и стать свидетелями диалога, происшедшего там около двух тысяч лет назад. Мы можем вступить и в собственный диалог с Иисусом. Мы имеем возможность со всей серьёзностью вслушаться в Его обращённые к нам вопросы и со всей искренностью ответить на них.

Лики Церкви

В последней главе Евангелия от Иоанна, наряду с Иисусом, есть ещё два главных действующих лица – апостол Пётр и любимый ученик Господа (сам автор Евангелия, апостол Иоанн). Таким образом, мы узнаём нечто очень важное о призванной Христом Церкви. Церковь перестаёт быть абстрактным понятием, она обретает определённое выражение лица, её черты проступают в личности конкретного человека.

На берегу Тивериадского озера инициатива действия принадлежит Петру: «Иду ловить рыбу». Все прочие ученики присоединяются к нему: «Идём и мы с тобою». Повеление «паси овец Моих» также даётся одному Петру. Таким образом Иисус исполняет Свои прежние обещания, связанные с этим апостолом и касающиеся его полномочий в христианской Общине.

Первое из таких обещаний прозвучало и Кесарии Филипповой, после того, как Пётр исповедал Иисуса Христом, Сыном Бога Живого, а Тот его – Петром, камнем, положенным в основание Церкви: «Дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»[1] (Мф 16, 19).

---

[1] В Ветхом Завете и иудейской традиции «ключи» – это символ духовной власти и знания. Сам Иисус говорит о «ключе разумения» Бога и Его воли (Лк 11, 52). Этими ключами располагает один только Иисус, однако, у Кесарии Филипповой Он выразил намерение передать их Петру в будущем, т.е. по окончании Собственной земной миссии.

Выражение «вязать и решить» часто использовалось иудейскими раввинами во времена Иисуса. Оно предполагало данное учителю право разрешать спорные вопросы, касающиеся толкования Закона, т.е. познания воли Божией, а также право налагать на учеников обязательства и освобождать

Второе обещание – сродни повелению или даже просьбе. Оно было произнесено Христом на Тайной Вечере: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк 22, 31-32).

Вера Петра не оскудела, как не оскудела и его любовь. Ведь она была подкреплена молитвой Иисуса за него. И теперь, обратившись, поднявшись после своего падения, Пётр принимает от Воскресшего Христа торжественно вручённую ему власть быть наставником Церкви, её духовным руководителем, утверждающим её в Господе. Это он первым вошёл в пустой гроб. Это он бросился в воду, навстречу Христу. Это он принёс Ему сеть полную рыбы.

от них, принимать кандидатов в общину и исключать из неё недостойных. Иначе говоря, власть вязать и решить – это власть Учителя в своей общине, включая право наставлять её в истинах веры и нравственности, и право руководить духовной жизнью всех её членов.

Власть «вязать и решить», кроме Петра, получают и другие апостолы: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18, 18). В конечном же счёте, такую власть имеет и вся Церковь в целом, поскольку в контексте данного евангельского отрывка (Мф 18, 15-20) Апостолы представляют Церковь как таковую.

Однако рядом с Петром – другой ученик, апостол Иоанн. Это к нему обратился Пётр, чтобы узнать потаённые мысли Господа (Ин 13, 21-26)[1]. Это он возлежал на груди у Иисуса и слышал биение Его сердца. Это он, единственный из учеников, стоял под Крестом. Это только для него пустой гроб стал знамением надежды, а не отчаяния. Это ему одному удалось опознать Человека, стоящего на берегу: «Это Господь».

Пётр – это ученик, который любит Иисуса больше, нежели они. Иоанн – это ученик, которого Иисус любит больше, нежели их. Пётр олицетворяет иерархическое начало в Церкви, миссию своих преемников – церковных пастырей, священнослужителей. В нём – высшее воплощение их значимости, авторитета. Иоанн олицетворяет собой действие Святого Духа, Который дышит, где хочет (Ин 3, 8), Сам находит Своих избранников. Если священнослужители – это преемники Петра, то преемники Иоанна – это святые, исполненные пророческого и тайноведческого Духа, в которых никогда не было недостатка в Церкви. К ним, по примеру Петра, следует обращаться, чтобы познать Образ Божий и Его волю.

Пётр и Иоанн – это два Лика Церкви, два её конкретных воплощения. Им соответствуют две миссии, два призвания: с одной стороны, служение и действие, а с другой – молитвенное созерцание, пребывание в Духе. Их ни в коем случае нельзя противопоставлять, они взаимно дополняют и поддерживают друг друга.

Иоанн подсказывает Петру, где искать Господа, а тот бесстрашно бросается Ему навстречу. Пётр идет за Христом, а Иоанн пребывает покуда Христос не придёт, пребывает как раз для того, чтобы мог идти Пётр. Созерцатель Иоанн в некотором смысле принадлежит вечности, а Пётр заботится

---

[1] Этот отрывок звучит так: «Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Пётр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту» (Ин 13, 21-26).

о земном. Тем не менее, цель у них одна. Служение Петра – это опора молящейся и созерцающей Церкви, и любимый ученик добровольно отдаёт ему первенство.

Но у Церкви есть и ещё один Лик, и не случайно в последних главах Евангелия от Иоанна, наряду с апостолами действует и Мария Магдалина. Это она спешит воздать почести истерзанному Телу Господа. Этой ей первой является Господь. Это она возвещает ученикам о Его Воскресении.

Тело Христово – Церковь – истерзано и теперь. Оно страдает и погружается в гробовую тьму в лице своих слабых, немощных членов – бедняков и обездоленных, престарелых и больных, оказавшихся в плену алкогольной или наркотической зависимостей… Кто же окажет ему помощь? Кто проявит к нему милость и уважение?

Преемники Марии Магдалины – это мужчины и женщины, посвятившие себя делам милосердия, в одиночку либо в составе специально созданных для этого монашеских орденов или организаций мирян. Организованные формы помощи нуждающимся далеко не всегда были результатом предписанной сверху инициативы. Очень часто они складывались как бы спонтанно и стихийно, вокруг святых людей, поражённых видом конкретных страданий и почувствовавших, что они не могут равнодушно пройти мимо, что они просто обязаны откликнуться на вызов нужды.

Служение Марии Магдалины осуществлялось в Церкви во все века, а его символом в нашу эпоху, безусловно, является Мать Тереза из Калькутты[1]. Миссия милосердия, порученная

---

[1] Мать Тереза – монахиня, одна из самых знаменитых и уважаемых женщин второй половины XX века. Её имя по рождению Агнес Гонджа Бояджиу. Она родилась 27 сентября 1910 года в Скопье (в настоящее время – столица Македонии). С 1928 года до дня своей смерти – 5 сентября 1996 года – мать Тереза несла своё служение в Индии. Основательница Ордена Милосердия (1950), Мать Тереза начала заниматься теми людьми, до которых никому не было дела. Она собирала с улиц Калькутты умирающих, прокажённых, бедных, брошенных, неполноценных. В 1962 году мать Тереза была награждена правительством Индии орденом Великолепный лотос. В Калькутте

Церкви – это ещё одно свидетельство о Воскресшем Христе, это – непосредственное свидетельство любви, которое звучит красноречивее многих слов.

Пётр, Иоанн, Мария Магдалина – вот тройной ответ общины на Благую Весть Воскресения, на полноту излившейся на неё любви. В их лицах становятся явными черты странствующей по дорогам истории Церкви, их взаимодополняющие служения составляют содержание церковной жизни.

Пятидесятница

«И, собрав их, [Иисус] повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чём вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым…, вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. И, придя, взошли в горницу, где и пребывали, Пётр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и

люди называли её не иначе как «живая святая». В 1964 году мать Тереза была представлена Папе Павлу VI. Потрясённый результатами её работы, Папа подарил ей шикарный лимузин. Мать Тереза продала машину и на вырученные деньги построила дом для умственно неполноценных людей. С этого времени орден милосердия открывает свои отделения в разных странах мира: в Венесуэле (1965), на Цейлоне (1967), в Италии, Австралии и Танзании (1968), в Англии (1970), Бангладеш (1972), на Кубе (1986) и других странах. 17 октября 1979 года мать Тереза стала лауреатом Нобелевской премии мира. Она отказалась принять участие в торжественном обеде по поводу присуждения ей премии. «Я не могу предаваться чревоугодию, когда в мире столько людей голодает и умирает». Всю Нобелевскую премию (800 тысяч шведских крон) она истратила на нужды своего ордена – на строительство приютов для бедных и страдающих проказой. Орден Милосердия совмещает в себе несовместимое. Он существует одновременно, как аскетическое монашеское общество (единственные личные вещи сестёр-монахинь – два форменных сари), и как юридическое лицо с многомиллиардным бюджетом. Основным источником финансирования ордена являются пожертвования, поступающие от частных лиц, компаний, общественных и международных организаций. По данным на 1996 год существует 400 отделений ордена Милосердия в 111 странах мира, 700 домов милосердия в 120 странах…

Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова. Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми жёнами и Мариею, Материю Иисуса, и с братьями Его.

При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришёл в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором роди-

лись..., слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?

Пётр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: ... Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесён десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите... Итак твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли.

Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия? Пётр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа. И другими многими словами он свидетельствовал и увещевал, говоря: спасайтесь от рода сего развращённого. Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трёх тысяч» (Деян 1, 4-5. 8. 13-14; 2, 1-8. 11. 14. 32-33. 36-38. 40-41).

Пятидесятый день после Пасхи (праздник седмиц, пятидесятница) был одним из самых больших религиозных торжеств в иудейском мире. В древности это был земледельческий праздник, посвящённый началу сбора урожая (Втор 16, 9-12; Лев 23, 15-16). Позднейшая традиция превратила его в день благодарения за дар Закона на горе Синай, причём его празднование воспринималось как завершение празднования Пасхи в память об Исходе из Египетского рабства. Оба праздника составляли по существу единое целое.

На Пятидесятницу, как и на Пасху, в Иерусалиме собиралось множество паломников со всех концов земли. Евреи и боящиеся Бога (язычники, сочувствовавшие иудаизму) приходили на храмовую гору с дарами и приношениями, а самые благочестивые из них проводили в Иерусалиме все пятьдесят дней, начиная с Пасхи.

В тот год (видимо, 30 г. н.э.) всё происходило как будто обычным порядком. Никто не подозревал, что среди богомольцев, готовящихся к празднику, есть одна группа иудеев, ожидающая наступления праздничного дня с особым нетерпением. Это – маленькая община Иисуса из Назарета, недавно распятого по обвинению в богохульстве и лжепророчестве.

Толки вокруг этого события уже успели умолкнуть. Одни предпочитали больше не говорить об этом, навсегда вычеркнуть Распятого из своей памяти. Другие – недавно появившиеся в Иерусалиме паломники из далёких стран – возможно даже не знали, кто такой Иисус. Как же им было догадаться о том глубочайшем перевороте, который произвела в сердцах кучки галилеян встреча с Воскресшим? О том великом задании, которое они получили – стать Его свидетелями даже до края земли? И, тем не менее, всем, собравшимся тогда в Иерусалиме, вскоре предстоит увидеть и услышать, как тайное становится явным. Часы истории отсчитывают последние мгновенья перед наступлением новой эпохи…

Что же произошло тогда в столице иудейского мира? Чем знаменателен для нас тот день, день Пятидесятницы, совершившейся почти две тысячи лет назад?

Иисус исполнил Своё обещание, данное ученикам дважды – накануне Своих Страстей (Ин 14, 16) и по Своём Воскресении (Деян 1, 8), – обещание даровать другого Утешителя, Духа истины, ту силу свыше, которая необходима для публичного свидетельства. Христос, умерший, воскресший, вознесённый одесную Отца, завершает Свою миссию тем, что изливает Святого Духа на апостольскую общину. Пятидесятница – это полнота Пасхи.

Пришедшим в Иерусалим паломникам явилось нечто удивительное. Жители разных стран, они давно уже не говорили на еврейском языке, языке своих далёких предков. Их родными наречиями стали языки тех народов, среди которых они жили. Теперь же они чудесным образом поняли суть вдохновенной молитвы, прославляющей Бога за его великие дела. Они были убеждены, что необразованные галилеяне, знающие лишь

собственный провинциальный диалект, говорят на их языках!

Попытка людей устроить свою жизнь вне Бога, в соперничестве с Ним, привела лишь к смешению языков, к взаимному непониманию (Быт 11, 1-9). Но теперь разделение, происшедшее у Вавилонской башни, подходит к концу. Откровение Бога во Христе, завершённое схождением Святого Духа, объединит самых разных людей, разные народы, разные культурные традиции. Пророки Израиля возвещали день, когда рассеянные овцы из числа иудеев вместе с обращёнными к Единому Богу язычниками соберутся в Иерусалиме, на горе Сион для прославления Господа.

И этот день ныне наступил: пройдёт совсем немного времени, может быть, дней или даже часов, когда откликнувшиеся на проповедь апостолов и принявшие Крещение иудеи, прозелиты и боящиеся Бога из числа язычников соберутся вместе в братском общении любви за Евхаристической трапезой (ср. Деян 2, 42). Притом древние пророчества исполняются так, как не ожидали, пожалуй, и сами пророки. Дух дарован для свидетельства до края земли. Чудо понимания языков предвосхищает распространение Общины Иисуса на все без исключения народы, включая и те, которые ещё не вышли на историческую арену, о которых ещё ничего не было известно.

В Книге Деяний показано, как шаг за шагом исполняется предсказание Иисуса: «И будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли». Первоначально апостолы никуда не отлучались из Иерусалима. Во всём мире лишь на улицах этого города можно было услышать их проповедь. Но уже первое гонение на Церковь (Деян 8, 2) привело к тому, что вынужденные бежать из столицы христиане понесли Благую Весть в Самарию (Деян 8, 4-8), а затем и в крупнейший город Азии Антиохию (Деян 11, 19-26). Антиохия, в свою очередь, стала крупнейшим миссионерским центром.

В антиохийской общине начал своё служение апостол Павел – недавно обращённый гонитель Церкви Савл, а ныне – «Мой

избранный сосуд, чтобы возвещать имя Моё перед народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян 9, 15). Позднее он и его сотрудники возвестят Распятого и Воскресшего Христа на островах Средиземного моря, в отдалённых районах Малой Азии, а потом – и в Европе. Павла назовут апостолом язычников или Апостолом народов. Его вклад в становление первохристианской Церкви поистине неоценим, а потому мы посвятим ему в этой тетради особый Экскурс *«От Савла к Павлу»*.

Двенадцать апостолов посещали вновь образованные общины, укрепляя их в вере, рассказывая им о Христе. В этих общинах, наряду с иудеями, были и язычники (Деян 11, 20), и Господь особым знамением убедил Петра и прочих апостолов, что между теми и другими отныне не должно быть различий (Деян 10, 44-48).

Святой Дух направлял миссию Церкви таким образом, что все внешние события, не исключая и происков её противников, лишь способствовали её распространению. Автор Книги Де-

яний[1] завершает своё сочинение прибытием апостола Павла в Рим. Павел прошёл сквозь многие испытания, не раз был на волосок от смерти, да и в столицу великой империи он приезжает под стражей, в ожидании императорского суда. Но это отнюдь не мешает ему «учить о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян 28, 31). Евангелист Лука свидетельствует: предсказание о распространении христианства до края земли если ещё и не исполнилось, то явно находится на пути к исполнению. Ведь из Рима до края земли куда ближе, чем из глухой иудейской провинции!

Охватившая весь мир Церковь – это та же община, которая сложилась вокруг Учителя из Назарета в период Его земной жизни. Все христиане признают авторитет поставленных Иисусом двенадцати апостолов, все они строят свою веру на их свидетельстве. Однако послепасхальная Церковь меняет свой облик, она предстаёт в новой ипостаси.

Как и во времена земного служения Иисуса, община собирается силой проповеданного Слова – слова Благой Вести. Но тогда это была Благая Весть о пришедшем в мир Царствии Божием, а теперь на первый план выходит возвещение Христа Распятого и Воскресшего. Именно в Пасхальном событии христиане видят полное Откровение Бога, полное явление Его любви.

Подавляющее большинство членов послепасхальной Церкви обратились к Иисусу не под непосредственным воздействием Его земной проповеди, а благодаря апостольскому свидетельству о Распятом и Воскресшем. Никогда не встречаясь с земным Иисусом, не зная Христа по плоти, они впервые встретились с Ним как с Пасхальным Господом, невидимым, но от этого не менее реальным Спасителем, действующим в силе Духа[2].

---

[1] Автором Книги Деяний является святой Лука, написавший также одно из Евангелий.

[2] Согласно свидетельству евангелиста Луки, в результате первых проповедей Петра в Иерусалиме ко Христу обратилось и приняло Крещение «душ около трёх тысяч» (Деян 2, 41). А какой была численность земной общины Христа? Учитывая, что в ней не было формальных условий член-

Вот почему мы утверждаем, что день Пятидесятницы имел ключевое значение для судеб Церкви. Он стал днём её явления миру, по существу днём её нового рождения. Позднее Святые Отцы сравнят крещение в Духе Святом, пережитое Церковью на Пятидесятницу, с Крещением Иисуса в Иордане. Тогда Иисус принял помазание от Духа и начал Своё земное служение. Теперь помазание от того же Духа приняла Церковь и была поставлена Им на служение миру, всему человечеству. Это событие – сродни новому творению, откровению Нового Завета, превосходящего Ветхий Завет на горе Синай.

Событие Пятидесятницы было однократным. Никогда уже не повторились в полной мере и явленные тогда чудеса. Тем не менее, дар, полученный тогда Церковью – окончателен. Пятидесятницей открывается время Святого Духа, в Котором присутствует Христос. Пятидесятницей открывается время Церкви, собирающей человечество в вере и любви. Пятидесятницей открываются и последние времена, которые получат своё завершение в последний день, когда Господь придёт опять.

Евхаристия

Послепасхальная Церковь имела и ещё одно отличие от общины земного Иисуса: в ней появились обязательные

ства, можно предположить, что в разные времена она могла включать от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Вероятно, её численность резко сократилась в последний период земного служения Христа. Так евангелист Иоанн отмечает, что «с этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили за Ним» (Ин 6, 66).

Тот же Лука называет цифру в 120 учеников Христа, дожидавшихся дня Пятидесятницы в Иерусалиме (Деян 1, 15-16). Очевидно, все они были участниками явлений Воскресшего. Правда, апостол Павел говорит о несколько большем числе людей, ставших свидетелями этих явлений – Христос «явился более нежели пятистам братий в одно время» (1 Кор 15, 6). Возможно, не все они смогли быть в Иерусалиме в канун Пятидесятницы. Но и это число не идёт ни в какое сравнение со многими тысячами обращённых после Пасхи (ср. Деян 4, 4; 5, 14). Отсюда можно сделать вывод, что уже первая христианская община в Иерусалиме по своему составу в корне отличалась от общины земного Христа, хотя Двенадцать и прочие ученики земного Иисуса и составляли её ядро.

условия членства, священные обряды, удостоверявшие принадлежность к ней. Речь идёт о Крещении и Евхаристии. Эти священнодействия позднее были названы Таинствами и практиковались в общине Воскресшего Христа с первых же дней её явления миру.

Оба они были установлены по прямому велению Иисуса. Воскресший Господь повелел ученикам: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф 28, 19), а Таинство Евхаристии было установлено Им ещё во время Его земной жизни, на Тайной Вечере: «Сие творите в Моё воспоминание». Этих слов не приводит евангелист Иоанн, зато он воспроизводит обширную проповедь Иисуса о Хлебе жизни (Ин 6, 25-59), в которой есть такие слова:

> *«Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нём. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес»* (Ин 6, 53-58).

О том, как Церковь исполняла повеление своего Господа, мы читаем в Книге Деяний. Тогда для Евхаристического богослужения ещё не существовало устоявшегося названия, и оно выступало под разными именами: преломление хлеба (Деян 2, 42. 47; 20, 7), благословение чаши (1 Кор 10, 16). Очень часто встречаются слова «собираться» (Деян 4, 31; 13, 44; 14, 27; 1 Кор 5, 4; 11, 17. 33) и «собрание» (греч. *синаксис*: Иак 2, 2; Евр 10, 25).

Богослужение первых христиан совершалось, по преимуществу, в частных домах. Знаменательно само выражение «домашняя Церковь», появляющееся в Посланиях апостола Павла (1 Кор 16, 19; Рим 16, 5; Кол 4, 15; Флм 2). Существенным было не место собрания, не здание, а само собрание. Христиане считали свою общину храмом Божиим, «домом

духовным» (1 Петр 2, 5). По их убеждению, Господь присутствует там, где собираются верные, ведь Бог «не в рукотворных храмах живёт» (Деян 17,4). Подлинным храмом являются не каменные стены, а исповедники Христа.

Днём богослужебного собрания было воскресенье (первый день недели, день Господень). Оно переживалось, как малая Пасха, ежегодно отмечалась и сама Пасха. Святой Игнатий Антиохийский, живший в начале II века, даже назвал христиан «людьми Пасхи» (Послание Магнезийцам 9, 1).

Центральное место на собрании отводилось трапезе Господней (1 Кор 11, 20), т.е. Святой Евхаристии, Святому Причастию. Преломление хлеба «в радости и простоте сердца» (Деян 2, 46) сопровождалось трапезой любви («агапой»). Никто не приходил на неё с пустыми руками. Имущие члены

общины приносили больше, бедняки – малые крохи, однако всё собранное разделялось во время общего застолья поровну.

На собрание приносились не только продукты, но и деньги, и вещи. По окончании собрания пожертвования разделялись епископами и их помощниками (дьяконами) между членами общины, смотря по нужде каждого. Была принята и практика взаимной материальной поддержки между различными общинами, так что более многочисленные и состоятельные общины поддерживали более слабые и бедные. Для этой цели проводились специальные сборы пожертвований (ср. 2 Кор 8 – 9) или же отделялась определённая доля от пожертвований, собираемых каждое воскресенье (ср. 1 Кор 16, 1-4). Из тех же средств оказывалась и материальная поддержка миссионерам, работающим на ещё не евангелизированных территориях, основывающих там новые Церкви.

Межхристианская солидарность, преодолевающая национальные и социальные границы, ощущалась тогда очень сильно. Любой христианин, где бы он ни оказался, мог рассчитывать на радушный приём и участие местной общины. Источником же братской любви и гостеприимства было общее Евхаристическое собрание.

С трапезой Господней было связано чтение слова Божия (Деян 20, 7). По мере того, как были написаны книги Нового Завета, оно постепенно приобрело упорядоченный характер. После чтения Ветхого Завета наступало чтение Евангелий. Читались также Послания апостолов, которыми разные христианские общины обменивались между собой. Затем следовало толкование прочитанного – проповедь. Ту же принципиальную структуру имеет и современное Евхаристическое богослужение – Божественная Литургия, Святая Месса.

Её первая часть называется Литургией Слова и включает в себя чтение Священного Писания и проповедь священнослужителя. Затем наступает время Евхаристической Литургии. Принесённые на алтарь хлеб и вино, над которыми произносятся слова установления – «Сие есть Тело Моё…, сие

есть Кровь Моя…» – становятся Телом и Кровью Господа, и верные вкушают их в Святом Причастии.

Обе части богослужения имеют характер священнодействия. Иисус Христос реально пребывает в Хлебе и Вине, но столь же реально Он пребывает и в Своём Слове. И Слово, и Таинство приобщают нас к святости Христа, освящают нас. И Слово, и Таинство происходят из одного источника – Пасхальной Тайны, причём, чем более глубокой и плодотворной является наша встреча со Христом в Слове, тем более глубокой и плодотворной становится наша встреча с Ним в Таинстве. Слово и Таинство взаимно поддерживают друг друга: Слово углубляет переживание Таинства, а Таинство даёт Слову жизненную силу и подтверждение.

Всё богослужение первохристианской Церкви было одним великим благодарением Богу за Его дивные дела – Евхаристией. К участию в нём допускались лишь уверовавшие и крещённые, однако его духом была открытость для всего мира, всеобъемлющая любовь без границ. Собрание распускалось, чтобы его участники, воодушевлённые Святым Духом, могли идти в мир проповедовать Благую Весть о Распятом и Воскресшем. Вся жизнь первых христиан протекала в этом ритме молитвы и возвещения Евангелия на кровлях. При всей простоте и лаконичности внешних форм её характеризовала огромная внутренняя интенсивность и динамизм.

Христиане убеждены, что под видами Хлеба и Вина реально присутствует Пасхальный Христос как Личность, как Бог и Человек. Принять Причастие – значит принять Самого Христа, действительно соединиться с Ним, физически впустить Его в себя: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нём. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин 6, 56-57).

Тот, кто, приняв Причастие, совершает грех, фактически делает своим соучастником живущего в нём Христа! Отсюда – великая ответственность приступающих к Таинству: «Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно,

виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьёт из чаши сей. Ибо, кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (1 Кор 11, 27-29). Тот, кто принимает у себя Святого Господа, и сам должен стремиться к святости!

Однако Евхаристия никогда не была лишь средством личного освящения верующего. Она есть дело общины и предназначена для общины. В каком-то смысле, Евхаристия – это продолжение в новых условиях общинных трапез Иисуса с учениками, свойственных Его земному служению. Однако ныне эти трапезы переживаются по-другому – с учётом того Пасхального опыта, который стал достоянием Церкви.

«Сие творите в Моё воспоминание». В этих словах Иисус определил цель послепасхальных трапез Его учеников. Но что же именно мы вспоминаем, собираясь для совершения Евхаристии? Очевидно, дела Христа и, прежде всего, их славное завершение – искупи-

тельную Смерть на Кресте и Воскресение. Притом припоминание следует понимать не в психологическом (мы сами напрягаем память, чтобы что-то вспомнить), а в библейском смысле.

Речь идёт о припоминании такого события, которое имеет значение для настоящего, о припоминании, способном сделать прошлое присутствующим здесь и теперь, и стать побудительным мотивом для соответствующих поступков. Сила такого припоминания была известна ещё иудейским раввинам. Вот как один из них, Гамалиил, описывал должное празднование иудейской Пасхи: «Необходимо, чтобы в каждом поколении каждый человек ощущал себя освобождённым из Египта. Необходимо, чтобы каждый израильтянин знал, что это он освобождён из дома рабства».

Из дома рабства нас освобождает любовь Божия, открывшаяся в Пасхальном Жертвоприношении Христа. Совершая Евхаристию, церковная община включается в эту Жертву Сына Отцу, благодарит Его в Святом Духе за все благодеяния, молится Ему за своих членов и за всех людей.

Закон Моисея предписывал избранному народу жертвоприношения, в нём были описаны различные виды жертв, среди которых – жертва за грех и жертва благодарения. Деятельность Пророков Израиля способствовала одухотворению жертвоприношений, которым всегда угрожала опасность магического понимания.

Постепенно возникла практика замены кровавых жертв священной трапезой. Жертву стали понимать, как отдание себя Богу, прославление Его. Так понимаемая жертва была ответом на Божию любовь, исповеданием и свидетельством величия Божия (ср. Пс 50 (49), 7-15). Среди набожных израильтян особое значение приобрела жертва хвалы (Пс 50 (49), 14. 23; Пс 107 (106), 22; Пс 116, 17 (115, 8); Иона 2, 10; 1 Макк 4, 56), по-еврейски *тода*. Её приносили в случае спасения от смертельной опасности. Она представляла собой благодарение, которое воздавалось Богу общиной вместе со спасённым, и всегда соединялась с совместной трапезой.

Принося жертву хвалы, израильтянин приглашал к участию в ней друзей и родственников, поскольку для него это было началом новой жизни. Свидетельство о пережитом спасении (слово), само жертвоприношение и последующее пиршество составляли одно целое. Жертва рассматривалась как прославление Бога-Спасителя, а не как дар для него. С ней связывалось ожидание окончательного, мессианского Спасения, предварением которого было избавление от конкретной опасности. Элементами жертвы хвалы были не только мясо жертвенного животного, но также хлеб и вино, которым приписывалось важное значение. По мнению некоторых раввинов, с пришествием Мессии все жертвы будут упразднены, но *тода* пребудет вовеки.

Этот небольшой экскурс в ветхозаветную историю позволит нам глубже осознать то, чем является для христиан Евха-

ристия. Известная в Израиле жертва хвалы символически предвосхищает это христианское Таинство.

Евхаристия – это ничто иное, как жертва хвалы (*тода*) Воскресшего и Его Церкви. Все мы – как община – соединяемся со Христом, включаемся в Его Жертву ради Спасения мира и возносим своё благодарение Спасителю. Все мы – как община – ожидаем полного исполнения данных в Пасхальном событии обетований: Второго Пришествия Христа и водворения Его Царства. Все мы – как община – свидетельствуем о своей радости окружающему миру, приглашаем всех и каждого присоединиться к нам, разделить наше счастье и нашу трапезу.

По выражению, восходящему к Святым Отцам, «Церковь творит Евхаристию, а Евхаристия творит Церковь». Везде, где совершается Евхаристия, даётся свидетельство Христу и возвещается дело Его Спасения. Везде, где верующие вкушают Тело Христово, становится видимым и осязаемым и иное Его Тело – Его Церковь, состоящая из многих, таких разных, таких неповторимых в своей индивидуальности людей.

Церковь

«Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них», – читаем мы в Евангелии от Матфея (Мф 18, 20). «Я есмь лоза, а вы ветви», – вторит Евангелие от Иоанна (Ин 15, 5). Явившись Савлу (будущему апостолу Павлу) – тогда яростному гонителю христиан, – Воскресший Господь говорит (Деян 9, 4): «Савл, Савл! что ты гонишь *Меня?*» «Меня», а не «их», «Моих учеников» или «исповедников Моего имени».

Церковь – это, в какой-то мере, Сам Христос, продолжающий, хотя и в новых формах, Своё земное служение. Эта истина была выражена в Посланиях апостола Павла с помощью символа Тела Христова, которым описывалась реальность Церкви. Ведь тело – это как раз тот фактор, благодаря которому можно воочию познать, непосредственно ощутить чьё-либо присутствие. Глава Тела – Воскресший Христос, а

верующие – члены Его Тела, очень тесно и органично связанные с Главой и друг с другом. Это Тело имеет поистине грандиозную, космическую задачу: стать «полнотой Наполняющего всё во всём» (Еф 1, 22-23).

И всё же, между Христом и Его Церковью нельзя ставить знак тождества. В отличие от Христа – безгрешного Сына Божия – Церковь состоит из ограниченных людей и грешников. Не

только эти люди в отдельности, но и состоящая из них община всё ещё находится на пути ко Христу. На этом пути не обходится без ошибок, заблуждений, падений, даже отступлений назад.

Гарантией же того, что путь, несмотря ни на что, будет пройден до конца, является любовь Христа к Своей общине. Христос возлюбил Церковь, предал Себя за неё, Он постоянно очищает её, «чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющей пятна или порока», Он её питает и греет. Любовь Христа к общине подобна любви мужа к своей супруге или жениха – к невесте, а потому Церковь названа Невестой Христа (Еф 5, 25-32).

Заботиться о чистоте и непорочности Невесты призваны и просвещённые Духом христиане. Так поступал апостол Павел. Вот какие слова написал он общине в Коринфе, в которой было немало серьёзных проблем: «Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2 Кор 11, 2-3).

Наконец, Церковь – это народ Божий (1 Петр 2, 9-10), подобно ветхозаветному Израилю странствующий по дорогам истории, вовлечённый в культурные, политические, социальные перипетии земного пути человечества. Внешний облик Церкви меняется от эпохи к эпохе, однако, её внутренняя идентичность остаётся неизменной и определяется тем фактом, что в ней и с нею пребывает Господь. Поэтому Церковь названа в Новом Завете «святым храмом в Господе» (Еф 2, 21), «жилищем Божиим» (Еф 2, 22), «домом Божиим» (1 Тим 3, 15), «храмом Бога живого» (2 Кор 6, 16), «храмом Святого Духа» (1 Кор 3, 16-17; 6, 19).

Церковь, в которой проповедуется слово Священного Писания, совершаются богослужения и таинства, Церковь, которая излагает учение Христа и служит миру является средой нашего Спасения. Однако мы призваны не только жить в Церкви, но и созидать её. Ответственность за Церковь вверена Богом не только группе профессионалов, скажем,

священников и монашествующих, но и всем без исключения её членам.

Это мы – Тело Христово, храм живущего в нас Святого Духа, жилище Бога живого. Церковь созидается, конечно же, не человеческими талантами и организационной активностью, но Иисусом Христом. Однако Господь делает это не помимо нас, но через нас и вместе с нами. От того, насколько адекватно мы воспримем призыв Христа, насколько ревностно будем творить Его волю, насколько искренне за Ним последуем, зависит облик Церкви сегодня, а, в некотором смысле и то, какой будет Церковь завтра.

Часто верующий человек – это то единственное живое Евангелие, которое прочитают неверующие люди, с которыми он общается, тот единственный представитель Церкви, глядя на которого у них будет складываться впечатление о

Церкви в целом, тот единственный «второй Христос», по которому будут судить о Самом Христе. А потому каждый из нас, считающих себя верующими, – это свидетель Христа и строитель Церкви по своему призванию.

Все мы очень разные. Мы различаемся по возрасту, материальному положению, образованию и воспитанию. Каждый из нас – неповторимая личность, уникальное «я». У каждого из нас – свой путь к Богу. Каждый из нас призван стать членом Церкви. И каждый из нас имеет своё призвание *в Церкви*.

Церковь – не абстрактное понятие. У неё – конкретное лицо, лицо Девы Марии, святого Иосифа, апостолов Петра и Иоанна, Марии Магдалины… Так каково же оно, *твоё* призвание? Кем ты видишь себя в Церкви? Беззаветно верной Богу Марией, скромным тружеником Иосифом, непоколебимым «камнем веры» Петром, проникающим в богословские тайны Иоанном, спешащей на помощь израненным членам Тела Христова Магдалиной? Или у тебя своё собственное, неповторимое призвание? Призвание, в котором черты перечисленных выше сходятся, составляя особую, уникальную комбинацию?

Раздел II

Почувствуйте себя пророком

Он Сам помазывает вас миром спасения, дабы, причисленные к народу Божию, вы пребывали в единстве со Христом – Первосвященником, Пророком и Царём…

Чин таинства Крещения

Несколько лет назад, принимая таинство Крещения, я услышал слова священника, составляющие часть обряда. Из них следовало, что я отныне причислен к народу Божию – Церкви, и разделяю с Иисусом Христом Его служение Священника, Царя и Пророка. Позднее, читая Катехизис, я узнал, что пророческое служение доверено Церкви, и каждый из её членов призван принять в нём участие, хотя формы такого участия могут быть разными.

Знакомясь с Библейской историей, я с особым интересом обращался к личностям пророков, особенно таких знаменитых, как Илия, Исаия, Иеремия или Иоанн Креститель. Что касается последнего, то для меня он очень тесно связан именно с Илией, в духе и силе которого он, согласно Евангелиям, пришёл.

Какие замечательные это были личности! Их смелость и сила духа просто поражали моё воображение. У меня появилось два больших желания, прямо связанных со служением пророков. Я мечтал увидеть своими глазами хотя бы одного пророка, подобного тем, чей путь был описан в Библии. А другое желание звучало примерно так: «Вот если бы и меня Бог приобщил к подобному служению!» Затем, когда мой восторг, связанный с обращением ко Христу и Крещением, несколько улёгся, мои рассуждения стали куда более трезвыми.

Взять хотя бы моё первое желание: увидеть настоящего пророка. Когда мы очень сильно хотим чего-то, наш взгляд как будто затуманивается, и мы теряем способность к объективному

восприятию себя и окружающей действительности. Откуда проистекала моя уверенность, что как только в моём окружении появится настоящий пророк, то я непременно сразу его узнаю?

Разве я, как и все люди, не склонен искать пророков по своему сердцу? Если кто-то скажет мне правду для меня неприятную, я вряд ли буду очень рад такому событию. Даже если я вынужден буду признать, что мне сказали истину, то, скорее всего, тут же решу, что я и раньше знал это, что сказанное было выражено не в очень-то деликатной форме, и что в мою личную жизнь лезть кому ни попадя, вообще говоря, нечего.

Да, многие люди, и я в том числе, не обладают достаточной чуткостью и тактичностью, говоря правду в лицо. Между тем, правда остаётся правдой, а библейские пророки не жалели резких слов. Наверное, их современники имели все основания упрекнуть их в нетактичности. А был ли тактичен Сам Пророк Иисус, сказавший фарисеям: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры…» (Мф 23, 33). Хороша чуткость, нечего сказать…

Согласившись с тем, что и в наше время пророка, пожалуй, не узнали бы и не приняли на ура, я стал всё чаще задумываться над вопросом: «А что вообще значит быть пророком? Что самое главное в его служении?» Постепенно пришло понимание, что многое из того, что раньше поражало меня, на самом деле является второстепенным, несущественным.

Взять, например, чудеса, которые творили ветхозаветные пророки. Да, эти чудеса производили немалое впечатление на современников, но они не были самоцелью, а совершались за тем, чтобы Слово Божие, возвещённое пророком, было засвидетельствовано силой Господней. Иоанн Креститель, которого Иисус назвал величайшим из пророков, вовсе не сотворил никакого чуда (ср. Ин 10, 41), но от этого его величие вовсе не умаляется.

Да, пророки прозревали будущее, открытое им Богом, их пророчества, в конечном счёте, исполнялись. Но разве их можно поставить на одну доску с предсказаниями современных прорицателей, чьи имена появляются на страницах жёлтой прессы? Разве угадывание будущего было их подлинной целью?

Что же тогда делали пророки? Они свидетельствовали о Боге, Которого знали, а поскольку Дух Божий недаром называется Духом Истины, то и призванием пророков было говорить правду о грехе, о суде, о покаянии и милосердии Господа.

Постепенно я понял, что исполнять подобную миссию весьма нелегко. Если в начале своего христианского пути я наивно желал быть пророком, то впоследствии осознал, что быть пророком – дело очень неблагодарное.

Спустя продолжительное время после моего обращения, я вдруг ощутил, что, сам того не подозревая, нахожусь в одной лодке с пророками. Следовательно, моё желание быть пророком не было таким уж глупым и наивным.

Первый опыт моего свидетельства имел место в кругу моих близких. Я начал делиться происшедшим в моей жизни со

своими домашними и друзьями. Честно сказать, моё свидетельство особого восторга не вызвало. Многие стали считать меня странным, обо мне стали говорить: «Он ударился в религию».

До меня далеко не сразу дошло, что пророков тоже считали странными из-за их образа жизни, пусть и отличного от моего. Я не стал аскетом, как Иоанн Креститель, не готовил пищу на помёте как Иезекииль, и не ходил нагим как Исаия, но моё христианство накладывало на меня определённые обязательства, которые воспринимались окружающими как странные. Взять хотя бы обязанности поститься по пятницам, непременно ходить в церковь по воскресеньям, воздерживаться от вольностей в общении с лицами другого пола.

Моё свидетельство мгновенно упиралось в тотальное непонимание и неприятие моей веры: «Ты что, действительно веришь, что этот Иисус – Бог? Ты веришь в жизнь после смерти? В Воскресение? Ну, ты даёшь!» Не так ли воспринимали свидетельство ветхозаветных пророков их скептически настроенные современники: «Ты что, действительно веришь, что Иерусалим будет разрушен? Что наступит конец старого мира, и Бог дарует людям новое небо и новую землю?»

А как свидетельствовать о необходимости личного покаяния? Этот вопрос является для меня одним из самых сложных. Обычно я сталкиваюсь со следующей реакцией: «Ну, я, конечно, не святой, но зла никому не делаю, не убиваю, не краду… Я что, хуже других? Так в чём же мне каяться? Все так живут, и ничего…»

Большинство моих знакомых соблюдают гражданские законы, придерживаются определённых норм человеческого общежития. У них, разумеется, есть и личная жизнь, которая, как правило, никак не связана с Богом. Но разве библейские пророки жили в ином обществе? Их современники тоже были не хуже других, и у них была личная жизнь, в которую не стоило вмешиваться.

Вот, например, Ирод женился на жене своего брата Иродиаде. И чего это Иоанну Крестителю понадобилось обличать его на каждом углу? Не личное ли это дело тетрарха Галилеи? А мне

бы понравилось, если бы кто-то с той же бесцеремонностью вмешался в мою семейную жизнь? Иродиада бросила мужа ради Ирода, а тот – свою первую жену. Ну и что? А может у них – великая любовь?

Иисус простил взятую в прелюбодеянии женщину, не гнушался говорить с самарянкой, у которой было пять мужей в прошлом и любовник в настоящем, ел с мытарями и грешниками, чья жизнь тоже была далека от идеала праведности… Почему же Иоанн Креститель не смог смириться с грехом Ирода, почему он пошёл за свои обличения в темницу, а позднее был обезглавлен? Разве он не знал, чем может обернуться его принципиальность? Нужно ли было с таким рвением бороться за правду, если это связано с такими тяжёлыми последствиями? Не лучше ли просто промолчать?

Дело в том, что и я не раз оказывался в подобных ситуациях. Здесь-то и начинается самое сложное в моём пророческом служении: решить, что именно, кому и как я должен сказать, а также, чего таким образом хочу добиться? Я замечаю множество подводных камней, и мне очень нелегко во всём разобраться.

Что же самое важное в христианском свидетельстве? Свидетельство о милосердном Боге – это безусловная истина, но и свидетельство о греховности человека, о необходимости личного покаяния – тоже. Мне гораздо легче говорить о том, как Бог нас любит, чем о требовании перестроить свою жизнь, привести её в соответствии с заповедями Того же Бога.

У меня перед глазами встаёт пережитый мною самим опыт. И на моём пути встречались «пророки», жёстко упрекавшиеся меня в моих собственных, действительных или мнимых грехах. В ответ я не испытывал ничего, кроме раздражения и острой неприязни. Я избегал и подобных разговоров, и подобных людей. Что-что, а осуждать других я и сам хорошо умею… Может быть, тыкать пальцем в чужой грех – это совсем не то свидетельство об истине, которое поручено нам Иисусом?

Вот и сатана охотно тычет нас носом в наши недостатки и слабости, стремясь погрузить в уныние, посеять сомнения в

милосердии Господа, в Его способности сделать нас святыми. Я часто вспоминаю слова из Книги Притчей Соломона: «Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых – врачует» (Притч 12, 8). Вот только где набраться мудрости, способной врачевать, а не наносить раны?

В какой-то момент я понял, что обличение чужих проступков вовсе не было самоцелью для пророков. Они не собирались никого унижать или тыкать носом. Тем не менее, их крестом было говорить близким людям правду, которую не решались сказать другие.

Можно вспомнить, как Бог поставил Иезекииля в зависимость от его свидетельства. Если бы пророк перестал обличать современников, призывать их к обращению, то он сам стал бы виновником их гибели:

«Сын человеческий! Я поставил тебя стражем дому Израилеву, ты будешь слушать слово из уст Моих, и будешь вразумлять их от Меня. Когда Я скажу беззаконнику: “смертью

умрёшь!”, а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрёт в беззаконии своём, и Я взыщу кровь его от рук твоих. Но если ты вразумлял беззаконника, а он не обратился от беззакония своего и от беззаконного пути своего, то он умрёт в беззаконии своём, а ты спас душу твою. И если праведник отступит от правды своей и поступит беззаконно, когда Я положу пред ним преткновение, и он умрёт, то, если ты не вразумлял его, он умрёт за грех свой, и не припомнятся ему праведные дела его, какие делал он; и Я взыщу кровь его от рук твоих. Если же ты будешь вразумлять праведника, чтобы праведник не согрешил, и он не согрешит, то и он жив будет, потому что был вразумлён, и ты спас душу твою» (Иез 3, 17-21).

Иезекииль просто не мог перестать проповедовать покаяние и обращение. Не было никакого желания говорить ближним неприятную для них правду и у пророка Иеремии, однако он всё же продолжал делать это. «Ты влёк меня, Господи, – и я увлечён; Ты сильнее меня – и превозмог, и я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мною. Ибо лишь только начну говорить я, – кричу о насилии, вопию о разорении, потому что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние. И подумал я: “не буду я напоминать о Нём и не буду более говорить во имя Его”; но было в сердце моём, как бы горящий огонь, заключённый в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог. Ибо я слышал толки многих: угрозы вокруг; “заявите, говорили они, и мы сделаем донос”. Все, жившие со мною в мире, сторожат за мною, не споткнусь ли я: “может быть, говорят, он попадётся, и мы одолеем его и отмстим ему”» (Иер 20, 7-10). Нечто подобное переживали и другие пророки.

Наверняка, и Иоанн Креститель ощущал непреодолимое внутреннее принуждение увещевать Ирода. Если вдуматься, то этот правитель не был столь уж безнадёжен. Да, он не пожелал расстаться с Иродиадой, но и к Иоанну относился с немалым уважением: какое-то время противился желанию

супруги уничтожить пророка, подолгу беседовал с ним, следовал некоторым его советам (ср. Мк 6, 19-20).

Креститель понимал, что этот человек вовсе не чужд Богу, способен воспринимать Его Слово, может, в конце концов, примириться с Господом. Разве ради этой цели не стоит почаще общаться с ним, подолгу беседовать, затрагивая притом и неприятные темы? Может быть, Иродиада с такой настойчивостью добивалась казни пророка как раз потому, что боялась потерять мужа? Потому, что чувствовала, что он недалёк об обращения?

Я очень не люблю абстрактного морализаторства, и не считаю себя вправе обличать своих ближних. Тем не менее, в некоторых случаях я ощущаю обязанность сказать человек правду, даже если мои отношения с ним могут от этого пострадать. Вот только один пример.

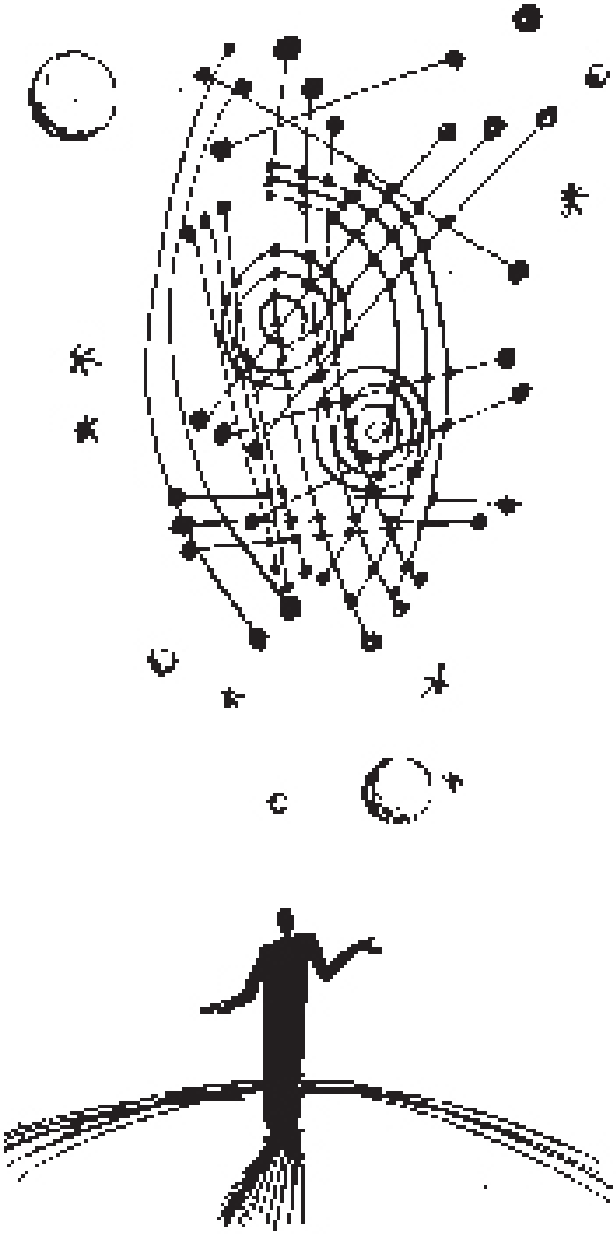
У меня есть крестник из довольно сложной семьи. Все дети в этой семье – инвалиды детства. Но теперь они уже взрослые, и вполне могут зарабатывать себе на жизнь. Однако ведут они себя по-разному. Вот и мой крестник упрямо не хочет замечать, что обстоятельства изменились, что он – уже взрослый человек, который может и должен работать. У него большие запросы, явно превосходящие размеры его пенсии по инвалидности.

Ему хочется жить не хуже своих зарабатывающих сверстников. Это желание нельзя осуждать. Однако путь, который он избрал для достижения своей цели, едва ли может вызвать уважение и одобрение. Он предпочитает брать взаймы деньги и не отдавать долга, скитаться по домам знакомых, рассказывая им специально выдуманные жалобные истории.

Делать подобные вещи становится час от часу труднее. Товарищи, прежде проявлявшие к нему сочувствие, помогавшие ему материально, убедившись, что он или вовсе не ищет работу, или бросает её вскоре после трудоустройства без всяких веских причин, относятся к нему всё хуже и хуже. В этой ситуации я ощущаю свою обязанность высказывать ему всё без обиняков. Ведь он – верующий человек, наделённый многими хорошими качествами, и его совесть пока ещё не умерла. Однако я могу засвидетельствовать – делать это мне, ох как нелегко.

Родителям бывает трудно говорить со своими детьми, а детям – с родителями. Трудно говорить с друзьями об их промахах, а уж тем более – указывать на ошибки тем, от кого мы зависим. И всё-таки, бывают случаи, когда промолчать никак не удаётся. В эти минуты остаётся только молить Бога о мудрости и поддержке. Без помощи свыше у нас ничего не получится.

Многие из нас на собственном опыте знают, как трудно бывает объяснить пьющему человеку, что алкоголизм – это болезнь, от которой нужно лечиться. Душеспасительные разговоры сплошь да рядом заканчиваются ничем. Между тем, любой грех – та же болезнь, хроническая и застарелая, настолько глубоко въевшаяся в нашу жизнь, в наше мироощущение, что мы порой не замеча-



ем её. Тут не обойтись без помощи со стороны, без чьего-то свидетельства о смертельном характере этой болезни. Только так мы сможем исцелиться и войти в Жизнь.

Я честно признаюсь, что не испытываю благодарности к тем, кто говорит мне о моём несовершенстве. Я и сам бываю малодушен, избегаю говорить нелицеприятные вещи, даже там, где ощущаю обязанность их сказать. Как же я веду себя в подобном случае? Как протекает моя внутренняя борьба? Сейчас я попытаюсь это описать.

Я принимаюсь тянуть время и начинаю свой диалог с Богом.

Господь:

– Почему бы тебе, наконец, не сказать ему об этом?

Я:

– Ну, я не хочу торопиться со скоропалительными выводами, боюсь ошибиться. Может быть, мне только кажется, что всё обстоит именно так.

Господь:

– Не юли. Всё совершенно очевидно.

Я:

– Пусть так. Но ведь этот человек, наверняка, сам всё знает. Чего же мне лезть в его жизнь?

Господь:

– А ты подумай, вдруг он не знает? Кто-то же должен открыть ему глаза!

Я:

– Может, и так.

Господь:

– Так в чём же дело?

Я:

– Но я-то тут причём? Я помолюсь Тебе об этом человеке, а Ты, Святым Духом, сообщишь ему обо всём. Сам.

Господь:

– Я уже очень долго пытаюсь достучаться до этого человека, но он пока не слышит Меня. Чтобы он услышал, Мне нужен живой свидетель.

Я:

– Так пусть это будет кто-то другой. Сколько вокруг христиан! Многие из них лучше меня во всех отношениях. Твои священники, например. Почему же Ты хочешь, чтобы говорил именно я?

Господь:

– Потому что Я хочу, чтобы это сделал ты. Ты и сам это знаешь.

Я:

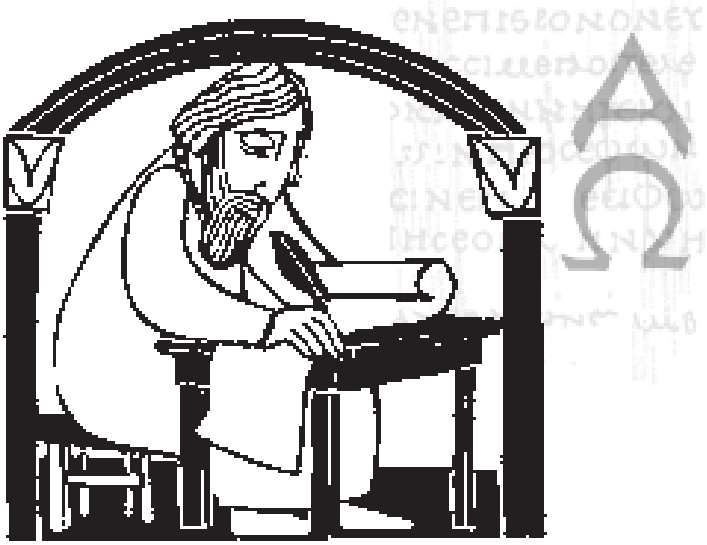
– Но мои отношения с этим человеком могут испортиться. Мы поссоримся. Вопрос-то щекотливый… И потом, я не верю, что после моих слов что-то изменится.

Господь:

– Я и не прошу тебя изменить этого человека и его ситуацию. Просто выскажи вслух то, о чём ты сейчас говоришь со Мной. Тогда твоя совесть будет спокойна.

Я медлю, заранее мучительно переживая неприятные моменты предстоящей беседы. Потом представляю себе грустное, разочарованное лицо Господа, вздыхаю и говорю:

– Ну хорошо. Я попробую… Но только ради Тебя… И, пожалуйста, помоги мне.



Экскурс

От Савла – к Павлу

(Экскурс о жизни и служении апостола Павла)

«Сын фарисея…» (Деян 2, 36)

Кто же он – Савл из Тарса, прозванный Павлом? Кем он был для своих современников и каково значение его личности и деятельности для последующих поколений христиан? Еврей, рождённый и воспитанный в диаспоре, но в то же время – потомственный фарисей, пламенный ревнитель Закона, жестокий истязатель и преследователь христиан, апостол язычников, призванный Христом для служения на этом поприще, вдохновенный мистик, крупный богослов…

Апостол Павел – одна из ключевых фигур раннего христианства, величайший свидетель веры и благовестник Распятого Господа[1], обративший тысячи людей ко Христу. Он – автор Посланий, самых ранних известных нам документов христианства, благодаря которым мы получаем важную информацию о жизни древней Церкви, её становлении, внутреннем устройстве[2]… Всё это – Савл, именовавшийся впоследствии Павлом. Его путь – это путь от мрака к свету, от нетерпимости к любви, от рабства Закону к свободе во Христе…

---

[1] 1Кор 1, 23.

[2] Традиционно апостолу Павлу приписывают авторство 14 из 21 новозаветных Посланий. Однако ныне практически все ученые-библеисты согласны с тем, что Послание к Евреям было написано другим автором, хотя и близким Павлу по взглядам и, вероятно, принадлежавшим к одной из основанных им общин. Непосредственно перу Павла принадлежат 7 из оставшихся 13-ти Посланий: Послание к Римлянам, 1 и 2 Послания к Коринфянам, Послание к Галатам, Послание к Филиппийцам, Первое Послание к Фессалоникийцам, Послание к Филимону. Прочие Послания могли быть написаны при участии учеников Павла, или же серьёзно отредактированы уже после смерти этого апостола в кружке его последователей.

Книга Деяний, из которой мы также можем почерпнуть ряд важных сведений об апостоле Павле, несомненно, была написана одним из его учеников, человеком, принадлежавшим к общине, основанной Павлом. По преданию этим человеком был Лука, врач и художник, написавший также одно из Евангелий.

Сведения о происхождении и детстве апостола Павла достаточно скудны. И всё же, скромные упоминания об этом на страницах новозаветных книг могут несколько прояснить ту атмосферу, в которой вырос еврейский мальчик по имени Савл.

Нам неизвестны точные дата и место рождения Савла, но ныне принято считать, что он родился между 6 и 10 годами I в. н.э. Сам апостол представлял себя так: «Я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города»[1]. Чем же был этот небезызвестный город в те далёкие времена?

Тарс I века был городом весьма прославленным[2]. Он располагался в узловом пункте торгового пути с востока на запад, и являлся центром торговли для трёх континентов: Европы, Азии и Северной Африки. Однако не только бурная торговая деятельность являлась характерной чертой этого города.

Тарс был основан хеттами около 1400 г. до н.э. и с тех пор неоднократно переходил от одних завоевателей к другим (ассирийцы, вавилоняне, персы, македоняне, Селевкиды, армяне, римляне). В 64 г. до н.э. он стал столицей римской провинции Киликия. Население его было достаточно разнородным. Здесь жили киликийцы, хетты, греки, ассирийцы, персы, македоняне, евреи. Здесь сходились древние цивилизации Ближнего Востока и Греции, с их культурой, религией и философией. В числе прочего, Тарс был известен своей академией, где преподавались все известные тогда дисциплины.

Во времена Римской империи евреи имели право на свою, хоть и ограниченную, автономию. Императорская власть считалась с их традициями, с их религиозными убеждениями. Так, например, во избежание нарушения субботнего покоя евреи были освобождены от службы в армии. Им разрешалось отправлять культ в Иерусалимском храме (правда, при условии принесения специальной жертвы за императора), собирать налоги на Храм по всей диаспоре. Практически в каждом крупном городе

---

[1] Деян 21, 39.

[2] Этот город располагается на юге Малой Азии, на территории современной Турции.

Римской империи были места религиозных собраний иудеев – синагоги. Синагога (по-видимому, даже не одна) и религиозная еврейская школа существовали и в Тарсе.

Павел был не только гражданином Тарса, он имел и римское гражданство[1]. Обладание гражданством города Рима давало немалые привилегии. Среди них: неприкосновенность личности и имущества; право на открытый судебный процесс в случае обвинения в каком-либо преступлении; запрет на применение пыток, бичевания, распятия…

Кроме того, римский гражданин всегда мог апеллировать к суду императора и отправиться для этого в Рим, особенно если ему угрожал смертный приговор. Первоначально гражданство принадлежало только урождённым римлянам, но, по мере расширения империи, его можно было получить за особые заслуги перед государством. В некоторых случаях его удавалось просто купить за большие деньги.

Нам неизвестно, каким образом семья Савла получила римское гражданство. Очевидно, это произошло ещё до появления будущего апостола на свет, ибо сам он утверждал, что был рождён римским гражданином[2]. Вероятнее всего, семья Савла на протяжении нескольких поколений проживала в Тарсе, а гражданства удостоилась благодаря поставкам шатров и палаток для римских легионов.

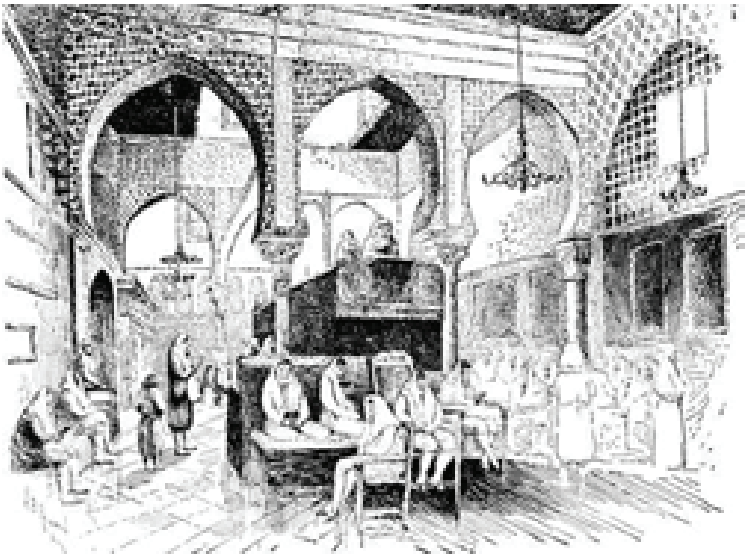
Производством шатров и палаток, которыми пользовались караванщики, кочевники и войска по всей Сирии и Малой Азии, занимался отец Савла. Тем же ремеслом зарабатывал себе на жизнь и сам Павел во время своих миссионерских путешествий. Это и неудивительно, ибо в те времена сын, как правило, наследовал профессию отца.

Семья Савла, как и многие другие еврейские семьи, находилась в близком контакте с окружающей языческой цивилизацией. Но сам Павел впоследствии подчёркивал, что он не эллинист[1], усвоивший чужую культуру, а «Еврей от Евреев,

---

[1] Ср. Деян 16, 37-38; 22, 25-29; 25, 11-12.

[2] Деян 22, 28.



по учению фарисей… по правде законной – непорочный»[2]. Иными словами, род Савла, проживая в диаспоре, сохранил знание родного языка и религиозные устои своих предков.

Юный Савл был воспитан в духе строгой фарисейской традиции. Вероятно, он готовился стать учителем Закона или раввином[3]. Это значит, что с раннего детства он со всей тщательностью соблюдал всевозможные культовые предписания. В школе при синагоге изучались древнееврейские тексты Священного Писания, заучивались слова Завета.

Каждый ученик понемногу переписывал для себя закон Моисея. Таким образом, у него появлялся собственный свиток Торы. К тринадцати годам Савл уже постиг еврейскую историю, поэзию Псалмов и Книги Пророков. С пятнадцати

---

[1] Эллинистами тогда назывались евреи диаспоры, чьим родным языком был греческий (ср. Деян 6, 1 и 9, 29). Священное Писание иудаизма они читали в греческом переводе. Существовало несколько таких переводов, сделанных в еврейской диаспоре, самым распространённым из которых была Сепруагинта (перевод Семидесяти). В отличие от эллинистов, палестинские иудеи говорили на арамейском языке, а Писание читали в древнееврейском подлиннике.

[2] Флп 3, 5-6.

[3] Деян 22, 3.

лет наступало время приобщения к устному преданию законоучителей (устной Торе). Увенчанием же ученичества должна была стать женитьба в возрасте восемнадцати лет[1].

Вполне возможно, что в пятнадцатилетнем возрасте Савл был отправлен отцом в Иерусалим, чтобы продолжить обучение у именитого патриарха фарисеев Гамалиила[2]. Между тем, будущего апостола народов отличала не только иудейская учёность. Он свободно выражал свои мысли на греческом, еврейском и арамейском языках.

Как явствует из его Посланий, ему не был чужд язык философии, юриспруденции и медицины. Иначе говоря, по меркам того времени, Савл был очень образованным человеком. Сам он подчёркивал свою ревность в изучении Божественных наук: «И преуспевал в Иудействе более многих сверстников… будучи неумеренным ревнителем отеческих преданий»[3]. С юных лет он был очень религиозным человеком, выделялся пламенной приверженностью вере. Однако ту же приверженность он впоследствии посчитает фанатизмом.

---

[1] Нам неизвестно, был ли апостол Павел женат. Ни в Деяниях апостолов, ни в Посланиях об этом нет прямых упоминаний. Однако, учитывая, что каждый фарисей – во исполнение заповеди «плодитесь и размножайтесь» – просто обязан был жениться, трудно допустить, будто Савл мог избежать вступления в брак. Тем не менее, в Первом Послании к Коринфянам апостол Павел пишет следующее: «Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет своё дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор 7, 7-9). Отсюда можно сделать вывод, что апостол относил себя к числу безбрачных. Не исключено, что он овдовел вскоре после женитьбы или расстался с супругой по каким-то причинам. Употреблённое им греческое слово *агамос* («безбрачный», «не имеющий жены») применялось в равной степени и к тем, кто никогда не вступал в брак, и к вдовцам, и к тем, кто жил отдельно от жены.

[2] Гамалиил – прославленный своей учёностью, мудростью и честностью уважаемый фарисей, законоучитель (раввин), член Иерусалимского синедриона († ок. 50 г. н.э.). Он руководил школой в Иерусалиме в 25–50 гг. н.э. Дабы отличить его от его внука Гамалиила II, также знаменитого раввина (90-110 гг. н.э.), его называют Гамалиилом I или Гамалиилом Старшим (Деян 5, 34; 22, 3).

[3] Гал 1, 14.

Известно, что Павел не встречался с Иисусом во время Его земного служения. Из этого можно заключить, что, по завершении обучения у Гамалиила, он на некоторое время вернулся в родной город. В Иерусалиме же вновь появился уже после Пасхальных событий:

«Я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея» (Деян 26, 9)

Позднее Павел сам назовёт себя неумеренным ревнителем, гонителем всего, что могло бы нарушить вековые устои иудаизма. Его главными противниками стали те, кто исповедывал Иисуса из Назарета Христом и Спасителем. Савл знал, что этот человек был казнён по приговору законной иудейской власти. Больше того, он был повешен на древе, т.е. считался проклятым с точки зрения Закона[1]. Как же он мог быть Мессией? Мессия должен прийти во славе Господней, вершить суд и правду, в данном же случае Сам Бог вынес ему Свой приговор. Нет, Иисус из Назарета решительно не был Помазанником Божьим.

Тем не менее, число Его последователей умножалось день ото дня, несмотря на то, что с момента Его казни уже минуло несколько лет. Ученики Распятого свидетельствовали о Нём с небывалой силой, как они сами уверяли, под воздействием Духа Святого. Это странное явление не могло ускользнуть от внимания религиозных вождей израильского народа. Они расценивали происходящее, как массовое обольщение, как дьявольскую атаку на основы религии Единого Бога.

Неудивительно, что преследование верующих в Иисуса Христа постепенно стало приобретать всё большие масштабы, причём в числе наиболее активных гонителей оказался молодой фарисей (видимо, судебный чиновник на службе у Синедриона) Савл из Тарса.

Первое знакомство с Савлом, описанное в Книге Деяний, тесным образом связано с началом жестокого гонения на христианскую общину в Иерусалиме. Савл участвует в убийстве одного из благовествовавших в Иерусалиме

---

[1] Втор 21, 23.

диаконов по имени Стефан[1]. На самом деле это была стихийная расправа ревнителей Закона над «богохульником», поскольку иудеи не могли предавать кого-либо смертной казни без разрешения римских властей[2].

Автор Книги Деяний выводит на сцену будущего апостола как свидетеля и участника расправы над Стефаном. Позднее и сам Павел не раз засвидетельствует, кем он был до того, как Христос призвал его к служению[3]. Он будет защищать и проповедовать Того, против Кого выступал. Его неоднократно подвергнут бичеванию за веру во Христа и проповедь Его имени, он будет побит камнями, а, в конце жизненного пути, казнён через отсечение головы. Он ни на секунду не отступит от Своего Господа, будет безусловно верен своему призванию. Однако всему этому ещё только предстоит случиться…

После гибели Стефана иудейская верхушка прибегла к куда более изощрённым методам искоренения «секты» из среды

[1] Деян 6, 8–8, 3.

[2] Ин 18, 31.

[3] Гал 1, 13.

Богоизбранного народа. Во главе всего предприятия стоял судебный пристав Савл. Он «терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу»[1], будучи уверен, что поступает в совершенном согласии с Законом, что опасную ересь только так и можно остановить.

Арестованных ожидал допрос в присутствии всего собрания в синагоге. В случае отказа отречься от своей веры, человека ждало бичевание. Смертная казнь, как нам известно, была запрещена. Но и после экзекуции выживал далеко не каждый. Время от времени происходили «народные расправы», как в случае со Стефаном. В иных обстоятельствах Синедрион добивался от властей ареста лидеров «секты» и вынесения им смертного приговора[2].

Однако вера христиан так и не была сломлена. Те, кто бежал из Иерусалима, не скрывали своих убеждений, и продолжали проповедовать в Самарии, в Финикии, на юге Палестины. Они продвигались всё дальше и на Север[3]. Савл преследовал христиан всюду, где только мог, принуждая их отречься от Христа, хулить Его имя. Он требовал самых суровых наказаний для упорствующих[4].

В своей нетерпимости он намного превзошёл собственных начальников из Синедриона. Узнав, что христианская община образовалась и в древнем городе Дамаске, «Савл… дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришёл к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдёт последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим»[5]. Он не собирался останавливаться, менять свои намерения и образ действий. Савл, по его собственному убеждению, исполнял свой религиозный долг, делал угодное Богу, творил Его волю. Вот тут-то в дело вмешался Сам Господь.

---

[1] Деян 8, 3.

[2] Деян 12, 1-5.

[3] Деян 8, 4-8, 26, 40.

[4] Деян 26, 9-11; 22, 4.

[5] Деян 9, 1-2.

«Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян 9, 4)

Итак, Савл направляется в Дамаск, чтобы наладить там работу по искоренению «назорейской ереси». Однако по дороге случилось нечто, до основания перевернувшее всё его мировоззрение; нечто, направившее его жизнь совсем в иное русло; нечто, прямо повлиявшее на будущую историю человечества[1].

Тот день начался как обычно. Однако около полудня спутников внезапно «осиял великий свет с неба», «превосходящий даже сияние солнца» в это время суток. Свет заблистал, охватив всё вокруг, а Савл, как и те, кто был с ним, пал на землю.

Голос, услышанный только Савлом и обращённый именно к нему, вопросил: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» «Кто Ты, Господи?» – последовал его ответ. Этот почти нелепый вопрос явно указывает на растерянность убеждённого, твёрдого в своей жизненной позиции человека. Кого же может гнать праведный фарисей и, тем более, гнать несправедливо? Савл уже постиг суть происходящего. Ошибиться было практически невозможно: «Я Иисус, Которого ты гонишь».

Савл почувствовал себя словно бы в другом измерении, всё происшедшее явилось ему в ином свете. Сознание собственной греховности перед Богом, неправоты, бессилия предстали пред его взором со всей очевидностью, ярко, отчётливо: «Господи! что мне делать?» Что же делать человеку со всем тем грузом злодеяний, которые он почитал за праведность? Как можно это исправить? Да и примет ли Господь такого изверга? Что же дальше?… Но «Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать».

Ослепшего от сияния Божественного света Савла до Дамаска довели его спутники. Там он, остановившись в гостинице, провёл время до своего крещения в посте и молитве: «Три дня он не видел, и не ел, и не пил». Что же происходило с ним тогда? Нам не дано проникнуть в эту тайну. Вероятнее всего, тоска, смятение, презрение к себе самому не давали ему

---

1 Деян 9, 3-9; 22, 6-12; 26, 12-18.

покоя, но ощущение прощения и любви Бога были сильнее. Савл ясно осознал: Иисус, Которого он гнал, есть Христос и Спаситель мира. Он не пришёл к такому выводу путём размышлений – для этого у него и раньше были возможности. Истина открылась ему в личной встрече с Распятым и Воскресшим, путём внезапного озарения.

Савл был поражён и сражён любовью Христа и Его милосердием. Господь не мстил ему, не грозил, а предлагал прощение и помощь, как и всякому падшему человеку. Иисус предлагал ему обрести почву под ногами, шагать уверенно: «Встань и стань на ноги твои». Иисус предложил ему участвовать в Его Собственном деле, деле Спасения: «Возвещать имя Моё перед народами и царями и сынами Израилевыми». И Савл всем сердцем откликнулся на этот зов. Почувствовав себя любимым и прощённым, он возвестит любовь и прощение Господа всем окружающим, везде, куда сможет, куда успеет прийти…

До того Савл верно следовал путём фарисейской праведности. Теперь ради Христа он оставит всё, что прежде ка-

залось ему важным и ценным. Всё то, что он прежде считал священным, всё, к чему он стремился, рассыпалось в прах при встрече со Христом. Савл заново родился, родился для новой жизни. Отныне он посвятит себя делу Христа, возвестит истину языческим народам, чтобы «открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу». Он примет все тяготы миссионерского служения, а, в конце концов, и мученическую кончину.

«Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мёртвых» (Гал 1, 1)

Приблизительно в возрасте 35 лет Павел становится проповедником Иисуса Христа и Его Евангелия. Первоначально его деятельность разворачивалась в царстве набатеев на севере Аравийского полуострова и в Киликии[1]. Перед тем он провёл несколько лет в уединении, углубляясь в тайну происшедшего с ним по дороге в Дамаск.

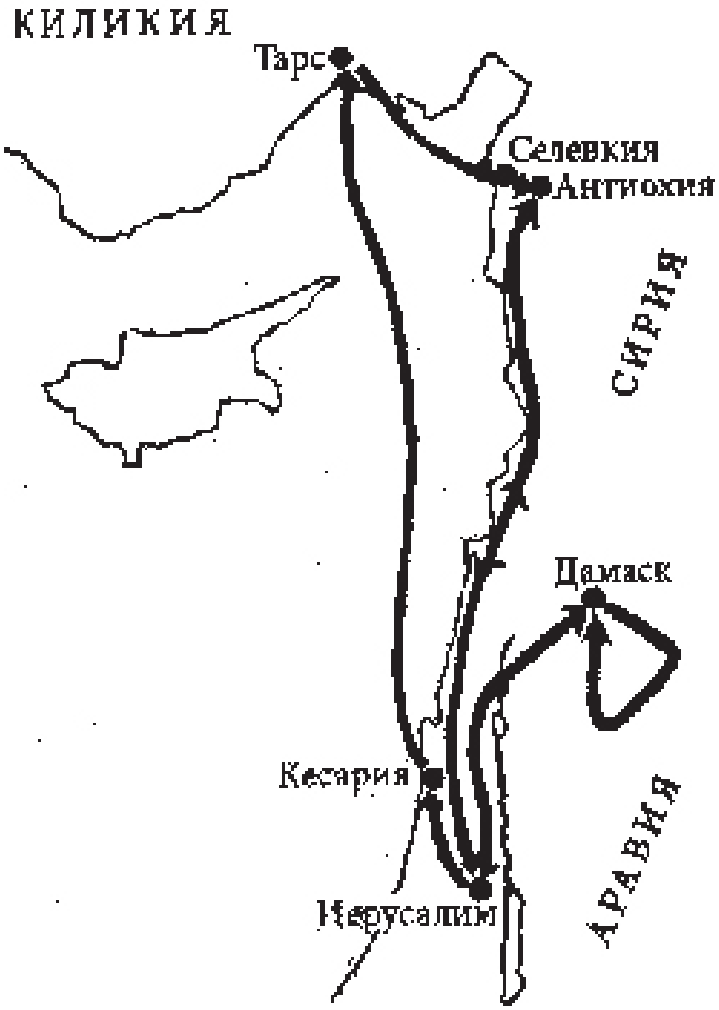
Наставляемый Святым Духом, он переосмыслил Священное Писание и окончательно убедился в том, что обетованный Мессия уже пришёл в мир. Своё призвание – благовествовать язычникам – Павел сознавал ясно, и не считал нужным идти в Иерусалим, к двенадцати апостолам, для подтверждения своих полномочий. Тем не менее, спустя три года после своего обращения он появился в Иерусалиме, где виделся с апостолом Петром[2] и пытался проповедовать Иисуса. Однако члены христианской общины относились к нему настороженно, а бывшие единомышленники-иудеи – с нескрываемой ненавистью. По этой причине Савлу вскоре пришлось покинуть город[3].

---

[1] Гал 1, 15-24; 2 Кор 11, 32; Деян 9, 19-30.

[2] Ср. Гал 1, 18.

[3] Ср. Деян 9, 26-30.



Пути, пройденный Павлом до его первого миссионерского путешествия: путь в Дамаск (Деян 9, 1-9); путешествия в Аравию (Гал 1, 17); Иерусалим (Деян 9, 26-28; Гал 1, 18-19); Тарс (Деян 9, 30; Гал 1, 21); Антиохию (Деян 11, 25-26); Иерусалим (Деян 11, 30; Гал 2, 1-10).

Никогда не ссылаясь в своих проповедях на авторитет Двенадцати, настаивая на своей независимости от них, Павел фактически поставил себя вровень с апостолами – учениками Иисуса, видевшими Его земное служение и непосредственно слушавшими Его слово. Для этого у Павла были очень серьёзные основания. Ведь Воскресший Христос явился ему лично и поручил ему евангелизацию язычников. Позднее Павел будет настаивать, что возвещаемое им Евангелие[1] принято не от людей и не измышлено им самим. «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа»[2]. Вместе с тем, он не игнорировал и ставшее ему известным предание Церкви.

«Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребён был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною»[3].

---

[1] В данном случае слово «Евангелие» означает исповедание Иисуса Христа, Распятого и Воскресшего, Господом и Спасителем. Это основополагающая истина веры была усвоена Павлом не благодаря свидетельству кого-то из людей, а вследствие пережитого им по дороге в Дамаск мистического опыта. Однако это вовсе не исключает, что какие-то сведения о Христе, главные положения Его учения, как и свидетельство о первых явлениях Воскресшего, Павел почерпнул в общении с другими исповедниками веры, с другими христианами. Одним из первых наставников Павла был, вероятно, Анания, возглавлявший христианскую общину Дамаска. Он же и крестил Павла, как об этом свидетельствует Книга Деяний (Деян 9, 10-19).

[2] Гал 1, 11-12.

[3] 1 Кор 15, 3-10.

Миссионерские путешествия апостола Павла

Первое путешествие

Заметную роль в судьбе Павла сыграл авторитетный христианский проповедник Варнава. Этот еврей из колена Левиина, обратившийся сразу после Пятидесятницы, был направлен апостолами в Антиохию (столицу провинции Сирия, третий по величине город Римской империи). Ему была поручена опека над Антиохийской общиной, в которую входили как иудеи диаспоры, так и обращённые ко Христу язычники.

Именно Варнава первым оценил дар Павла и предложил ему стать своим помощником[1]. Целый год Павел трудился в Антиохии в качестве проповедника. Затем, вместе с Варнавой, он отправился в Иерусалим, чтобы доставить материальную помощь местной христианской общине. Необходимость такой помощи была обусловлена тем, что в Палестине тогда разразился голод (ок. 47 г. н.э.)[2].

Вскоре после возвращения Варнава и Павел, по поручению Антиохийской общины, отправились в миссионерское путешествие, захватив с собой и племянника Варнавы Марка, будущего автора одного из Евангелий. Так в жизни Павла начался новый этап. Он превратился в странствующего миссионера, основателя многих христианских общин в городах Малой Азии и Греции.

Трудностей во время путешествия было предостаточно. Книга Деяний иллюстрирует характерные черты миссии, типичные обстоятельства принятия язычниками Благовестия. Так, например, в Листре[3] Павел во время проповеди обратил внимание на человека, не владевшего ногами с рождения. Павел исцелил его, видя, что тот имеет веру для этого. Тогда местные жители, приняли Варнаву и Павла за богов, сошедших на землю, «и называли Варнаву Зевсом, а

---

[1] Деян 11, 25-30.

[2] Деян 11, 20-30.

[3] Деян 14, 8-20.

Павла Ермием[1], потому что он начальствовал в слове. Жрец же идола Зевса, находившегося перед их городом, приведя к воротам волов и принеся венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение». С большим трудом Павел и Варнава убедили граждан города отказаться от этого намерения и продолжили свою проповедь.

Миссионеров ждали и куда более серьёзные проблемы. Поначалу проповедь в Листре развивалась успешно, но затем в этот город пришли иудеи. Они объяснили местной еврейской общине, что Павел и Варнава – это опасные сектанты и подговорили побить Павла камнями. Полагая, что Павел мёртв, иудеи выволокли его тело за пределы города. «Когда же ученики собрались около него, он встал и пошёл в город, а на другой день удалился с Варнавою в Дервию».

Когда же в 49 г. Павел и Варнава вернулись в Антиохию, здесь их ждали новые неурядицы. В столицу Сирии из Иеру-

---

[1] *Ермий*, т.е. *Гермес*. Согласно греческой мифологии, этот персонаж возвещал людям волю богов.

салима прибыли приверженные закону Моисея христиане (иудеохристиане), со всей остротой поднявшие проблему обрезания уверовавших язычников. Эти люди отвергали путь ко Христу вне иудаизма. Тем самым они ставили под сомнение всю деятельность Павла, всё, что он успел до сих пор совершить в среде язычников. Павлу пришлось сделать перерыв в своём миссионерском служении, чтобы уладить вновь возникший конфликт.

Консервативно настроенные христиане из иудеев, вероятно, опирались на следующие аргументы. Во-первых, все заповеди и обряды Торы имеют Божественное происхождение, а потому никто не вправе их отменять. Во-вторых, Сам Иисус во время Своей земной жизни исполнял заповеди Закона, хотя и не так, как фарисеи, а в Своей собственной, истинной интерпретации. Кроме того, Он возвещал Царство Божие исключительно иудеям и иудейским прозелитам. Отсюда делался вывод, будто полноценным христианином может быть лишь тот, кто формально присоединился к Израилю через обряд обрезания, и принял на себя обязательство исполнять все предписания Закона.

Со своей стороны, Павел и Варнава оспаривали эту точку зрения. Новый Завет, некогда обещанный Богом, а теперь ставший реальностью, должен быть иным, нежели Ветхий[1]. Принятие верой искупительной Жертвы Христа достаточно для Спасения. Внутреннее же обновление уверовавшего совершается Святым Духом. Внешним знамением такого обновления является водное Крещение. В этих обстоятельствах обрезание, как и другие ритуалы, предписанные Моисеевым законом, более не имеют значения[2].

Итак, в первохристианской Церкви столкнулись две, по существу противоположные, точки зрения. Речь шла о понимании природы отношений с Богом, Спасения, облика едва родившейся христианской общины. Заметим, что среди апостолов

---

[1] Ср. Иер 31, 31 и Лк 22, 20

[2] Рим 2, 29; Кол 2, 12.

и авторитетных руководителей Иерусалимской общины не было единства по этому важному вопросу. Возглавлявший к тому времени эту общину Иаков, «брат Господень», скорее всего, отстаивал точку зрения иудеохристиан. Апостол Пётр, в целом, принимал правоту Павла, однако бурная активность оппонентов заставляла его иногда менять позицию. Даже Варнава порой испытывал серьёзные колебания.

Для разрешения накопившихся разногласий в Иерусалиме был созван Собор с участием апостолов и пресвитеров Церкви (ок. 49–50 г.). Решающим стало выступление апостола Петра, предложившего освободить новообращённых язычников от «ига Закона, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы»[1]. Однако для христиан из иудеев предписания Закона оставались обязательными. Таким образом, речь могла идти о компромиссе между двумя наметившимися подходами. В конце концов, иудеохристиане подали Павлу руку общения, что на Востоке фактически означало заключение договора или формального соглашения. Деятельность Павла среди язычников была признана, однако ему было предписано не вмешиваться в дела иудейских Церквей[2].

Решения Иерусалимского собора отнюдь не устранили всех разногласий. Спустя короткое время в Антиохии произошёл инцидент, описанный самим Павлом в его Послании к Галатам. Пришедший в Антиохию апостол Пётр до поры до времени вкушал (Евхаристическую) трапезу вместе с христианами из язычников, но с появлением людей из окружения Иакова «стал таиться и устраняться»[3]. Подобным образом вели себя и другие христиане еврейского происхождения, и даже Варнава. И тогда

---

1 Деян 15, 1-29.

2 Ср. Гал 2, 7-10.

3 В свете данных Нового Завета не приходится сомневаться, что апостол Пётр разделял точку зрения Павла. К уступкам иудеохристианам его, вероятно, склонили тактические соображения, желание избежать явного раскола, чреватого для новорождённой Церкви самыми трагическими последствиями. Сам Павел впоследствии тоже сделает всё возможное, чтобы не допустить раскола, и ради этого пойдёт на некоторые уступки иудеохристианам: ср. 1 Кор 9, 19-21; Деян 21, 17-26.

Павел во всеуслышание обличил Петра в лицемерии: «Если ты, будучи Иудеем, живёшь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?»[1].

По всей видимости, проблема состояла в том, что обе спорящие стороны интерпретировали постановления Собора по-разному, истолковывали их в свою пользу. Для иудеохристиан, близких к Иакову, «брату Господню», отношения с христианами из язычников должны были строиться по уже известной из иудаизма модели отношений между истинными (обрезанными) иудеями и боящимися Бога язычниками.

Верующие из язычников оставались в глазах Иерусалимских исповедников Иисуса христианами второго сорта. Для того чтобы стать настоящими христианами, им всё же требовалось принять обрезание и соблюдать Закон. Тот же Закон запрещал общение иудея с язычником, даже с боящимся Бога. Это исключало возможность Евхаристического общения христиан-евреев и христиан-язычников, возможность их Причащения от одной Чаши.

Со своей стороны, Павел понимал решения того же Собора в духе полного равенства всех верующих во Христа. Во Христе «нет уже Иудея, ни язычника»[2], все равны в своём достоинстве детей Божиих. Общность Евхаристической трапезы является при этом чем-то само собой разумеющимся. Конечно, еврей может придерживаться установлений Закона, в которых был воспитан, однако это не делает его лучшим, достойнейшим. И иудеи, и язычники спасаются исключительно по благодати, данной во Христе, даром, по вере в Христа Распятого, а не благодаря верности закону Моисея.

Принципиальные разногласия, разделившие Павла и его иудействующих противников, не могли быть преодолены посредством простого компромисса. Впоследствии иудеохристиане развернут в общинах, основанных Павлом, самую настоящую компанию по его дискредитации. Павла обвинят в самозван-

---

[1] Гал 2, 11-14.

[2] Ср. Гал 3, 28.

стве, в нежелании считаться с авторитетом истинных апостолов, в двурушничестве, честолюбивых амбициях и т.д. и т.п.

Апостолу народов даже придётся оправдываться. Такими оправданиями наполнено, в частности, его Второе Послание к Коринфянам. Да и направляясь в Иерусалим на праздник Пятидесятницы в 58 г., Павел имел все основания сомневаться, что местные христиане устроят ему радушный приём.

Второе путешествие

После Собора в Иерусалиме Павел и Варнава планировали новое миссионерское путешествие, но в его преддверии между ними произошла ссора. Причиной тому стала кандидатура их спутника, Иоанна Марка, покинувшего их во время первой поездки – он, не выдержав трудностей, вернулся из Пергии в Иерусалим[1]. Тем не менее, Варнава вновь собирался взять его с собой, а Павел воспротивился этому, выбрав себе в помощники Силу. В результате «произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом»[2]. Впоследствии Павел помирится с Марком и даже сделает его своим сотрудником: когда Апостол находился под арестом в Риме, Марк был рядом с ним[3].

Второе миссионерское путешествие Павла ознаменовалось распространением христианской проповеди на территорию Европы. В течение 50 – 52 гг. н.э. Павел обходит Сирию, Малую Азию, утверждая в вере ранее основанные Церкви, а затем высаживается на Европейском берегу, и основывает общины на Балканах[4].

Во время посещения Павлом и Силой города Листры к ним присоединился Тимофей, которого Павел обрезал «ради иудеев»[5].

---

[1] Деян 13, 5, 13.

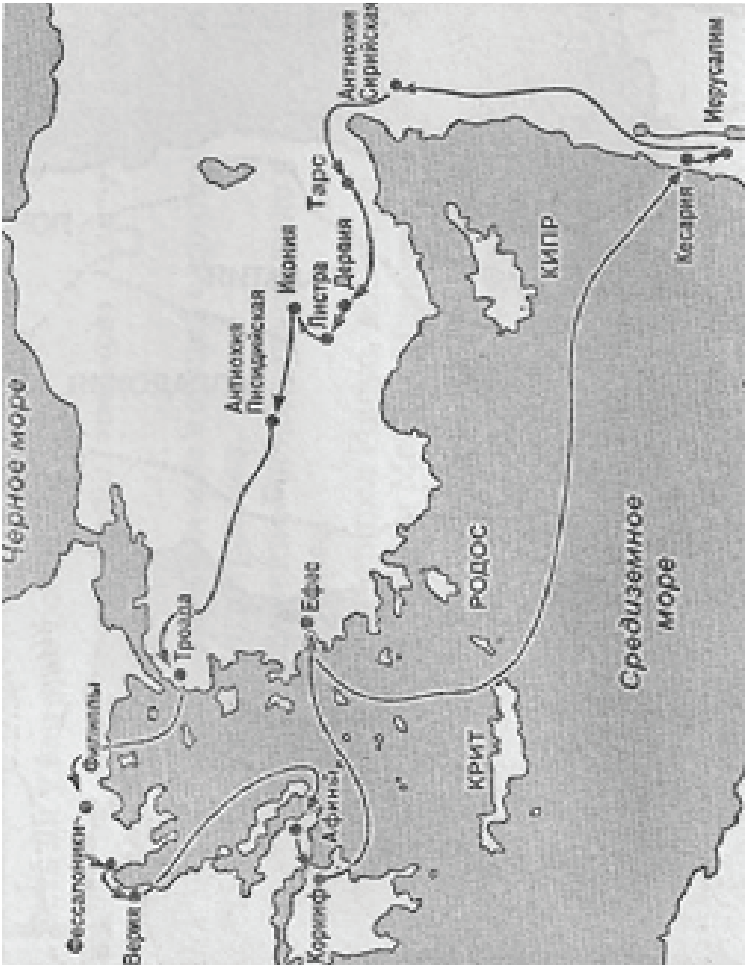
[2] Деян 15, 36-41.

[3] Кол 4, 10; Флм 1, 24.

[4] Деян 15, 36-18, 22.

[5] Деян 16, 1-3.

[6] Деян 16, 6-7.


Черное море
Фессалоники
Филиппы
Верия
Троада
Ефес
Коринф
Афины
Антиохия Писидийская
Иконий
Листра
Дербия
Тарс
Антиохия Сирийская
КИПР
РОДОС
КРИТ
Средиземное море
Кесария
Иерусалим

Святой Дух привёл миссионеров в Троаду[6] – порт на малоазиатском побережье, откуда было рукой подать до города Филиппы, расположенного уже в Македонии, на территории Европы[1]. В Филиппах к Павлу и его спутникам, возможно, присоединился Лука – будущий автор Книги Деяний. Именно с этого момента в этой Книге появляются отрывки, написанные от первого лица: «мы отправились, прибыли» и т.д.[2].

Филиппы, Фессалоники, Верия – вот первые города Македонии, где возникли христианские общины. Здесь же обозначились типичные препятствия для проповеди Христа – и со стороны иудеев, и со стороны римлян, усмотревших в новой вере угрозу для традиционных государственных культов[3].

В Филиппах небольшая еврейская община не чинила препятствий апостольской проповеди, чего нельзя сказать о Фессалониках. Здесь трёхнедельные труды не принесли выдающихся результатов. Ко Христу обращались, главным образом, боящиеся Бога и женщины, а местные ревнители Закона учинили гонение на Павла, так что ему пришлось спасаться бегством под покровом ночи. Всё же, в Фессалониках осталась устойчивая группа исповедников Христа.

Пройдя Македонию, Павел пришёл в Афины – город, сохранявший славу столицы философской мудрости. Здесь сталкивалось множество мировоззренческих концепций. Так, например, последователи Эпикура рассматривали мир как случайное сочетание атомов, не верили в бессмертие души и видели цель жизни в физических наслаждениях и достижении душевного покоя, а стоики учили о мировом всеединстве разума и материи и требовали от мудреца невозмутимости духа и презрения к страданиям.

---

[1] Македония – это название римской провинции со столицей в городе Фессалоники (совр. Салоники). Южнее располагалась провинция Ахайя со столицей в городе Коринфе. Здесь же находились и прославленные Афины – центр древнегреческой культуры. Все эти территории ныне входят в состав Греции.

[2] Деян 16, 11-24.

[3] Деян 16, 21; 17, 7.

Павел благовествовал об Иисусе и Его воскресении[1] в синагоге и на площади, где он каждый день встречался со многими людьми, чем и привлёк к себе особое внимание. Поэтому «взяв его, привели в ареопаг[2] и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою?»[3]. Выступая перед именитыми гражданами города, Павел учёл их менталитет. Он воззвал, прежде всего, к человеческому разуму, без прямых ссылок на авторитет слова Божия.

Он начал свою речь со слов о Боге Едином, Который не в рукотворных храмах живёт и не имеет ни в чём нужды. Он Сам – Источник и Податель жизни. С другой стороны, человек по самой своей природе взыскует Бога. И вот, Христос – это и есть

---

[1] Греческое *анастазис*, т.е. «воскресение», афиняне могли воспринимать как имя некоей богини: «Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: “что хочет сказать этот суеслов?”, а другие: “кажется, он проповедует о чужих божествах”, потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение» (Деян 17, 18).

[2] *Ареопаг* – холм в древних Афинах, где собирался *Совет ареопага* – высший орган судебной и политической власти.

[3] Деян 17, 19.

Посредник между Богом и людьми. В Нём – полнота Божьего Откровения, это Он будет судить народы и воскресит всех умерших. Бог уже назначил день, когда это произойдёт, «подав удостоверение всем, воскресив Его из мёртвых»[1].

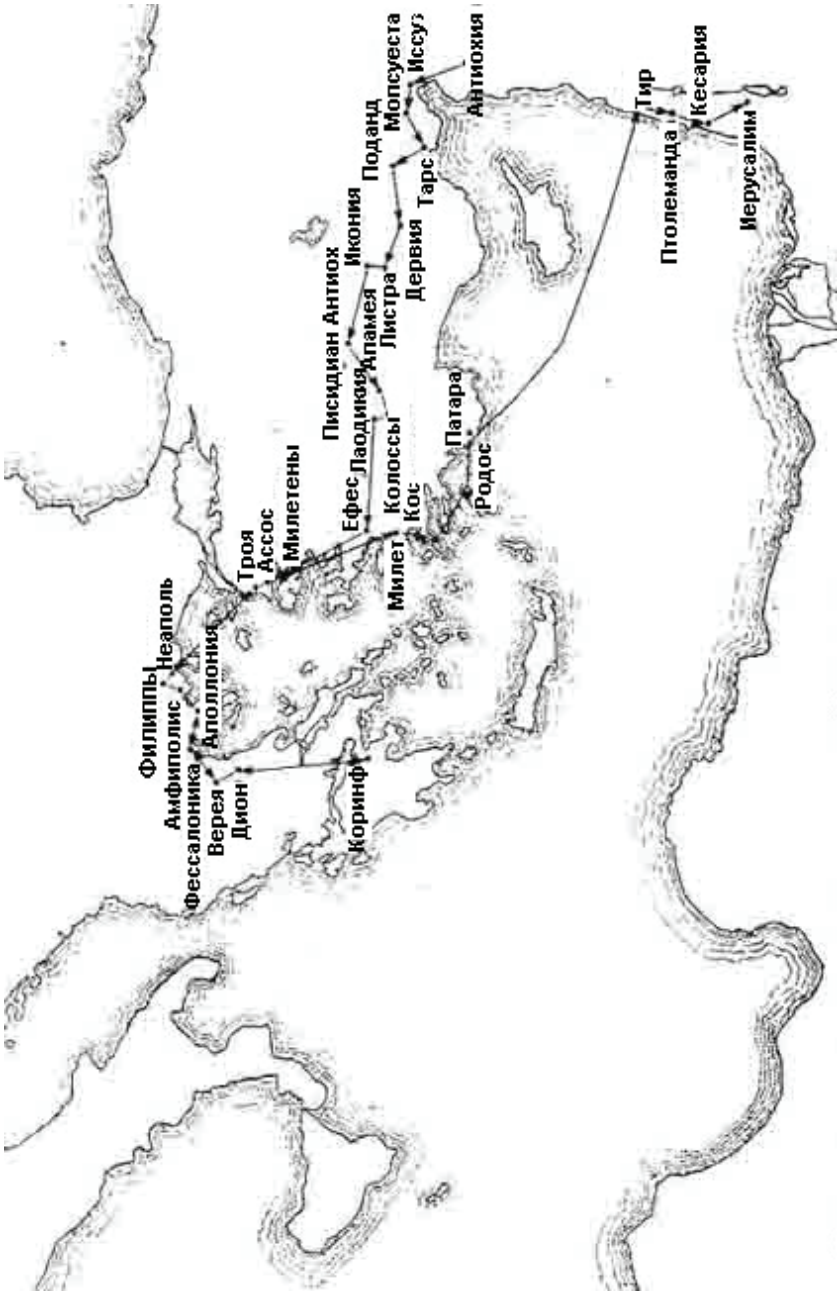
Идея телесного воскрешения была чужда философски образованным грекам, видевшим в теле лишь темницу духа. В итоге они прервали проповедь Павла: «Послушаем тебя в другое время»[2], и не приняли благовестия о Воскресшем. В дальнейшем Павел не будет прибегать к аргументам мирской мудрости, придя к заключению, что проповедь Христа Распятого «для иудеев соблазн, для эллинов безумие»[3]. С той поры он принял решение «не знать ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого»[4], полагаясь в своих миссионерских трудах исключительно на помощь Святого Духа: «И слово моё и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы»[5].

И всё-таки, пребывание Павла в Афинах не было вовсе бесплодным: «Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними»[6].

Следующим этапом путешествия был Коринф – многонациональный город-порт, столица провинции Ахаия. Здесь Павел прожил полтора года, создав самую многочисленную и крепкую общину. Здесь его поджидали и ставшие уже обычными трудности: иудеи, в подавляющем большинстве, не хотели принять Благую Весть о Христе. Именно в местной синагоге Павел, столкнувшись с ожесточенным отпором, отряс свои одежды и произнёс ритуальное свидетельство совершившегося разрыва: «Кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам»[7].

---

1 Деян 17, 31.
2 Деян 17, 32.
3 1 Кор 1, 23.
4 1 Кор 2, 2.
5 1 Кор 2, 4.
6 Деян 17, 34.
7 Деян 18, 6. Ср. Мф 27, 24-25.


Филиппы
Неаполь
Амфиполис
Аполлония
Фессалоника
Верея
Дион
Троя
Ассос
Милетены
Коринф
Ефес
Милет
Лаодикия
Колоссы
Кос
Писидиан Антиох
Апамея
Листра
Икония
Дервия
Поданд
Тарс
Мопсуеста
Иссус
Антиохия
Патара
Родос
Тир
Птолеманда
Кесария
Иерусалим

Ещё в самом начале своей работы в Коринфе Павел свёл знакомство с Акилой и его женой Прискиллой, – обращёнными в христианство евреями, уроженцами Рима, изгнанными оттуда императором Клавдием. Позднее эта супружеская пара окажется в числе его наиболее доверенных сотрудников. Здесь же, в Коринфе, около 51 г. было написано самое раннее из новозаветных Посланий – Первое Послание к Фессалоникийцам. Упорядочив внутреннюю жизнь Коринфской общины, Павел вернулся в Антиохию, прежде посетив Иерусалим.

Третье путешествие

Неизвестно, откуда именно Павел отправился в своё третье путешествие[1], а также, кто сопровождал его на этот раз. Вероятно, это были Тит, Тимофей, Гаий и Аристарх[2]. Посетив с визитом прежде основанные малоазиатские общины, Апостол пришёл в столицу провинции Азия Эфес, видимо, осенью 52 г.[3].

Здесь, благодаря трудам выдающегося проповедника Аполлоса и супружеской пары Акилы и Прискиллы, уже возникла христианская община, а Павел сделал всё возможное для её укрепления. В Эфесе апостол народов провёл почти три года – вплоть до лета 55 г. н.э., лишь однажды прервав свою работу для поездки в Коринф, чтобы устранить наметившийся там раскол.

Павлу не сразу удалось добиться желанного результата[4], а потому он оставил в Коринфе своего сотрудника Тита, которому, в конце концов, удалось примирить враждующие стороны. Здесь же, в Эфесе, было написано Первое Послание к Коринфянам и Послание к Галатам, насыщенное полемикой против иудеохристиан, как раз в то время начавших организованную компанию против Павла.

---

[1] Деян 18, 22-23.

[2] Деян 18, 22-23; 19, 29.

[3] Деян 20, 31.

[4] Ср. 2 Кор 1, 15; 2, 1.

Видимо, начиная со своего пребывания в Коринфе, апостол народов в полной мере оценил преимущество проповеди в больших городах, столицах провинций. Прибывавшие сюда по торговым и иным делам путешественники, обратившись ко Христу, впоследствии несли Благую Весть в свои родные места. Так большая столичная Церковь (метрополия) становилась «матерью» многих других Церквей в меньших городах и посёлках. За время пребывания Павла в Эфесе были основаны общины в ряде близлежащих городов: в Колоссах, Лаодикии, Иераполе. Видную роль при этом играл некий Епафрас[1], вероятно, ставший учеником апостола во время своего посещения Эфеса.

Граждане метрополий, подобных Эфесу, Коринфу, Фессалоникам, жили весьма зажиточно, а потому Павел не забывал о сборе пожертвований бедствующей Иерусалимской Церкви. Несмотря на все разногласия, апостол язычников очень дорожил единством христианской Общины, её иудейской и языческой ветвей. Собранные материальные пожертвования были видимым знаком такого единства[2].

Павел был вынужден покинуть Эфес несколько раньше, чем собирался. Причиной стал бунт, спровоцированный местными ремесленниками. В деятельности апостола они усмотрели угрозу своему бизнесу, связанному с изготовлением и продажей статуэток языческой богини Артемиды[3]. Но значит ли это, что прежде дело шло гладко?

В Первом Послании к Коринфянам Павел будто ненароком обмолвится: «По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мёртвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрём!»[4]. Вероятно, мятеж, поднятый ремесленником Димитрием, был последним и самым громким, но отнюдь не первым проявлением враждебности к апостолу.

---

[1] Кол 1, 7-8.

[2] 1 Кор 16, 1 слл.; 2 Кор 8, 1 слл.; 9, 1 слл.; Рим 15, 25-28.

[3] Деян 19, 23-40.

[4] 1 Кор 15, 32.

Последующий маршрут Павла проследить нелегко. Нам известно, что он снова оказался в Троаде, откуда направился сухопутным путём в Македонию. В одном из македонских городов (Филиппах или Фессалонике?) он написал своё Второе Послание к Коринфянам, чтобы подготовить свой визит в этот город. Иудействующие противники Павла успели как следует поработать в Коринфской общине, а потому восстановление с нею прежних, доверительных отношений давалось апостолу очень нелегко. Однако же он продолжал трудиться над сбором пожертвований в пользу бедных в Иерусалиме.

Наконец, Павел появляется в Коринфе, где проводит всю зиму. Отсюда он отправляет в Рим, где прежде не бывал, очередное Послание. Его цель – представиться столичной христианской общине, изложить ей своё *кредо* и подготовить свой личный визит. В Послании к Римлянам апостол делится своими планами на будущее: отвезти в Иерусалим материальную помощь, посетить вечный город (Рим), а оттуда отправиться в очередное миссионерское путешествие в Испанию, считав-

шуюся в то время «краем земли»[1]. Уже тогда Павел предчувствовал, *чем* закончится для него посещение Иерусалима.

Он просит Римскую общину молиться за него: «Между тем умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу, чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение моё для Иерусалима было благоприятно святым, дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к вам и успокоиться с вами»[2].

Будучи во власти всё тех же мрачных предчувствий, Павел произносит свою речь в Милете перед пресвитерами основанных им Церквей. Эта речь звучит как завещание: «И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще моё и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией»[3]. Апостол считает свою скорую гибель вполне вероятной, а потому прощается с руководителями христианских общин навсегда[4].

В Иерусалим Павел прибыл, вероятно, в начале лета 58 г. Возглавлявший Иерусалимскую общину Иаков принял апостола народов с холодной вежливостью и, прежде всего, предложил ему доказать свою верность Закону, исполнив все предписанные иудею по возвращении из нечистых языческих земель ритуалы[5]. Павел ответил согласием, однако иудейские паломники из диаспоры спровоцировали взрыв народного гнева во дворе Иерусалимского храма. Лишь вмешательство римских властей спасло Павла от самосуда разъярённой толпы и немедленной расправы[6].

---

[1] Рим 1, 11; 15, 22 слл.

[2] Рим 15, 30-32.

[3] Деян 20, 22-24.

[4] Деян 20, 25, 32, 38.

[5] Деян 21, 17-22.

[6] Деян 21, 27 – 22, 29.

На следующий день апостол предстал перед судом Синедриона. Он выбрал удачную тактику защиты, а потому собрание не смогло прийти к каким-то определённым выводам и выдвинуть обоснованные обвинения[1]. Тем не менее, ревнители Закона продолжали настаивать на немедленной казни Павла. Не оставляли они и идеи самосуда, коль скоро добиться законного осуждения не удавалось[2].

В конечном счёте, Павел оказался в заключении в резиденции римского наместника Иудеи (прокуратора) в Кесарии. Прокуратор Феликс и наследовавший ему Фест не торопились решать дела Павла, не желая ссориться с влиятельными иудейскими кругами и рассчитывая получить от апостола взятку за освобождение. И тогда Павел воспользовался своим правом римского гражданина и потребовал императорского суда в столице империи[3]. Истинной же его целью была возмож-

---

[1] Деян 22,3 0 – 23, 11.

[2] Деян 23, 12-35.

[3] Деян 24 – 27.

ность возвещать Христа в Риме: «Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме»[1]. Так началось его четвёртое по счёту миссионерское путешествие.

Четвёртое путешествие

После многих приключений[2] Павел прибыл под стражей в Рим, вероятно, весной 61 г. Как раз в это время закончились первые, относительно благополучные годы правления императора Нерона, и народная молва всё настойчивее разносила слухи о его кровожадном помешательстве.

Павел находился под домашним арестом, однако условия содержания были, скорее, мягкими: к нему беспрепятственно допускали посетителей[3]. Апостол использовал все возможности для возвещения Христа. Он делал это не только посредством устной проповеди, но и при помощи Посланий. Видимо, в это время были написаны Послания к Филиппийцам, Колоссянам, Филимону и Ефесянам. Во всех этих Посланиях Павел упоминает о своём заключении в ожидании суда – «узах», а потому эти Послания получили название «Посланий из уз».

Что же, в конце концов, произошло с апостолом язычников? Книга Деяний не даёт ответа на это вопрос, обрываясь следующим сообщением: «И жил Павел целых два года на своём иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно»[4]. Можно предположить, что Павел умер смертью мученика уже в 64 г., среди многих других христиан, обвинённых Нероном в поджоге Рима[5]. Однако церковное предание донесло до нас иные сведения.

---

[1] Деян 23, 11. См. также Деян 27, 23 и Рим 1, 15.

[2] Деян 27, 1 – 28, 15.

[3] Ср. Деян 28, 16-17. 23.

[4] Деян 28, 30-31.

[5] Пожар в Риме имел место с 19 по 28 июля 64 г.

Пятое путешествие

В древнем христианском документе – Первом Послании Климента Римского (конец I столетия) сообщается, что Павел всё же осуществил свою мечту и посетил с миссионерской поездкой Испанию (гл. 5, 17). При каких обстоятельствах это произошло?

Согласно Римскому праву, обвиняемый подлежал освобождению в случае неявки его обвинителей в суд. Вполне вероятно, что после двухлетнего пребывания под арестом Павел был отпущен на свободу. Это могло произойти в конце 63 или в начале 64 года, т.е. ещё до начала большого гонения на христиан. Некий свет на обстоятельства могут пролить и написанные предположительно в этот период Послания к ближайшим ученикам Павла – Тимофею и Титу.

К тому времени Тимофей и Тит сами возглавляли христианские общины, были их пастырями, а потому и обращённые к ним Послания называются «Пастырскими». Ныне большинство учёных-библеистов убеждено, что свою окончательную форму эти Послания приобрели уже после смерти Павла, в среде продолжателей его дела. Однако это не исключает того, что некоторые их фрагменты были написаны самим апостолов народов, как и того, что в них могут содержаться подлинные исторические сведения.

Павел завершил свою работу в Малой Азии, поставив Тимофея во главе эфесской общины[1], и поручив Титу организовать церковную иерархию на острове Крит[2]. Вероятно в это время появились Первое Послание к Тимофею и Послание к Титу. Покидая Малую Азию, Павел побывал в портовых городах Троаде, Милите, откуда перебрался в Коринф[3].

Детали позднейших перемещений Павла нам неизвестны. Во Втором Послании к Тимофею, имеющем характер духовного завещания, апостол упоминает о своём повторном аресте и

---

[1] 1 Тим 1, 3.

[2] Тит 1, 5-9.

[3] 2 Тим 4, 13. 20.

предании суду, причём на этот раз – без надежды на оправдательный приговор[1]. Его уже не окружали, как раньше, многие ученики и друзья. Лишь один Лука оставался с ним до конца.

Как Павел оказался в Риме? Был доставлен туда под стражей по постановлению имперского суда? Или прибыл в Рим добровольно, чтобы поддержать местную общину, переживавшую тягчайший период гонений, и уже здесь был взят под стражу? Этот вопрос остаётся открытым.

По сообщению церковного историка Евсевия Кесарийского (IV век), апостол народов был обезглавлен у Остийской дороги, в пяти милях от городских стен Рима («Церковная история», II, 25). В то время это был обычный вид казни для римских граждан. Произошло это, по всей вероятности, в конце правления Нерона, в 67 г. н.э.

«А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие…» (1 Кор 1, 23)

Трудно переоценить значение служения апостола Павла для христианской Церкви, для последующих исторических судеб христианства. Если иудеохристианское направление в Церкви постепенно сошло с исторической арены, то точка зрения Павла была со временем принята не только в основанных им лично, но и в иных христианских общинах. Павел превращается в незыблемый авторитет для всей Церкви.

Уже к концу I столетия его Послания, заботливо переписанные последователями и объединённые в один сборник, наряду с Ветхим Заветом и Евангелиями, становятся Священным Писанием христианства: их читают во время богослужений. Церковь Иисуса Христа – это, в известной мере, и Церковь Павла. Все без исключения ныне существующие христианские конфессии имеют её своей общей «Матерью».

Помимо всего прочего Послания Павла – это и сокровищница богословской мысли. Апостол народов остаётся крупнейшим

[1] 2 Тим 1, 8. 16-17; 2, 9; 4, 6-8.

богословом христианства всех времён. Всё последующее христианское богословие, учение крупнейших, глубокомысленнейших теологов – это не более чем комментарий к апостолу Павлу, развитие и интерпретация затронутых им тем.

Павел рассуждает о Божественном Сыне, о Его предсуществовании; о Христе, как Новом Адаме; о Святом Духе; об искупительном значении Креста; об истинной природе христианской праведности; о новом творении во Христе; о Церкви, как Теле Христовом… В его Посланиях, как в семени,

заключены все без исключения догматы христианской веры.

Но была и ещё одна тема, очень волновавшая апостола народов, тема, которая, как может показаться на первый взгляд, принадлежит прошлому, осталась в том далёком времени, когда Церковь ещё только зарождалась, а христианство ещё окончательно не отделилось от иудаизма.

Мы уже знаем об острой полемике Павла с иудеохристианами, настаивавшими на непреходящем значении Моисеева закона. Почему же апостол язычников считал эту проблему столь важной, почему он не жалел ни времени, ни сил, отстаивая свою правоту? Почему, защищая свои принципы, был готов на такие большие жертвы?

Заметим, что Павел отнюдь не отрицал Божественного происхождения закона Моисея, называл его «духовным и святым»[1], видел в нём одно из преимуществ Израиля перед языческими народами[2], признавал его полезность в прошлом, как «детоводителя ко Христу», как средство воспитания Богоизбранного народа во времена, когда Бог ещё не открылся во всей полноте[3].

Вместе с тем, апостол ясно видит и слабость Закона, его ограниченность. Благочестивые иудеи ищут праведности от Закона, полагают, что скрупулёзным исполнением его заповедей можно угодить Богу и рассчитывать на заслуженную награду от Него. Они уверены, что исполнение Закона – это и есть те отношения, которые Бог предложил человеку, а никаких иных просто не может быть. Но таков ли в действительности замысел Божий?

Павел настаивает, что Закон сам по себе не может спасти плотского, преданного греху человека, ибо он даёт лишь знание добра,

---

[1] Ср. Рим 7, 12. 14.

[2] Рим 9, 4.

[3] Гал 3, 23-25.

[4] Рим 7, 14-20.

[5] Рим 3, 20; 7, 7; 1 Тим 1, 8-11.

но не силу творить добро[4], знание греха, но не силу победы над грехом[5]. Вместо того, чтобы освобождать людей от зла, он лишь выявляет их вопиющую греховность, и, парадоксальным образом, ещё больше погружает их во зло[1]. На практике, ищущие праведности в Законе иудеи[2] и не знающие Закона язычники находятся в «одной лодке»[3]: и те, и другие творят злые дела, не знают любви Бога и Его прощения.

Безусловно, огромное влияние на Павла оказал и его собственный опыт, перипетии его собственного пути ко Христу. Ведь он сам был ревнителем Закона, «по правде законной – непорочный»[4]. Что же дала ему подчёркнутая верность Закону? Он так и не смог узнать в Распятом Иисусе из Назарета обещанного Богом Мессию вплоть до прямого вмешательства свыше, он стал злобным фанатиком, кровавым гонителем Иисуса и Его детей. Как же теперь можно настаивать на безусловной ценности Закона, искать в нём изъявление Божьей воли, если в мир пришёл куда лучший Учитель – посланный от Бога и Христа Святой Дух?[5]

Действие Святого Духа ощущалось апостолом Павлом, как и вообще первыми христианами, очень живо. В той Церкви были обычными дары молитвы на иных языках, вдохновенной пророческой проповеди, чудотворения. Дух Святой – это Дух Сына, Дух Иисуса Христа[6], наставляющий учеников на всякую истину, удостоверяющий, что отныне все они – дети Божии[7].

Самый же главный дар Духа есть «вера действующая любовью»[8]. Это Святой Дух даёт силу жить по-Божьему, ту силу, которую никогда не может дать Закон. И Павел перечисляет плоды Духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона»[9]. Истинная святость заключается не в фарисейской регламентации всех сторон жизни, а в свободном отдании

---

[1] Рим 3, 20; 4, 15; 5, 13; 7, 5. 7-13.

[2] Ср. Рим 9, 31.

[3] Ср. Рим 2, 17-24; 3, 1-20.

[4] Флп 3, 6.

[5] Ср. Гал 3, 1-5.

[6] Гал 4, 4-6.

[7] Рим 8, 14-17.

[8] Гал 5, 6.

[9] Гал 5, 22-23.

действию Духа, в разрешении Духу руководить собой на всех жизненных путях[1].

Между тем, дар Духа даётся Богом совершенно бескорыстно, даром, а не в качестве награды за предыдущую верность Закону. Дух в равной мере изливается и на иудеев, и на язычников, что доказывает их абсолютное равенство перед Богом, равенство в достоинстве детей Божиих[2]. Схождение Духа Святого стало возможным благодаря совершенно бескорыстной Божьей любви к человеку, высшим проявлением которой стала Крестная Смерть Христа.

Там, на Голгофе, Сын Божий отождествил Себя с грешниками, принял на Себя лежащее на грешниках проклятие[3], в том числе, и проклятие, налагаемое Законом на всех его нарушителей[4]. Веровать в значимость этой Жертвы, принимать Распятого как своего Господа (Господина своей жизни) – это и есть новая праведность, «праведность во Христе, а не от дел Закона»[5]. Верующий в Распятого и Воскресшего уже оправдан Богом, примирён с Ним[6].

Однако, попробуем хотя бы на одну минуту занять позицию оппонентов Павла, попытаемся понять причину их собственного упорства, те мотивы, которые побудили их к жёсткой полемике против апостола народов.

«Никто не отрицает, что любовь к Богу, Иисусу, послушание Святому Духу должны стоять на первом месте, – могли бы сказать они. – Но разве праведность христианина может сводиться к одному лишь внутреннему убеждению в том, что Иисус – это Мессия, Сын Божий, Господь и Спаситель? Разве любовь к Иисусу может сводиться к одним эмоциям?

---

[1] Гал 5, 16-18.

[2] Гал 3, 26-29.

[3] 2 Кор 5, 21.

[4] Гал 3, 10-14.

[5] Ср. Флп 3, 9.

[6] 2 Кор 5, 16-21; Рим 3, 28; 4, 5; Гал 2, 16.

Разве Сам Иисус не сказал: “Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди”[1] Но о каких заповедях идёт речь?

Иисус учил не только словом, но и личным примером. Мы прекрасно знаем, что во время Своей земной жизни Он был предан закону Моисея, исполнял его предписания, пусть и не так, как это делали лицемерные фарисеи, а так, как того хотел Сам Бог, Его Небесный Отец. В Священном Писании ясно говорится, что заповеди Моисеева закона – это заповеди вечные, а потому каждый, кто хочет до конца быть с Иисусом, должен стремиться исполнить их в полном объёме.

Для язычников, уверовавших во Христа, конечно, можно сделать уступку. Однако они никогда не достигнут настоящего христианского совершенства. Те из них, кто стремится к подлинной святости, должны жить, как живут иудеи, как жил Иисус. В Законе описаны дела благочестия, которых ждёт от нас Бог. Чего же стоит вера, не подтверждаемая такими делами? Ведь “вера без дел мертва”[2].

А как христианину различать доброе от худого, дозволенное от недозволенного? Павел, этот сомнительный апостол, утверждает, будто такое наставление мы получаем непосредственно от Святого Духа. Но ведь голосом Святого Духа можно посчитать и произвол собственного сердца. Среди нас появилось немало еретиков, якобы говорящих Святым Духом, между тем, как их бредни не имеют ничего общего с учением Иисуса из Назарета. Как отделить истинное вдохновение Духа от самообольщения?

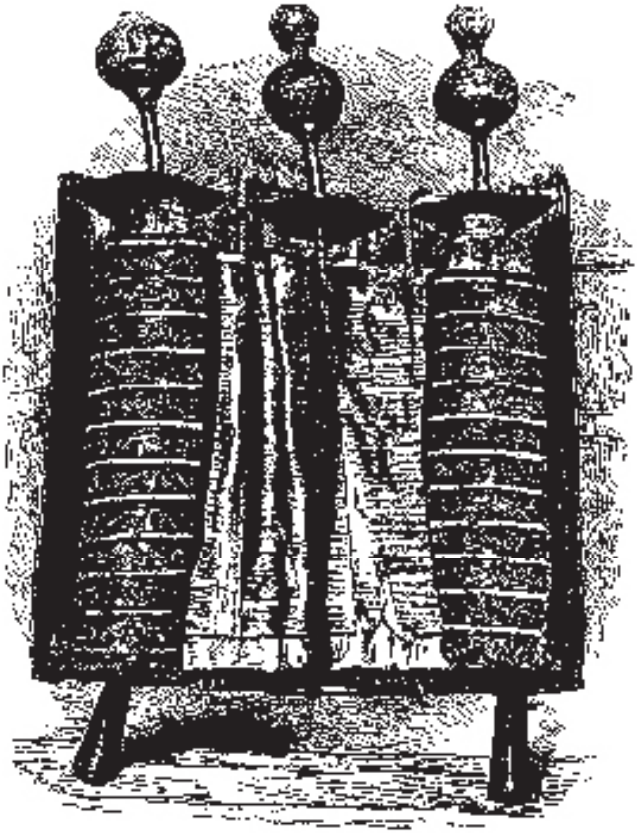
Мы знаем, что закон Моисея был дарован Богом, при участии Его Духа. Он-то и есть критерий истины. Всё согласное с Законом – истина, а противоречащее ему – ложь. Желание исполнить Закон, жить по Закону, несомненно, продиктовано Святым Духом. Дух Святой принёс людям Закон, Он же теперь побуждает и к верности ему.

Павел фактически учит пренебрегать Законом. Он показывает

---

[1] Ин 14, 15.

[2] Иак 2, 20.



очень плохой пример. Что же будет, если за ним последует Церковь? Будет разрушена твёрдая, данная Самим Богом основа благочестивой жизни, наступит хаос. Да и потом, может ли человек, действительно посланный Богом, имеющий Святого Духа, относиться с такой враждебностью к Закону? Нужно ещё разобраться, какой именно “дух” вдохновляет Павла»?

Безусловно, у Павла, было, что ответить противникам. В его Посланиях незримо присутствует воображаемый оппонент,

с которым Апостол ведёт полемику. Воздавая должное уважение иудейскому Закону, Павел сознавал и то, что далеко не всё в нём имеет одинаковую ценность.

«Весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя»[1]. «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя»[2].

Ритуальные же, обрядовые, юридические установления Моисеева закона были характерны для ветхозаветной эпохи Истории Спасения, и ныне уже не могут считаться обязательными. Пасхальная Тайна решительно всё преобразила, представила в новом свете. Нравственный идеал ветхозаветного законодательства остаётся неприкосновенным, что же касается правил благочестивой жизни, то тут действует новая закваска, «молодое вино, вливаемое в новые мехи»[3].

Так учил апостол народов, оставаясь в полном согласии с духом учения Иисуса из Назарета. Конечно, Павел мог бы подписаться под словами Иакова, брата Господня: «Вера без дел мертва». Однако под «делами» апостол язычников понимал дела любви, верность нравственным заповедям. Павел высоко ставил и значение добродетелей, в воспитании которых активное участие принимает сам человек[4]. Что же касается благочестивых обычаев, обрядов, ритуалов, то тут он доверялся Святому Духу и Его водительству, не считая нужным копировать иудейский образ жизни.

Разумеется, Павел не отрицал, что Иисус из Назарета жил как иудей: Сын Божий, став человеком, «подчинился Закону»[5]. Однако Воскресший Христос – это Господь всех народов, а не только Мессия Израиля. Закон Моисея был когда-то дан

---

[1] Гал 5, 14.

[2] Рим 13, 8-9.

[3] Ср. Мф 9, 17.

[4] Ср. 1 Фес 4, 3-8 и др.

[5] Гал 4, 4.

Израилю, а новые дети Божии из числа язычников вовсе не обязаны становиться иудеями, чтобы прийти ко Христу.

Как иудей, Павел продолжал соблюдать некоторые обрядовые предписания Закона даже после своего обращения, особенно если этого требовали соображения единства Церкви[1]. Однако попытки иудеохристиан «иудаизировать» основанные им общины вызывали у него вполне законные опасения. Пока ещё малоискушённые в вопросах веры духовные дети Павла могли бы подумать, что самое существенное в новой религии – это жить по-иудейски. От них бы ускользнуло главнейшее в христианстве – Жертва Иисуса и открывшаяся благодаря этой Жертве безусловная любовь Бога.

«Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер»[2]. «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью»[3].

И апостол язычников не щадил ни времени, ни нервов, ни слов, чтобы достучаться до сердец своей паствы, чтобы донести до них своё, продиктованное Святым Духом в*и*дение Бога и Его путей: «О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый? тогда, не знав Бога, вы служили богам, которые в существе не боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите ещё снова поработить себя им?… Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас… Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас» (Гал 3, 8-10; 4, 10-11. 19-20).

---

[1] Деян 18, 18; 21, 23-24.

[2] Гал 2, 21.

[3] Гал 5, 4-6.

Представим на минуту, что могло бы произойти, если бы восторжествовала не точка зрения апостола Павла, а точка зрения его противников? Христианская Церковь так и не смогла бы реализовать свой вселенский потенциал, вместить в себя множество культур и народов. Она оставалась бы обычной сектой в лоне иудаизма, и Благая Весть о Спасении так и не достигла бы миллионов людей.

Споры в первохристианской Церкви имели огромное значение для судеб человечества, для отношений человека и Бога, но, всё же, они остались в прошлом. Значит ли это, что тема «закона и благодати», поднятая апостолом Павлом, представляет ныне для нас лишь исторический интерес? Это, конечно же, не так. На протяжении многих веков вопрос соотношения «закона и благодати» поднимался вновь и вновь, хотя и в новых условиях, новых обстоятельствах. Временами он даже выходил на первый план.

Что такое Закон в широком смысле? Это – свод правил, норм жизни, прежде всего, нравственных, но также и ритуальных, обрядовых, канонических. К Закону можно отнести и совокупность вырабатывавшихся веками правил угодного Богу поведения, навыков благочестия.

Какая-то их часть записывается в специальных книгах (Кодексе Канонического Права, Постановлениях Соборов, Катехизисе и т.д.), а какая-то передаётся путём живого предания, от поколения к поколению. По мере своего развития христианская Церковь постепенно облекалась в одежды догматов, канонов, обрядов, общепринятых правил благочестия. По существу, они играли в ней ту же роль, что и закон Моисея – для иудаизма. Иногда и сами христиане именовали себя «людьми закона». Так в XV-XVII веках на Западной Руси православные христиане официально назывались «людьми греческого закона», а христиане-католики – «людьми римского закона».

Порой определённым группам христиан казалось, что сформировавшийся в течение многих веков закон более не совместим со свободой детей Божиих, препятствует вольному изъявлению Святого Духа. Тогда возникали движения за реформы в Церкви,

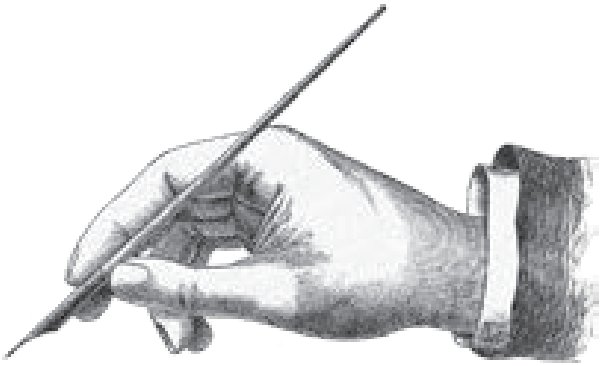
но и вновь образовавшиеся реформированные общины со временем вырабатывали собственный закон, который становился для их членов обязательным. Присоединяясь к какой-либо христианской общине, мы неминуемо принимаем и свойственный ей закон, подчиняемся принятым в ней правилам, сложившимся традициям выражения веры и благочестия.

Этот закон сложился исторически, однако, под воздействием Святого Духа, под Его водительством, а потому требует уважения, внимания, серьёзного отношения. Можно ли пренебрегать им, ссылаясь на так или иначе понимаемую «свободу во Христе», «свободу в Духе»? В жизни Церкви бывают разные эпохи, отличающиеся друг от друга периоды. Вполне естественно, что действие Святого Духа не ощущается ныне так же, как в апостольские времена.

Характерно, что значение внешнего закона в христианской Церкви постоянно нарастало, по мере того, как непосредственные проявления Духа становились всё слабее. Пусть закон можно сравнить с костылями, необходимыми человеку, не очень уверенно стоящему на ногах. Но кто из нас сегодня настолько «летает на крыльях Духа», что вовсе не нуждается в «костылях»?

Закон предостерегает нас от зла, указывает идеал добра, учит общаться с Богом. В этом – его важность и ценность. И всё-таки, не он является источником нашего Спасения. Не в нём заключена сила, позволяющая исполнить предписанные им заповеди. Не им обеспечивается желанная награда. Формальное следование ему ещё не делает человека святым и праведным. Дар Божией любви остаётся абсолютно бескорыстным и незаслуженным, и он даётся каждому, вне зависимости от «дел закона».

Закон, сколь бы свят и духовен он ни был, не может встать между Богом и человеком. Тем более он не должен превращаться в дубину, в причину ненависти к христианам, придерживающимся иного закона. Поступать так – значит уподобляться непорочному по правде законной злобному фанатику Савлу, а не кроткому Павлу, провозвестнику прощения и любви. Именно этот урок преподаёт Церкви апостол народов. Именно в этой истине следует видеть его духовное завещание христианам всех времён.



Творческие задания

Творческие задания

Мы предлагаем вам задуматься о своём призвании в Церкви. Пусть ответ на этот вопрос и станет Вашим творческим заданием.

Мы очень просим вас исполнить ещё одно, последнее творческое задание.

Выскажите своё мнение о курсе в целом. Что, по вашему мнению, в нём удалось, а что было неудачным? Что показалось вам интересным, привлекло ваше внимание, а что, наоборот, выглядело непонятным, неубедительным, что оттолкнуло? Какими материалами можно было бы дополнить курс в будущем, чтобы он стал интереснее? А что наоборот, можно было бы в будущем исключить?

Мы очень нуждаемся в ваших отзывах, ждём ваших писем и хотим выразить вам благодарность за пройденный с нами путь, за радость взаимного общения и познания.

Авторы курса

Важнейшие понятия

Церковь

Церковь есть Община исповедующих Распятого и Воскресшего Христа Своим Господом и Спасителем.

Собственно, Церковь, как община учеников, начала складываться уже во время земной жизни Иисуса. Толпы людей приходили к Нему, чтобы послушать Его проповедь о Царстве и исцелиться. Везде, где появлялся Христос, оставались Его приверженцы, возникали кружки учеников и сочувствующих. Некоторые ученики оставили свои дома, семьи, имущество и сопровождали Иисуса во всех Его странствиях.

Конечно же, Иисус из Назарета не думал об организационных структурах той Церкви, которую мы знаем теперь. Он не намеревался становиться основателем новой религии: христианство, как религию Христа Распятого и Воскресшего, следует считать плодом Пасхальных событий. Намерением же Иисуса, Пророка и Посредника приблизившегося Царства, было собрать воедино Народ Божий – до сих пор всё ещё рассеянный по различным сектам и партиям, не знающий о бесконечной любви Отца.

Идея собирания Израиля из рассеяния имеет длительную историю, прежде всего, в пророческой традиции Ветхого Завета. Она стала реакцией на разгром Израильского царства в Палестине и последующие насильственные депортации иудеев, практикуемые их завоевателями. Согласно учению пророков, грядущее восстановление царства должно было сопровождаться возвращением всех евреев в Землю Обетованную. Собирание народа должно было стать делом Самого Бога – его истинного Пастыря. Позднее это задание приписывалось Помазаннику Божию – Мессии из рода Давида.

Вместе с тем, во многих текстах Священных Писаний высказывается убеждение, что спасётся не весь Израиль, а лишь его святой остаток, иначе говоря, не те, кто лишь в силу физического родства принадлежит к Богоизбранному народу, а те, кто истинно предан Богу. Учение о святом остатке оказывало прямое влияние на религиозную жизнь Израиля времён Иисуса. Так фарисеи, относившие пророчества о святом остатке к своему движению, коллективно отделились от прочего народа, а приверженцы другого движения – ессеев – довели это отделение до крайности.

Иисус из Назарета взял за основу подобные идеи, но дал им Свою собственную оригинальную интерпретацию. Он говорит о новом Народе Божием последних (эсхатологических) времён, используя при этом традиционные метафоры и образы: стадо, которым руководит Добрый Пастырь (Мф 12, 30; Лк 11, 23; Мф 15, 24; Ин 10, 1-5; 16, 27-30); участники свадебного пиршества (Мк 2, 19); засеянное Богом поле (Мф 13, 24); попавшие в невод рыбы (Мф 13, 47)… Однако у Иисуса речь идёт не о перемещении в пространстве, не о переезде иудеев диаспоры в Палестину, но о новых отношениях с Богом, открывшемся по-новому – о вхождении в Царство, которое может совершиться в любом месте.

Иисус собирает не «святой остаток» в его иудейском понимании, но общину, в которую может войти каждый. Эту общину Он характеризует как Семью Божию, которая имеет бо́льшую значимость, нежели земная семья. В этой эсхатологической

Семье Бог является Отцом (Мф 23, 9), Иисус – управляющим (Мф 10, 25) и наследником (Мф 21, 38) в Божием доме, а внимающие словам Иисуса – братьями и сёстрами (Мк 3, 34-35).

Все домочадцы – это младенцы, малые дети, возлюбленные Небесным Отцом и по-детски доверительно, безусловно, преданные Ему (Мф 11, 25; Мк 2, 5; 5, 34; 10, 24). Единство Семьи проявляется, прежде всего, в общих застольях (трапезах), на которые допускаются и мытари и грешники, обычно отвергаемые благочестивым иудейским обществом (Мк 2, 16-17). Несмотря на то, что служение земного Иисуса протекало почти исключительно среди иудеев, в Божию Семью войдут и «благословенные Отца» из всех народов: «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном», – восклицает Иисус (Мф 8, 11).

Итак, призванными являются все без исключения люди. От них требуется лишь свободное решение – желание войти в Семью. Однако, далеко не всегда, такое решение имеет место. Поэтому, в конечном счёте, цели достигают лишь немногие (Мф 23, 37; Лк 13, 34): одно только восседание вместе с Иисусом за столом, слушание Его проповедей не гарантируют Спасения. Сам Бог, знающий сердца людей, совершит разделение в своё время (Лк 13, 22-30; Мф 13, 24-30; Мк 4, 26-29).

Община учеников получает от Бога наследие – новые отношения Царства (Лк 12, 32; 22, 29). Потому она призвана стать «светом для всех народов». Так исполняется древнее пророчество Исаии: «Я сделаю тебя светом для народов, чтобы спасение Моё простёрлось до концов земли» (Ис 49, 6). В связи с этим Иисус видит в Своей общине Новый Иерусалим – град, расположенный на горе Сион, свет от которого должен быть виден издалека (Мф 5, 14). Его жители, в свою очередь, именуются «сынами света» (Лк 16, 8; Ин 12, 36). Они участники Нового Завета – новых отношений с Богом, относительно которых исполняется пророчество о том, что Бог станет их непосредственным Учителем (Мк 14, 24; Мф 23, 8; ср. Иер 31, 31-34).

Важное значение имеет факт призвания двенадцати апостолов (Мк 5, 13-19) и обетования, данные Петру (Мф 16, 18-19). В последующей богословской традиции, наряду с некоторыми другими действиями Иисуса (Нагорной проповедью, Тайной Вечерею), они были названы актами призвания Церкви.

Как известно, ветхозаветный Израиль был народом двенадцати колен, происходившим от двенадцати сыновей Иакова. И вот теперь двенадцать учеников, вместе с Иисусом, будут собирать и представлять перед Богом Новый Израиль. Позже эти люди станут первыми свидетелями Воскресения и признанными руководителями христианской общины. Таким образом, будет установлено прямое преемство между до-пасхальной общиной учеников Иисуса и послепасхальной Церковью.

В обетовании, данном Петру – «Я говорю тебе: ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её», – Иисус впервые произнёс само слово **Церковь** – в греческом подлиннике Евангелия – *екклесиа*. Между тем, следует учитывать, что исторический Иисус разговаривал с учениками не по-гречески, а по-арамейски, и при том использовал еврейские слова из Священных Писаний Израиля.

Одним из традиционных понятий было словосочетание *кагал Яхве* – «общество Господне», – которое обозначало весь Израиль, собранный перед лицом Бога (Втор 4, 10; 31,30; Ис Нав 8, 35; Суд 2, 2; 1 Пар 28, 8; Неем 8, 2 и др.). В переводе иудейских ветхозаветных Писаний на греческий язык слово *кагал* было передано как *екклесиа*, которому, в свою очередь, соответствует русское *Церковь*.

Вероятно, Иисус произнес именно слово *кагал* – «общество». Показательно, что Христос говорит здесь не об «обществе Яхве», но о «обществе **Моём**» или «обществе Мессии». Обществу Мессии, сплочённому вокруг Петра, предстоит продолжить дело Иисуса на земле – дело Царства. Враждебные Иисусу силы – «врата ада» – не смогут помешать ему в этом.

Исполнением порученного дела стала вся история послепасхальной Церкви. Саму её реальность невозможно вывести

из одного лишь земного служения Иисуса. **Церковь стала плодом Христовой Пасхи – Распятия и Воскресения.** В этой связи Святые Отцы часто использовали яркую метафору: Церковь – Новая Ева – была рождена из пробитого на Кресте ребра Иисуса – Нового Адама, – из которого истекли кровь и вода: символы Жертвы Христа и сошедшего на Его общину Святого Духа, а также двух главных церковных Таинств – Крещения и Евхаристии.

Церковь существует лишь потому, что Иисус жив и актуально присутствует, действует. Это Он собирает Себе новый «народ святой», «взятых в удел» исповедников Его имени (1 Петр 2, 9-10). Иисус действует посредством Духа Своего – Святого Духа, излияние Которого стало плодом Его Воскресения и Прославления (Деян 1, 8; Ин 14, 15-18; 15, 26-27). Поэтому день сошествия Святого Духа на общину апостолов и других учеников в праздник Пятидесятницы считается днём рождения Церкви, точнее, днём явления Церкви миру.

Отныне Воскресший Иисус продолжает Своё служение в Святом Духе *через* Церковь (как орудие Своего дела) и *в* Церкви (пространство-среда Спасения). Иначе говоря, Церковь есть форма реального присутствия Воскресшего Господа и Его Спасения. Она – Тело Христово, Народ Божий, Невеста Христова, Дом Божий, Храм Святого Духа, Община сопричастности и диалога, построенная по образу Святой Троицы.

Её наименование в романских языках созвучно греческому оригиналу (*екклесиа*). Русское же слово *Церковь*, как и немецкое *Kirche*, и английское *Church*, происходит от другого греческого слова – *Кириаке*, что означает «принадлежащая Господу».

Евхаристия

Евхаристия – по-гречески «благодарение». Так называется главное христианское Таинство, завещанное Церкви Самим Иисусом Христом на Тайной Вечере: «Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Моё, за вас ломимое;

сие творите в Моё воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Моё воспоминание» (1 Кор 11, 23-25; ср. Мф 26, 26-29; Мк 14, 22-25; Лк 22, 15-20).

В каком-то смысле Евхаристия – это продолжение братских трапез, свойственных общине Иисуса при Его земной жизни. Вместе с тем, Евхаристия качественно отличается от них, ибо в её центре – опыт Пасхальной Тайны, ставшей достоянием Церкви после Распятия и Воскресения Господа. Во время совершения Евхаристии хлеб и вино священнодейственно изменяются, – пресуществляются – в Тело и Кровь Пасхального Иисуса. Вкушая Хлеб и пригубляя Чашу, верующие вступают в физический контакт со Христом, со всей реальностью Его нового, воскресшего, духовного Существа (Ин 6, 63).

Воспоминание, предписанное Христом Своим ученикам на Тайной Вечере, есть «возвещение смерти Господней, доколе Он придёт» (1 Кор 11, 26). Церковь восхищённо и благодарно вспоминает о славных делах Божиих, самое великое из которых – Голгофское Жертвоприношение Божия Сына для Спасения людей. Вся община становится участником этого Жертвоприношения, а Причащение Тела и Крови Господних объединяет её членов в единое Тело Христово – Церковь. Таинство Евхаристии совершается в Церкви и, в тоже время, созидает Церковь. Через него Церковь воздаёт Богу достойную Его хвалу.

Литургия

Греческое слово *лейтургия* включает два корня: *эргон* – «дело» и *лейтос* – «принадлежащий народу», и, следовательно, может переводиться как «дело народа».

В Древней Греции так называлась общественно-полезная деятельность, затем – служение богам, а в греческом переводе иудейских ветхозаветных Писаний тем же словом обозначались храмовые богослужения Израиля, а также молитва, чтение слова Божия и другие духовные практики.

В Новом Завете слово *литургия* используется в разных зна-

чениях, среди которых – и публичное служение Господу (Деян 13, 2), и христианское духовное служение (Флп 2, 17). В Послании к Евреям Иисус назван «Литургом» – Священнодействователем – «святилища и скинии истинной» (Евр 8, 2), а Его посредническое служение – Литургией (Евр 8, 6).

В позднейшей церковной традиции словом Литургия стало обозначаться христианское богослужение во всех его многообразных проявлениях, а в Восточной (Православной) Церкви – Евхаристическое богослужение.

В современном понимании Литургия – это публичное почитание (культ), воздаваемое Богу мистическим Телом Христа, т.е. Церковью. В нём участвуют и Глава (Иисус Христос), и Его члены (верующие, земная община, и – невидимым образом – небесная община почивших святых). Литургия – это, прежде всего дело Христа-Первосвященника, совершаемое, однако, при посредстве Его Церкви и через неё.

Евхаристическое богослужение, составляющее ядро христианского культа, именуется Божественной Литургией (в западной традиции – Святая Месса). Оно складывается из Литургии Слова (чтение Священного Писания и проповедь) и Литургии Таинства (пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Господа, Причащение верующих).

Список иллюстраций

Раздел I

Благовещение Марии. (стр. 8)
Мария и Елизавета. (стр. 10)
Брак в Кане Галилейской. (стр. 12)
Мария и Иоанн – под Крестом. (стр. 15)
Пятидесятница. (стр. 17)
Мария и Апостолы. (стр. 19)
Откровение Иосифу во сне. (стр. 23)
Бегство в Египет. (стр. 25)
Иоанн Креститель, указывающий на Иисуса как Агнца Божия. (стр. 29)
Призвание апостолов Андрея и Иоанна. (стр. 30)
Наречение Симона Петром. (стр. 32)
Встреча Нафанаила с Иисусом. (стр. 35)
Сборщик налогов Левий Матфей. (стр. 39)
Ученики не понимают Иисуса. (стр. 42)
Иаков и Иоанн Зеведеевы. (стр. 45)
Исцеление слепого Вартимея. (стр. 49)
Чудо умножения хлебов. (стр. 52)
Тайная Вечеря. (стр. 55)
Умывание ног ученикам. (стр. 58)
Мария Магдалина у пустого гроба. (стр. 60)
Мария и воскресший Иисус. (стр. 62)
Явление Воскресшего Своим ученикам. (стр. 65)
Поручение Петру. (стр. 69)
Последняя Трапеза с учениками. (стр. 73)
День Пятидесятницы. (стр. 77)
Дарование другого Утешителя, Духа Истины. (стр. 80)
Апостол Павел в Риме. (стр. 82)
Установление Евхаристии. (стр. 86)
Трапеза Господня. (стр. 89)
Жертва хвалы. (стр. 91)
Церковь Христова. (стр. 93)
Послание апостола Павла Коринфской общине. (стр. 95)

Раздел II

Призыв к покаянию и обращению. (стр. 101)
Свидетельство. (стр. 104)
Служение пророка. (стр. 106)
Т. В. Толстая. Иллюстрация к роману Г. Гессе «Игра в бисер». (стр. 108)

Экскурс

Иерусалимский храм. (стр. 116)

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Гравюры на дереве:

1. Первомученик Стефан. (стр. 119)

2. Обращение Савла. (стр. 122)

Пути, пройденные апостолом Павлом до его первого миссионерского путешествия. Ф. Ринекер, Т. Майер. Библейская энциклопедия Брокгауза. 1999. (стр. 124)

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Варнава и Павел в Листре. Гравюра на дереве. (стр. 127)

Первое и второе миссионерское путешествие апостола Павла. (стр. 132)

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Проповедь Павла в Афинах. Гравюра на дереве. (стр. 134)

Третье миссионерское путешествие апостола Павла. (стр. 136)

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Гравюры на дереве:

1. Павел прощается с ефесянами. (стр. 139)

2. Прибытие Павла в Рим. (стр. 141)

Лукас Кранах Младший. Казнь апостола Павла. Гравюра на дереве. (стр. 145)

Лукас Кранах Младший. Апостол Павел. Гравюра на дереве. (стр. 147)

Свиток Пятикнижия в Сихеме, написанный по преданию, Елеазаром, сыном Аарона. Ф. В. Фаррар. Жизнь. (стр. 151)

Иисуса Христа

Список дополнительной литературы

В каждом выпуске мы будем предлагать вашему вниманию список книг, которые, на наш взгляд, могут оказаться вам полезными. Конечно, этот перечень далеко не исчерпывает весь объём литературы, изданной на ту или иную тему. Признаться, мы и не ставили перед собой такой задачи. В списках дополнительной литературы мы будем указывать сначала популярные издания, написанные доступно и просто, а затем – более сложные, научные. Особо стоит подчеркнуть следующее: чтение рекомендуемых нами книг не является обязательным. Вы абсолютно свободны и можете обратиться к ним, если у вас будет на то время и желание.

Библия. Издательство «Жизнь с Богом». Брюссель. 1989

Библейская энциклопедия. Российское библейское общество. 1998

Предлагаемая вашему вниманию библейская энциклопедия представляет собой доступное широкому кругу читателей издание. С её помощью вы сможете ознакомиться с историей создания Библии, археологическими находками, позволяющими соприкоснуться с древнейшими библейскими рукописями. Вы узнаете о быте, обычаях, религиозной жизни Израильского народа, неразрывно связанного с Книгой, а также других народов, упоминаемых в ней. В энциклопедии имеется большое количество цветных фотографий, рисунков, схем и географических карт, что позволит сделать чтение более увлекательным и станет прекрасным наглядным дополнением к текстам.

Библейский атлас. Тим Даули. Российское библейское общество. 2003

В атлас специалиста по церковной истории Тима Даули вошли более 80 цветных географических карт Палестины, Ближнего Востока и Римской империи. В нём освещены важнейшие события на протяжении всей библейской истории, вопросы географии, климата и сельского хозяйства. Атлас может стать хорошим дополнением к материалам тетрадей нашего курса благодаря доступному тексту, красочным фотографиям, картам, схемам и диаграммам.

Мень А. В. Радостная Весть. Лекции. Выпуск 1. М.: АО «Вита-Центр», 1991

В этом издании собраны лекции, которые были прочитаны о. Александром в последние два года его жизни. Вы можете прочитать его небольшую лекцию об апостоле Павле.

Мень А. В. Первые Апостолы. М.: Фонд имени Александра Меня. 1991

В своей книги о. Александр с живой достоверностью реконструирует исторические, географические, социальные, культурные и бытовые реалии жизни первых апостолов. Он повествует о становление их духовного опыта, испытаниях веры, трудовой жизни. На основании документов воссоздаёт живые лики подвижников христианства

Деко А. Апостол Павел. М.: Молодая гвардия. 2005

Книга известного французского писателя рассказывает об апостоле Павле, современнике Иисуса Христа, посвятившем свою жизнь распространению христианского учения. Писатель ведёт своих читателей по дорогам Малой Азии, Иерусалима, Греции, Рима, по которым когда-то пролегали

пути апостола Павла. Книга написана в форме биографии доступным для восприятия языком.

Новый библейский словарь. Часть 1. Библейские персонажи. СПб.: Мирт, 1999

Данный словарь содержит информацию о лицах, достаточно активно проявивших себя в библейской истории. Здесь много карт, рисунков, схем, где указаны генеалогические связи. Материал этого словаря поможет вам приблизиться к пониманию реальности библейской истории. Авторы словаря стараются избегать категоричных оценок и не пытаются навязать читателям собственное мнение, они лишь показывают различные точки зрения по многим спорным моментам библейской истории. Большинство статей отличаются информативной насыщенностью, хорошим научным уровнем, широтой проблематики.

Статьи словаря снабжены научными комментариями востоковеда-гебраиста. Эти комментарии способствуют лучшему осмыслению библейских реалий, разъясняют научную терминологию и расширяют тематические рамки.

Библейская энциклопедия Брокгауза. Фритц Ринекер. Герхард Майер. Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn. Русское издание, 1999

Библейский словарь Фритца Ринекера поможет вам лучше понять библейский текст. Энциклопедия содержит более 6000 ключевых слов к личностям, истории, археологии и географии Библии. Авторы предприняли попытку выявить значение библейских понятий и слов, рассмотрев все возможные случаи их ситуативного и контекстуального употребления в Священном Писании. Обращаясь к этому словарю, вы сможете расширить горизонты своего видения библейской истории, географии земли, в которой происходили события, описанные в Библии, и истории культуры народов, которые непосредственно участвовали в этих событиях.

Сокращения названий библейских книг

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ:

Авв	Аввакум
Авд	Авдий
Агг	Аггей
Ам	Амос
Быт	Бытие
Вар	Варух
Втор	Второзаконие
Дан	Даниил
(1) Езд	Первая Книга Ездры
2 Езд	Вторая Книга Ездры
3 Езд	Третья Книга Ездры
Екк	Екклезиаст
Есф	Книга Есфирь
Зах	Захария
Иез	Иезекииль
Иер	Иеремия
Иов	Книга Иова
Иоил	Иоиль
Ион	Иона
Ис	Исаия
Ис Нав	Книга Иисуса Навина
Исх	Исход
Иф	Книга Иудифь
Лев	Левит
1 Макк	Первая Книга Маккавейская
2 Макк	Вторая Книга Маккавейская
3 Макк	Третья Книга Маккавейская
Мал	Малахия
Мих	Михей
Наум	Наум
Неем	Книга Неемии
Ос	Осия
1 Пар	Первая Книга Паралипоменон

2 Пар	Вторая Книга Паралипоменон
Песн	Песнь Песней
Плач	Книга Плач Иеремии
По. Иер	Послание Иеремии
Притч	Книга Притчей
Пс	Псалтирь
Руф	Книга Руфь
Прем	Книга Премудрости Соломона
Сир	Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова
Соф	Софония
Суд	Книга Судей
Тов	Книга Товита
1 Цар	Первая Книга Царств
2 Цар	Вторая Книга Царств
3 Цар	Третья Книга Царств
4 Цар	Четвёртая Книга Царств
Числ	Числа
Слл. =	Следующие стихи
и пар. =	и параллельные места

НОВЫЙ ЗАВЕТ:

Гал	Послание к Галатам
Деян	Деяния Апостолов
Евр	Послание к Евреям
Еф	Послание к Ефесянам
Иак	Послание Иакова
Ин	Евангелие от Иоанна
1 Ин	Первое Послание Иоанна
2 Ин	Второе Послание Иоанна
3 Ин	Третье Послание Иоанна
Иуд	Послание Иуды
Кол	Послание к Колосянам
1 Кор	Первое Послание к Коринфянам
2 Кор	Второе Послание к Коринфянам
Лк	Евангелие от Луки
Мк	Евангелие от Марка

Мф	Евангелие от Матфея
Откр	Откровение Иоанна
1 Петр	Первое Послание Петра
2 Петр	Второе Послание Петра
Рим	Послание к Римлянам
1 Тим	Первое Послание к Тимофею
2 Тим	Второе Послание к Тимофею
Тит	Послание к Титу
1 Фес	Первое Послание к Фессалоникийцам
2 Фес	Второе Послание к Фессалоникийцам
Флм	Послание к Филимону
Флп	Послание к Филиппийцам

Сокращения библейских цитат, принятые в настоящем курсе

2,1	Вторая глава, первый стих.
2, 1-12	Вторая глава, стихи с первого по двенадца тый.
2, 1-12. 17	Вторая глава, стихи с первого по двенадцатый и стих семнадцатый.
2, 1 – 3, 12	От первого стиха второй главы до двенадца того стиха третьей главы.

Список общих сокращений

в., вв.	век, века
г., гг.	год, годы
греч.	греческий
др.	другие
Кн.	Книга
лат.	латинский
н. э.	наша эра (до н. э.)
о.	отец
ред.	редактор, редакция
Р. Х.	Рождество Христово (до Р. Х., по Р. Х)

С.	страница
см.	смотри
ср.	сравни
Т.	том
т. д.	так далее
т. е.	то есть
т. п.	тому подобное

Содержание

От авторов 2

Раздел I

Мария 5
«Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему».....5
«Что скажет Он вам, то сделайте».....11
«Се, Матерь твоя!».....14
«И явилось на небе великое знамение: жена, облечённая в солнце» 16
Иосиф 22
Ученики.....27
«Мы нашли Мессию» 27
Взыскующие Господа Андрей и Иоанн 29
«Ты наречешься Кифа, что значит: камень (Пётр)» 31
«Филипп, иди за Мною» 34
«Нафанаил…, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя» 35
«Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни».....37
«Что хотите, чтобы Я сделал вам?» 43
Трапеза 50
Тайная Вечеря.....54
Пётр, Иоанн, Мария Магдалина… 59
У пустого гроба 59
На берегу Тивериадского озера 64
«Иду ловить рыбу…» 64
«Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» 67
«Паси овец Моих» 69
Лики Церкви 72
Пятидесятница 76
Евхаристия 84
Церковь 92

Раздел II

Почувствуйте себя пророком 99

Экскурс

От Савла – к Павлу 113
«Сын фарисея…» (Деян 2, 36).....113
«Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян 9, 4).....121
«Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мёртвых» (Гал 1, 1).....123
Миссионерские путешествия апостола Павла 126
Первое путешествие 126
Второе путешествие 131
Третье путешествие 137
Четвёртое путешествие 141
Пятое путешествие 143
«А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие…» (1 Кор 1, 23)..144

Творческие задания 157

Важнейшие понятия 158

Список иллюстраций 165
Раздел I.....165
Раздел II 166
Экскурс 166
Список дополнительной литературы 167

Сокращения названий библейских книг.....170

Сокращения библейских цитат, принятые в настоящем курсе 171

Список общих сокращений.....171

В начале было Слово… Десятая тетрадь:
Община учеников.
Новосибирск, 2007.

Руководитель проекта: диакон Владимир Дегтярёв

Литературный редактор: Путренко И. В.

Авторы и составители I раздела:
Дегтярёв В. В., магистр богословия,
Овчинникова О. М., лиценциат богословия,
Овчинников И.В.

Авторы и составители II раздела:
Дегтярёв В. В., магистр богословия,
Фёдорова Н. Э.

Авторы и составители III раздела:
Дегтярёв В. В., магистр богословия.
Овчинникова О. М., лиценциат богословия,
Овчинников И.В.

В оформлении заставок ко II и III разделам использавана графика Ганса Гольбейна Младшего.

© Институт философии, теологии и истории святого Фомы
© Католический Центр Духовного Развития ”ИНИГО”